

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

**«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

АЛИМОВ ТИМУР ЭРМЕКОВИЧ

**Личные эвфемизмы сквозь призму эколингвистической парадигмы
(на материале английского, узбекского и русского языков)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Куприянова Милана Евгеньевна

МОСКВА – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОММУНИКАЦИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ.....	
1.1. Эколингвистика: предмет, задачи и методология.....	14
1.2. Этно- и социокультурные аспекты лингвоэкологичной коммуникации.....	27
1.3. Категория вежливости в системе экологичного общения.....	38
1.4. Толерантность как этноспецифическая сущность в ракурсе эколингвистики.....	48
1.5. Общие особенности англосаксонских, узбекских и русских лингвоэкологических традиций.....	57
1.5.1. Эвфемизация как универсальная стратегия эколингвистики: основные параметры.....	65
<i>Выводы по Главе 1</i>	<i>68</i>
ГЛАВА 2. ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВФЕМИЗАЦИИ РЕЧИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ, УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ КОММУНИКАЦИЯХ.....	
2.1. Эвфемизация в англосаксонской коммуникации.....	73
2.2. Эвфемизация в узбекской коммуникации.....	83
2.3. Эвфемизация в русскоязычной коммуникации.....	98

<i>Выводы по Главе 2</i>	116
ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ, УЗБЕКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	119
3.1. Личные эвфемизмы в параметрах экологичности/неэкологичности общения.....	122
3.1.1. Номинация смерти в сопоставляемых лингвокультурах	123
3.1.2. Номинация полноты в сопоставляемых лингвокультурах.....	146
3.1.3. Номинация старости в сопоставляемых лингвокультурах.....	161
3.2. Коммуникативные правила эффективного межкультурного взаимодействия.....	177
<i>Выводы по Главе 3</i>	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
БИБЛИОГРАФИЯ	190

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию функционирования эвфемизмов сквозь призму эколингвистики на материале английского, узбекского и русского языков. Работа выполнена в русле современных интегральных исследований, сочетающих в себе смежные области знания: сопоставительно-типологическое языкознание, эколингвистика, эмотивная лингвоэкология, социоллингвистика, когнитивистика, лингвокультурология, психоллингвистика и культура речи.

Необходимость сопоставительных исследований в заданном русле, наряду с повышенным интересом к эколингвистике обусловлены, с одной стороны, проницаемостью лингвокультурных границ, повсеместной глобализацией и американизацией культурно-языковой среды многих стран, вследствие чего констатируется наличие проблемы сохранения языка и культурной идентичности народов. С другой стороны, возникла потребность в заботе о психофизическом здоровье человека, который «надорван массируемыми информационными атаками» [Эмотивная лингвоэкология... 2013: 13], небрежностью в коммуникации, снижением этичности в коммуникативном поведении, что является результатом увеличения объема информации и скорости передачи сообщений адресату. По словам учёных, «желание быть понятым превалирует над намерением понимать другого хотя бы потому, что это занимает больше времени» [там же: 8]. Воздействие словом обладает мощной энергетической силой и имеет как терапевтический, так и деструктивный эффекты, которые давно описаны в медицине и психологии. Сегодня стихи великого Тютчева приобретают особую актуальность и ценность: *«Нам не дано предугадать / Как слово наше отзовется».*

Необходимость решения проблем коммуникации в эколингвистическом поле становится актуальной проблемой и в обыденной жизни. За последние двадцать лет многие неологизмы, вошедшие в русский язык, приобрели статус речевых клише:

экологичное поведение, вести себя неэкологично, экологичное общение, токсичные слова, токсичный руководитель, токсичная коммуникация, толерантное сознание, толерантная культура, речевая толерантность, политкорректный язык и т.д. Это актуализирует высокую востребованность и практическую значимость эколоингвистических исследований не только в академической среде, но и на уровне повседневного общения.

Подчеркнём факт существующей экстраполяции современных геополитических задач на проблемы языковой политики – очередной передел мира, война культур и цивилизаций по С. Хантингтону [Хантингтон 2003] усложняет и усиливает борьбу за сохранение языковой и культурной идентичности многих народов. Новая повестка актуализирует вопросы преемственности традиций, разумного соотношения заимствований с имеющимися эквивалентами в языковом фонде, а также заставляет переосмыслить тенденции к ассимиляции западных ценностей, насаждаемых под благообразным призывом к политкорректности. Проникновение многих идей, чужеродных мировоззрению той или иной лингвокультуры, оказалось чрезвычайно опасным явлением.

На сегодняшний день количество эколоингвистических исследований неуклонно растёт. Перспективным направлением считается отказ от антропоцентрической парадигмы в сторону принятия концепции триединой системы *человек – социум – природа*, где язык обеспечивает функционирование отдельно взятой экосистемы. Экоцентрическая модель сознания коррелирует с новейшими исследованиями в области нейронауки и становится перспективной в свете потребности многообразных и гармоничных моделей бытия для каждого этноса. Проблематика эколоингвистики в разные периоды времени разрабатывалась такими учёными, как Л.П. Амири, А.А. Бернацкая, И.О. до Коуту, М. Дёринг, Т.В. Жеребило, С.В. Ионова, Л.-Ж. Кальве, В.И. Карасик, Д.С. Лихачёв, П. Мюльхойслер, Э. Пианка, А.В. Пузырёв, О.Б. Сиротинина, Л.И. Скворцов, А.П. Сквородников, Т.А. Скутнабб-Кангас, Н.Г. Солодовникова, И.А. Стернин, А. Стиббе, В. Трампе, А. Филл, П. Финке,

Д.Л. Форте, М.А.К. Халлидей, В.И. Шаховский, А.А. Штеба и др.

Однако, несмотря на растущий интерес к проблемам эколингвистики, многие аспекты остаются неразработанными, например: определение предметного поля, функций и задач эколингвистики, выбор методологии и т.д. Само название этой относительно молодой науки является предметом дискуссий: одни учёные склоняются к тому, чтобы называть эколингвистику лингвоэкологией, другие настаивают на тождестве номинаций, третьи разграничивают эти области знания, что ведёт к разным вариантам определения предмета, задач и параметров эколингвистики.

Изучение эвфемизации в русле эколингвистики в российской и узбекистанской науках имеет короткую историю: имеется всего лишь несколько работ, написанных российскими учёными, и ни один из языковедов Узбекистана ещё не исследовал данную тему. Все вышеперечисленные проблемы определяют **актуальность темы исследования.**

Степень разработанности проблемы. Определим, что работа содержит в себе несколько векторов изучения: помимо эколингвистики, рассматриваются проблемы эвфемизации речи в англосаксонской, узбекской и русской коммуникациях, а также вопрос о возможности экстраполяции эколингвистики на изучение эвфемизмов в междисциплинарном плане. Эвфемия является объектом изучения на протяжении многих лет. В настоящее время существуют десятки классификаций эвфемизмов, поскольку многообразие параметров задают принципиально разные классификационные модели (подробнее об этом – см. раздел 1.5.1.). Эвфемизмы изучались в *лингвопрагматическом аспекте* [Кипрская 2005; Malyuga, Orlova 2017], *лингвокогнитивном аспекте* [Цыдендамбаева 2011; Порохницкая 2014], с позиций *социолингвистики* [Вильданова 2015; Милоенко 2009], *лингвокультурологии* [Мансур 2020; Реброва 2020], а также с точки зрения *взаимосвязи эвфемизмов и табу* [Голованова 2005]. Эвфемизмы с точки зрения эколингвистической оценки в отечественной науке рассмотрены мало: на сегодняшний день имеется всего лишь одно исследование М.И. Зверевой, которая изучила эвфемизмы российской

современной публицистики [Зверева 2023]. Таким образом, на данный момент эколингвистический аспект функционирования эвфемизмов бытового дискурса в различных лингвокультурах не становился темой специального исследования. В связи с этим мы и обратились к разработке данной проблематики.

Объектом исследования являются личные эвфемизмы в английском, узбекском и русском языках. Личные эвфемизмы, вслед за Л.П. Крысиным, понимаются как замены, относящиеся к физиологическим состояниям человека, отношениям между полами, а также болезням и смерти [Крысин 2000].

Предмет исследования – их эколингвистические, когнитивные, семантические, дискурсивные и лингвокультурологические параметры.

Основная **цель** диссертации состояла в том, чтобы выявить ключевые характеристики эвфемизации речи в англосаксонской, узбекской и русской коммуникациях с учётом эколингвистической оценки и установить её корреляционные связи с табуизацией определённых концептов и лексем.

В связи с поставленной целью необходимо было решить следующие **задачи**:

1. Определить этнокультурные и социокультурные параметры лингвоэкологической коммуникации в свете сопоставительного изучения лингвокультур.
2. Исследовать этноспецифические черты категорий вежливости, толерантности и политкорректности в англосаксонской, узбекской и русской лингвокультурах с последующим выведением универсальных и уникальных характеристик лингвоэкологических традиций.
3. Разработать параметры эвфемизации в бытовом дискурсе с точки зрения эколингвистической оценки сопоставляемых лингвокультур.
4. Провести эколингвистический анализ эвфемизации речи путём выделения и описания параметров экологичности / неэкологичности речи, а также наиболее актуальных тенденций в соответствующих коммуникациях.
5. Выявить и систематизировать личные эвфемизмы, обладающие

эмоционально-сниженной, нейтральной и комплиментарной оценкой.

6. Систематизировать закономерности возникновения культурных и коммуникативных табу в англоязычной, узбекоязычной и русскоязычной традициях.

7. Предложить рекомендации для эффективной межкультурной коммуникации, а также вывести базовые принципы эвфемизации речи для номинаций смерти, полноты и старости.

Теоретической базой исследования послужили следующие работы:

➤ *о взаимовлиянии языка и окружающей среды* (М. Дёринг, С.В. Ионова, В.И. Карасик, П. Мюльхойслер, Э. Сепир, А.П. Сквородников, В. Трампе, А. Филл, П. Финке, М.А.К. Халлидей, Э. Хауген, А.А. Штеба и др.);

➤ *о природе табуизации и принципах возникновения эвфемизмов в рамках эколингвистической парадигмы* (Г.А. Вильданова, Т.В. Жеребило, М.И. Зверева, А.П. Сквородников, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал и др.);

➤ *об этноспецифической сущности категорий вежливости и толерантности* (А. Вежбицкая, Т.В. Ларина, Дж. Лич, С.М. Мўминов, Т.В. Романова, И.А. Стернин, С.Г. Тер-Минасова, Э.Холл и др.);

➤ *о влиянии этнокультурных и социокультурных факторов на формирование лингвоэкологических традиций* (Л.П. Крысин, С.М. Мўминов, Р.А. Ортиков, В.П. Синячкин, А.С. Туракулова и др.).

Методологической основой исследования являются положения о языковой среде (Э. Хауген) и дискурсивном анализе как способе познания окружающего мира (Р. Харре, М.А.К. Халлидей и др.). Конкретно-научная методология диссертации основана на применении субстратного подхода А.В. Пузырёва, который первым описал общую схему методологии эколингвистики с опорой на философское представление о сущности предмета исследования [Пузырёв 1995, 2010; Эмотивная лингвоэкология... 2013].

Материалом данной работы послужили:

1. лексикографические источники: толковые словари, словари английского,

узбекского и русского языков, лингвистические словари, фразеологические и этимологические словари, словари эвфемизмов;

2. тексты официальных структур государственной власти и законодательства, образовательных и медицинских учреждений США, Узбекистана и Российской Федерации;

3. тексты газетной и телевизионной публицистики, современной художественной прозы, вышедшие в свет в период 2000-2024 гг.;

4. речевые образцы в виде реплик и высказываний, полученных в результате полевых исследований в РФ и Узбекистане, а также устного интервью и письменного опроса информантов.

Для проведения эмпирической части исследования всего было опрошено **375** респондентов и проанализировано свыше **5000** контекстов, составляющих авторскую картотеку эвфемизмов.

В работе были использованы следующие **основные методы исследования**: общенаучное понятийное моделирование, описательно-аналитический метод, интроспективный метод, метод субстратного анализа, контекстуальный анализ, методы сплошной и целевой выборки, дефиниционный анализ, анализ словарных дефиниций, опрос информантов и верификация результатов, интегративная методика социолингвистического, лингвокультурологического и эколлингвистического анализов с применением качественного контент-анализа по Мейрингу [Mayring 1994].

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые описаны особенности англосаксонских, узбекских и русских лингвоэкологических традиций с выведением лингвоэкологического идеала; впервые выведены параметры экологичности / неэкологичности речи в рамках исследования эвфемизации на уровне бытового дискурса; впервые определены и систематизированы наиболее заметные и социально значимые области эвфемизации в исследуемых лингвокультурах; впервые проанализированы номинации смерти, полноты и старости с учётом исторического и социокультурного контекста возникновения табу, а также составлены схемы

функционирования личных эвфемизмов с позиции лингвоэкологической оценки. Подчеркнём, что это первое масштабное исследование эколингвистического аспекта эвфемизации среди узбекистанских исследователей.

Теоретическая значимость диссертации состоит в опыте систематизации процессов эвфемизации в англоязычной, узбекоязычной и русскоязычной коммуникациях с применением комплексной методологии анализа. В результате исследования были выведены параметры матрицы «хорошая речь», систематизированы лингвоэкологические традиции на уровне пяти сущностей языка (уровни мышления, языка, психофизиологии, речи, общения), а также намечен новый вектор для эколингвистических исследований.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы исследования могут быть полезны в переводческой и преподавательской практике, при составлении лекционных курсов по лексикологии, грамматике английского, узбекского и русского языков, межкультурной коммуникации, переводоведению. Результаты исследования будут полезны для эффективного межкультурного взаимодействия в узбекской и русской культурах, а также среди народов англоязычного мира.

Гипотеза, выдвигаемая в данном исследовании, состоит в том, что эколингвистическая оценка эвфемизмов обусловлена не только дифференциацией этно- и социокультурных параметров культур, но и разной структурой языков. Эвфемизация является проявлением эколингвистики. Вектор эвфемизации отражает текущую систему мировидения и языковых сознаний, которые, несмотря на общую статичность, подвержены изменениям.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Этноспецифические характеристики англосаксонской, узбекской и русской лингвокультур, включая особенности социокультурных отношений, религиозные доминанты, культурные установки, различия систем вежливости и толерантности определяют дифференцированное понятие *лингвоэкологического*

идеала – устойчивой модели нормативно приемлемого, психологически комфортного и аксиологически сбалансированного речевого взаимодействия. Эта модель определяет предпочтения в стратегиях смягчения, эвфемизации и регуляции вербальной агрессии, отражая культурно обусловленные ожидания «хорошей речи» на когнитивном, ценностном и коммуникативном уровнях.

2. В ракурсе эколлингвистики параметрами эвфемизации являются *глорификация, нейтральность* и *токсичность*. Такая типология соотносится с задачами обеспечения *лингвоэкологичной коммуникации*, направленной на сохранение психоэмоционального здоровья человека. Глорификация представляет собой эвфемизацию с использованием идеализирующих номинаций; нейтральность характеризует замену табуированной или социально чувствительной информации без смысловой трансформации; токсичность описывает эвфемистические формы, в которых скрыто выражаются сарказм или имплицитная агрессия, что нарушает экологичность коммуникации.

3. Разная структура сопоставляемых языков – английского, узбекского и русского – влияет на дифференциацию культурно обусловленных традиций эвфемизации речи, определяя как способы языкового оформления смягчения, так и степень допустимости или предпочтительности тех или иных эвфемистических стратегий в рамках этнокультурных норм вежливости, табуирования и аксиологической оценки.

4. Культурно-исторические, аксиологические и социокультурные характеристики любого лингвокультурного общества коррелируют со степенью экологичности эвфемистических замен в языках.

5. Ментальные репрезентации смерти, полноты и старости в сопоставляемых лингвокультурах имеют неоднородный состав и дифференцируются по параметрам эвфемизации, иерархической структуре, количеству и качеству замен.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность исследования определяется объёмом сопоставляемого материала, а также масштабом

проведённых экспериментов и «полевых исследований», предпринятых в ходе работы; всего было проведено **12** экспериментов. Основные результаты и выводы диссертационного исследования были изложены на заседаниях кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, представлены на международной научно-практической конференции «XVII Акмуллинские чтения» (г. Уфа, 2022 г.), на научно-практической конференции «Риторика в мировом пространстве: наука, образование, практика» (г. Фергана, 2023 г.), на научно-практической конференции «Расширяя границы» (г. Москва, 2023 г.), на международной научно-практической конференции «VI Фирсовские чтения (Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте)» (г. Москва, 2023 г.), на международной научно-практической конференции «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты» (г. Йошкар-Ола, 2024 г.), на республиканской научно-практической конференции «Современные вопросы преподавания филологических наук» (г. Коканд, 2024 г.), на республиканской научно-практической конференции «Коммуникативные инициативы по преподаванию языка в эпоху глобализации» (г. Джиззак, 2024 г.).

Публикации. Основные идеи и положения диссертации отражены в 17 публикациях, в том числе – в 7 изданиях, входящих в перечень ВАК РФ, и 1 – в издании, индексируемом в международной базе данных Scopus.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех Глав с выводами, Заключения и Библиографии. Общий объём работы – 218 страниц.

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, определяется объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи диссертации, раскрывается степень разработанности исследуемой проблемы, перечисляются источники, послужившие теоретическим и практическим материалом для исследования, определяется методологическая основа, теоретическая база и методы исследования.

В первой Главе «Теоретические основания использования эколингвистики для сопоставительных исследований коммуникации в языках разных структурных типов» систематизируются основные теоретические положения и дефиниции, которыми руководствовался автор в ходе исследования. Для систематизации этноспецифических характеристик лингвоэкологических традиций сопоставляемых культур был применён субстратный подход, что позволило определить уникальные критерии экологичности коммуникаций. В данной главе также определяются специфические черты категорий вежливости и толерантности в англосаксонской, узбекской и русской лингвокультурах; выводятся *параметры эвфемизации в эколингвистической парадигме.*

Во второй Главе «Эколингвистический анализ эвфемизации речи в англосаксонской, узбекской и русской коммуникациях» определяются наиболее актуальные и социально значимые области эвфемизации в каждой из сопоставляемых культур; представлены результаты полевых исследований в Республике Узбекистан, а также эмпирический материал, собранный в ходе устных и письменных интервью с информантами из России и США. На основе фактического материала обосновываются различия объективации эвфемизмов в трёх языках.

В третьей Главе «Функционирование личных эвфемизмов в английском, узбекском и русском языках: эколингвистический аспект» приводятся результаты девяти эмпирических исследований; выполнены схематические рисунки актуальных эвфемизмов, номинирующих темы смерти, полноты и старости. Особый акцент сделан на поиске источников табуизации исследуемых концептов. Также в работе приводятся коммуникативные правила эффективного межкультурного взаимодействия.

В Заключении изложены итоги работы, обозначается проблемное поле для дальнейших исследований.

В Библиографии, насчитывающей 250 источников, представлен список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОММУНИКАЦИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ

1.1. Эколингвистика: предмет, задачи и методология

Эколингвистика считается молодым и перспективным направлением научного поиска. Её проблематика исследовалась в разное время такими учёными, как: Л.П. Амири, М.В. Басинская, Н.Н. Белозёрова, Н.Д. Бессарабова, И. Брокмайер, Я.А. Волкова, А.В. Гарифуллина, А.А. Громорушкина, И.О. до Коуту, М. Дёринг, Т.В. Жеребило, М.В. Загидуллина, М.И. Зверева, С.В. Ионова, Л.-Ж. Кальве, В.И. Карасик, М.И. Конюшкевич, В.П. Коровушкин, Н.А. Красавский, Н.К. Қулдашев, Л.В. Кушнина, Н.В. Лабунец, В.В. Леонтьев, Д.С. Лихачёв, П. Мюльхойслер, Ц.Ц. Огдонова, Э. Пианка, А.В. Пузырёв, Е.М. Пылаева, А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Б. Сиротинина, Л.И. Скворцов, А.П. Сквородников, Т.А. Скутнабб-Кангас, Н.Г. Солодовникова, А. Стиббе, В. Трампе, А. Филл, П. Финке, Д.Л. Форте, М.А.К. Халлидей, Р. Харре, Э.И. Хауген, В.И. Шаховский, А.А. Штеба, и др.

На данный момент понятийный аппарат эколингвистики получил достаточное освещение, однако многие вопросы до сих пор являются предметом многочисленных дискуссий. Более того, существует тенденция к расширению предметной области в противовес конкретизации; «наблюдается преобладание теоретических изысканий в ущерб практическим» [Эмотивная лингвоэкология... 2013: 15]. Как показал анализ исследовательской литературы, в настоящее время наиболее полно раскрыт вопрос о становлении эколингвистики [Гарифуллина, Шелестюк 2021, Загидуллина 2016,

Иванова 2007, Пылаева 2011, Сквородников 1996, Шаховский, Штеба 2013, Finke 2018 и др.]. В то же время многие терминопонятия эколоингвистики нуждаются в уточнении и систематизации, учёные не пришли к единодушию в вопросе определения контуров лингвоэкологической предметности, тождественности или разграничения дефиниций *эколоингвистика* / *лингвоэкология*; не утихают дискуссии по поводу статуса этой научной дисциплины, а также о выборе методологии на всех уровнях, включая онтологический.

Отметим наиболее спорные вопросы.

Во-первых, это само выделение новой лингвистической дисциплины – «эколоингвистика». Многообразие вариантов номинации свидетельствует о расплывчатом и обширном объёме предмета и обусловлено, на наш взгляд, ускоренным развитием теоретико-методологической эволюции, возникшей вследствие необходимости решения проблемы оптимальной коммуникации. Коротко обозначим важнейшие вехи становления этой науки.

Симптоматична природа возникновения новой дисциплины: через культуру речи, риторику Ломоносова и далее, в глубину веков, к работам античных философов – Гераклита, Парменида, Кратила (см.: [Forte 2020]). Основы эколоингвистического направления были заложены Э. Сепиром, который в докладе «Язык и среда» впервые поднял тему взаимодействия языка с социальными факторами жизни людей. Именно среда непосредственно воздействует на индивида, «а когда мы имеем дело с той или иной чертой общественной культуры, обусловленной исключительно средой, мы должны интерпретировать эту черту как результат суммирования влияний факторов среды на отдельных представителей данного общества» [Сепир 1993: 270]. В 1970 году американский лингвист Э. Хауген прочитал лекцию об экологии языка и впоследствии опубликовал сборник трудов с одноимённым названием. Согласно его теории, экология языка – есть наука о взаимодействии языка со средой, под которой понимается общество, использующее данный язык в качестве одного из кодов [Haugen 1972: 325].

Затем М.А.К. Халлидей развил и конкретизировал научное направление в сторону взаимовлияния языка и окружающей среды, при этом учёный делал особый акцент на теорию грамматики, которая наряду с лексическим составом языка формирует человеческий опыт [Halliday 1990; 2001]. В терминологии Халлидея языковая экология становится ответвлением науки о связи лингвистики и экологии. Возникновение нового исследовательского направления – языковой экологии – обусловило развитие экологической лингвистики, а также её философского содержательного компонента. По П. Финке и В. Трампе, эколингвистика выходит за рамки традиционных методов исследования, язык становится связующим звеном между природой и культурой [Finke 2018], система «язык – мир» настраивает индивидуума на подбор необходимых слов под реалии мира [Trampe 2001].

Итак, эколингвистика и ее расширенная область научного поиска (экология языка) признается наукой. Более того, исследователи убеждены: эколингвистику следует считать «зонтичным» направлением исследований эколингвистического спектра [Fill 2018, Finke 2018, Stibbe 2015].

Среди узбекистанских исследователей вопросы эколингвистики стали рассматриваться относительно недавно. Первые научные работы в области языка и экологии были проведены Х.Д. Палуановой, которая изучила экологические термины в узбекском, каракалпакском, английском и русском языках в сопоставительном аспекте и выявила их словообразовательно-семантические особенности [Палуанова 2016]. Функционирование эколингвистической парадигмы в вопросах чистоты языка и речи в узбекском языке были исследованы Н.К. Кулдашевым, впервые систематизировавшим жаргонизмы, агнонимы и слова обценной и табуированной лексики [Кулдашев 2021]. В своей диссертации узбекистанскому исследователю удалось раскрыть социокультурный аспект лингвоэкологической коммуникации [там же]. Большой научный интерес представляет работа З.А. Джурабаевой, которая выявила лексико-семантические группы, парадигматические отношения и типы экологических терминов по их структуре [Джурабаева 2018].

В российской (советской) науке у истоков развития экологии языка стояли академик Д.С. Лихачёв и профессор Л.И. Скворцов. В 1979 году Д.С. Лихачёвым была выявлена связь между биологической и культурной экологией [Лихачёв 1982]. Л.И. Скворцов впервые ввел в терминологию понятия «экология языка» и «лингвистическая экология». По мнению исследователя, лингвоэкология является наукой, наделённой конкретными функциями: забота об очищении языка, сохранение окружающей речевой среды и борьба с «лингвистическим нигилизмом» [Скворцов 2003: 295].

Отцом-основателем российской эколлингвистики справедливо называют профессора А.П. Сквородникова, который ещё в 1990 году открыл Лабораторию лингвоэкологии и речевой культуры и долгие годы занимался проектами по защите и сохранению русского языка, а также внес огромный вклад в разработку понятийного аппарата эколлингвистики, обобщил и развил накопленный опыт в области формирования лингвоэкологической терминологии. По А.П. Сквородникову, эколлингвистика (лингвоэкология) является отраслью / областью / направлением языкознания [Сквородников 2014; 2016]. Эта дефиниция была процитирована сотни раз, то есть, никто не оспорил позицию авторитетного исследователя. Однако помимо определения эколлингвистики как самостоятельной науки (см., напр., [Ионова 2016, Пузырёв 2013, Сквородников 2014]) исследователи также приводят и другие характеристики:

- научное направление [Загидуллина 2016, Шаховский, Штеба 2013];
- трансдисциплинарная наука, которая пронизывает другие науки [Finke 2018]
- научная дисциплина [Гарифуллина, Шелестюк 2021, Загидуллина 2016, Шаховский, Солодовникова 2010];
- раздел языкознания [Нурушева 2014, Пылаева 2011];
- новое измерение социоллингвистики [Карасик 2013];
- современная парадигма языкознания [Огдонова 2009];

- междисциплинарная область знания [Stibbe 2015];
- синкретичная научная лингвистическая дисциплина [Конюшкевич 2014];
- самостоятельная междисциплинарная наука [Коровушкин 2011];
- платформа, являющаяся отправной точкой для различных исследований [do Couto 2014];
- определенное экологическое мировоззрение (см. обзор научных зарубежных исследований А. Филла [Fill 2018]).

Наконец, было предложено выделять категорию лингвоэкологичности [Потеряхина 2013].

Во-первых, несмотря на многообразие приведённых характеристик, мнения учёных свидетельствуют об определённой однородности параметров и свойств эколингвистики, а именно: *полипарадигмальность, методологические основы, основное содержание предмета, общий вектор для сопоставительных исследований*. Во всяком случае, в нынешней повестке междисциплинарного знания вопрос о легитимности эколингвистики как науки уже не стоит.

Во-вторых, нет единого мнения относительно тождества терминов «лингвоэкология» и «эколингвистика». Одни учёные говорят о синонимии понятий и ставят в ряд эколингвистику с лингвоэкологией, лингвистической экологией, языковой экологией, экологией языка [Гарифуллина, Шелестюк 2021, Загидуллина 2016, Зверева 2023, Сущенко 2011, Шаховский, Штеба 2013], другие настаивают на чёткой терминологической дифференциации [Пузырёв 2013, Сиротинина 2013]. Поскольку мы являемся свидетелями становления и развития этой области знания, можно проследить, как меняется точка зрения лингвистов относительно разграничения указанных понятий [Громорушкина 2018, Ионова 2010, Коровушкин 2011 и др.].

Приведём определение, ставшее хрестоматийным для российских исследователей.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ (ЭКОЛИНГВИСТИКА) – *отрасль (направление)*

языкознания предметом изучения которой является состояние языка и языковой (речевой) среды; изучение факторов, влияющих (негативно или позитивно) на развитие языка и речевой культуры [Сковородников 2014: 285].

Данная дефиниция свидетельствует о синонимии терминопонятий. В то же время до сих пор поднимается вопрос о языковой избыточности в связи с двойственной терминологией [Громорушкина 2018: 134]; лингвистам предлагается «определиться с наиболее удачным термином» [там же].

Обзор теоретических работ свидетельствует о том, что исследователи склонны к тождественности терминов «эколингвистика» и «лингвоэкология»; при этом, как справедливо отмечает А.А. Громорушкина, понятие «лингвоэкология» употребляется исключительно в российской лингвистике [Громорушкина 2018: 136]. Однако в научном сообществе новые решения по структуризации науки, вносятся серьёзные дополнения.

Так, по Н.Н. Белозёровой и Н.В. Лабунец, экология языка и эколингвистика – пересекающиеся, но отдельные научные направления, восходящие к трудам Э. Хаугена и М.А.К. Халлидея соответственно [Белозёрова, Лабунец 2012: 43-58].

В свою очередь А.А. Громорушкина полагает, что эколингвистика подразделяется на экологию языка и экологическую лингвистику, включающую в себя критическую и прикладную лингвистику [Громорушкина 2018: 136].

Нам близка позиция М.В. Загидуллиной, которая констатирует начавшийся неизбежный процесс «гомогенизации», т.е. примирения двух разнородных начал – экологии и лингвистики в рамках одной научной дисциплины [Загидуллина 2016: 57].

Вслед за А.В. Пузырёвым, мы считаем, что название «эколингвистика» является предпочтительным для языковедов, поскольку оно явно указывает на «определённый круг интересов, связанных именно с лингвистикой, а не другими предметными областями» [Эмотивная лингвоэкология... 2013: 79]. Нельзя не согласиться с уместной аналогией, которую приводит профессор: таким же образом соотносятся друг с другом лингвопсихология и психоллингвистика, названия научных направлений

(психология и лингвистика) не вызывают путаницы и споров [там же].

На наш взгляд, согласно преемственности традиций в языкознании и по аналогии с названиями других направлений, было бы логичнее закрепить термин *эколингвистика* (ср.: психоллингвистика, социоллингвистика, прагматлингвистика, этнолингвистика и т.п.).

В-третьих, к числу разногласий следует причислить определение предметного поля *эколингвистики*, её функций и задач – проблематика, имеющая непосредственную связь с вопросами, описанными выше.

По мнению А.П. Сковородникова, предметом *эколингвистики* следует считать «исследование состояния языка как сложной семиотической системы, обусловленное качеством среды его обитания и функционирования, а также языкового сознания его носителей» [Сковородников 2014: 285]. Задачей этой науки является выработка «средств и методов защиты языка, речи и языкового сознания от негативных воздействий, с одной стороны, и источников, методов и средств их обогащения и развития, с другой» [там же]. Эта точка зрения получила широкое признание, но также вызвала волну дискуссий и многочисленных дополнений относительно дефиниций, предметной области и функциональных задач *эколингвистики*. В настоящее время помимо учёных Сибирского федерального университета, где работал выдающийся исследователь, изучением предмета *эколингвистики* занимаются научные школы Пензы, Тамбова, Челябинска, Саратова, Волгограда и других городов России [Русский язык... 2019; Сиротина 2013; Эмотивная лингвоэкология... 2013 и др.].

Резюмируя коллективные поиски исследователей, можно сказать, что предметом *эколингвистики* являются взаимоотношения триады *человек – социум – природа*, причём все компоненты считаются равноправными, человек не является собственником или центром природы. По словам учёных, *экоцентрическая* модель сознания обусловила «отказ от иерархической картины мира в пользу многообразия гармоничного сосуществования её вариантов» [Ионова 2010: 86-87]. Заметим, что язык является *связующим звеном* этой триады, его функционирование

«представляется как экосистема, а окружающий мир – как языковой концепт» [Иванова 2007].

Итак, защита языка и языкового сознания социума прочно вошло в предметную область эколингвистики. Её общая концепция предмета уже закреплена в словарях: эколингвистика (лингвоэкология) изучает языки в контексте их функционирования, исследует адаптивные стратегии языков и языковых экологических систем, поддерживает миноритарные языки, элиминирует языковые конфликты. Важно отметить, что природные, социальные и культурные условия признаются необходимыми компонентами для сохранения языка, культуры и национальной идентичности [Жеребило 2015].

Нельзя обойти стороной общность предметного поля эколингвистики с культурой речи, которую сегодня называют «родными сестрами» [Сковородников 2013: 208]. Дело в том, что проблематика нормы рассматривается в рамках обеих дисциплин, однако существуют важные различия: в круг задач культуры речи входит эффективность коммуникации, её организация и оптимальность, тогда как эколингвистика призвана решать проблемы благоприятных / неблагоприятных факторов «существования и развития языка как сложной полифункциональной системы» [там же].

Наряду с определениями предметной области предлагается также исследовать следующие задачи и цели эколингвистики:

1. «Языко- / речеохранение и здоровьесохранение с помощью языка» [Колосова (Солодовникова) 2015: 25].

2. Выявление принципов и условий экологичности общения в рамках коммуникации разных типов [Сиротинина 2009, Сковородников 2013, Шаховский 2006].

3. Состояние языка как семиотической системы (его «семиотическое здоровье»), пути и способы защиты языка от негативных влияний, с одной стороны, и его обогащения и развития, с другой [Сковородников 2013: 196].

4. «Исследование динамики сосуществования языка и человека в аспектах социальной, языковой и речевой деградации и реабилитации» [Коровушкин 2011: 62].

5. «Изучение способов эффективной коммуникации, борьбы с подстерегающей нас едва ли не на каждом шагу рискогенностью общения» [Сиротинина 2013: 179].

Разумеется, референциальный набор предметности этой науки не исчерпывается приведённым списком, «никакая даже самая совершенная дефиниция лингвоэкологии не может дать конкретного представления о её предметной области в силу многоаспектности последней» [Сковородников 2013: 208].

Представляется важным отметить, насколько далеко и глубоко шагнула наука. За годы становления и развития эколлингвистики было предложено значительное количество научных идей, часть из которых уже прочно закрепились в современных областях научного знания. Обозначим наиважнейшие из них:

- возникновение новых научных направлений: *эмотивная лингвоэкология* [Шаховский, Солодовникова 2010], *зелёная лингвистика* [Загидуллина 2016], *этическая лингвоэкология* [Андреева 2012];

- разделение эколлингвистики на *экологию языка* и *экологию речи* [Сиротинина 2013];

- разделение экологии языка на аспекты (интралингвальный, интерлингвальный, транслингвальный), направленные на изучение взаимосвязи эколлингвистики с культурой и коммуникативными свойствами речи, проблемы исчезновения языков и полиязычия как среды обитания, а также объективации реалий одного языка и культуры в контексте и средствами иного языка и культуры [Бернацкая 2003];

- выделение новых подходов к исследованию эколлингвистического направления: *экология языка / речи* (основная функция – охрана языка от негативного воздействия окружающей среды) и *экология человека / общества* (защита индивида / социума) [Ионова 2016].

Таким образом, научный интерес к изучению эколоингвистической парадигмы растёт, зонтичный вектор её предметности обуславливает появление новых задач, целей и подходов, что говорит о перспективности этого направления.

Наконец, немаловажным предметом дискуссий является методология современной эколоингвистики. По справедливому утверждению М.В. Загидуллиной, за годы своего становления эколоингвистика «была сосредоточена на своём самоописании, на размышлениях о значимости избранного подхода, а не на прикладных исследованиях и оттачивании методик» [Загидуллина 2016: 59].

Основой методологии изучения эколоингвистики служит развитие идей Э. Хаугена (положение о языковой среде) и М.А.К. Халлидея (анализ дискурса как способ познания окружающего мира). Одно из первых методологических положений было предложено Р. Харре, И. Брокмайером и П. Мюльхойслером. Исследователи предлагали рассматривать язык и языковые структуры как систему единичных структур, которые взаимодействуют с окружающим миром [Harre 1999: 91-118]. Полагаем, что данный тезис чрезвычайно важен для нашего исследования, поскольку невозможно отделить изучение языка от его естественной среды и социокультурного окружения.

Вопрос о выборе методологии относится к нерешённым в силу разнонаправленности задач эколоингвистики. Так, формула определения степени экологичности / неэкологичности субстандартной синонимии, предложенная А.А. Моисеенко [Моисеенко 2008], даёт отличные объяснительные возможности в области языка и мало информации в отношении культуры и коммуникации. Методика эколоингвистического мониторинга, созданная учёными Волгоградского государственного университета, способна предоставить объективный анализ степени экологичности / неэкологичности текстов массмедиа [Основы лингвистического мониторинга... 2011]. Однако такой метод весьма ограничен в возможностях для сопоставительных исследований, поскольку в нём не хватает комплексного представления о сущности языка на всех уровнях. К числу перспективных методик,

решающих проблемы экологической направленности, относятся метод лингвоэкологического анализа Е.М. Пылаевой [Пылаева 2011] и методика анализа внутренней формы слова с позиции рефлексом фундаментальных предикатов сознания З.Я. Кармановой [Карманова 2010]. Повторим: *вопрос о выборе метода имеет теснейшую взаимосвязь с кругом задач и предметной областью эколлингвистики*. То есть, говоря о методах этой науки, всякий раз приходится выбирать вектор изучения и аспект, в котором лежит то или иное исследование.

Принимая во внимание общеизвестный постулат о наблюдениях частнонаучного характера, которые выводятся в цельную картину и общее видение мира, конкретно-научная методология представляется наиболее релевантной для данного исследования. По А.В. Пузырёву, называющему такой подход субстратным, была описана общая схема методологии эколлингвистики [Пузырёв 1995, 2010; Эмотивная лингвоэкология... 2013]. Этот метод видится нам чрезвычайно перспективным, поскольку с его помощью выделяется конкретное проблемное поле для исследования, а опора на философский подход обеспечивает комплексное представление о сущности изучаемого исследования. А.В. Пузырёвым была представлена семиуровневая пирамида конструктивности / деструктивности текста и её уровни потребностей / установок (от низшего к высшему): физический, личностный, межличностный, этнический, социальный, принципиальный и интегративный. Эта модель легко проецируется на состояние языковой среды и современного человека, поскольку отмечается активное навязывание «низших потребностей (физический уровень), эгоцентризм (личностный), враждебность к Другому (межличностный и этнический) и т.п.» [Эмотивная лингвоэкология... 2013: 64].

Говоря кратко о методике А.В. Пузырёва, любая лингвистическая задача может и должна рассматриваться с позиций пяти сущностей языка (*мышление – язык – психофизиология – речь – общение*) и пяти «целевых подсистем рассмотрения этих ступеней сущности (генетический, логический, динамический, функциональный,

идиостилевой аспекты)» [Эмотивная лингвоэкология... 2013: 77]. Кроме того, если исследовать эколлингвистику в градациях логического порядка (всеобщее – общее – конкретно-абстрактное – особенное – единичное) и в градациях онтологии (бытие – сущность – необходимость явления – действительность), мы получим всеобъемлющее представление о предмете эколлингвистики и её задачах. Субстратный метод А.В. Пузырёва позволяет анализировать эвфемизмы с позиций целостного лингвоэкологического понимания сущности языка. Рассмотрим детали данного метода.

Мышление. Метод показывает, как эвфемизмы отражают культурно обусловленные модели восприятия мира, а также каким образом формируются специфические концепты, отражающие табуизацию тем в языке.

Язык. Субстратный подход анализирует структурные и функциональные особенности эвфемизмов на уровне лексики, семантики и прагматики, выявляя механизмы их использования в системе языка.

Психофизиология. С помощью указанной методологии раскрывается влияние эвфемии (или её отсутствие) на психоэмоциональное состояние коммуникантов; выявляется роль эвфемизмов в снижении речевых конфликтов и сохранении психического здоровья.

Речь. Метод А.В. Пузырёва позволяет изучать контекст употребления эвфемизмов с позиции экологичности общения, а также с целью определения эффективных коммуникативных стратегий для успешной коммуникации.

Общение. На основе субстратного метода эвфемия изучается как важнейший механизм предотвращения коммуникативных неудач, связанных с нарушением социокультурных норм и правил коммуникации. Эвфемизация табуированных тем выступает необходимым средством адаптации высказывания к ожиданиям адресата, обеспечивая соответствие этнокультурным представлениям о вежливости, толерантности и проявлении уважения.

На основе классификации двадцати пяти шагов А.В. Пузырёва [Эмотивная

лингвоэкология... 2013: 77-89] выведем основные вопросы для нашего исследования:

➤ **На уровне мышления.** В чём универсальность и уникальность лингвоэкологического мышления представителей разных лингвокультур? Какова иерархия ценностей в этих культурах с позиции эколингвистики? Каков лингвоэкологический идеал в сопоставляемых культурах?

➤ **На уровне языка.** Какие языковые средства реализуют лингвоэкологически ориентированную мысль? Насколько лингвоэкологичны личные эвфемизмы в рассматриваемых языках и культурах?

➤ **На уровне психофизиологии.** Какова роль эколингвистики в сохранении здоровья у языковой личности? Имеет ли оценка в эколингвистике психофизический смысл?

➤ **На уровне речи.** Какое наименование является более экологичным: прямое обозначение объекта или его политкорректный синоним? Каковы речевые параметры разграничения лингвоэкологического / не-лингвоэкологического?

➤ **На уровне общения.** Каковы варианты коммуникативных неудач с точки зрения эколингвистики? В чём специфика лингвоэкологического общения как вида коммуникативной деятельности? Каковы этнокультурные и социокультурные аспекты лингвоэкологической коммуникации? В чём проявляется культурно-историческая специфика англосаксонского, узбекского и русского общения?

Подводя итог сказанному, сформулируем краткие выводы: применение инструментов эколингвистической парадигмы перспективно для сопоставительных исследований коммуникации, поскольку эколингвистика позволяет глубже понять различия в культурах, элиминирует языковые конфликты, минимизирует коммуникативные неудачи и провалы, сохраняет здоровье индивидуума. Компоненты триады *человек – социум – природа* играют равнозначную роль, язык цементирует их взаимосвязь и взаимоотношения. При решении конкретных задач эколингвистического спектра в сопоставительном языкознании целесообразно применение субстратного метода.

1.2. Этно- и социокультурные аспекты лингвоэкологичной коммуникации

Изучение воздействия среды на индивидуума, типологических характеристик его культуры позволяют выявить принципы экологичного существования человека в социуме, понять механизм выбора определённых языковых средств. Как сказал Э. Сепир, свобода, с которой человек использует свой родной язык, «находится как бы на сдерживающем поводе у какой-то регулируемой нормы» [Сепир 1993: 137]. Изучение особенностей культур и среды, формирующей мировидение людей, даёт возможность выведения той самой «регулируемой нормы», о которой говорил Э. Сепир.

Прежде всего необходимо уточнить дефиницию термина «лингвоэкологичный» в ракурсе нашего исследования.

Лингвоэкологичная коммуникация – позитивное речевое взаимодействие, направленное на создание благоприятного климата для общения и сохранения психоэмоционального здоровья человека.

Очевидно, что любая экологичная коммуникация обладает целым рядом взаимодополняющих характеристик, например: соответствие принципам эффективного взаимодействия, выбор коммуникативных стратегий и тактик, уместных в данной речевой ситуации, ориентация на Другого, учёт его психоэмоционального состояния, реализация интенции адресанта экологичными способами общения.

К параметрам экологичности коммуникации, вслед за В.И. Шаховским, мы относим доброжелательность, отсутствие негативных оценок, эмпатию, «выбор общей темы и экотемы для разговора», конструктивную целевую установку высказывания, выбор языковых средств, уместных для данной коммуникативной ситуации, вежливость, взаимные уважение и толерантность, поощрение, равные

коммуникативные права, соблюдение этики» [Шаховский 2016: 41]. Эти параметры образуют эколингвистическую матрицу, которую лингвисты определяют общим термином «хорошая речь» [там же].

Безусловно, пристальное изучение каждого из приведенных параметров вызывает множество дискуссионных тем: определение экотемы, равенство в коммуникативных правах, уместность тех или иных языковых средств, специфичность проявления эмоций и т.д. Даже такие универсальные понятия, как вежливость, доброжелательность и эмпатия имеют этноспецифическую окраску. Как верно заметил А.А. Леонтьев, «чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности» [Леонтьев 2003: 272]. В связи с этим необходимо привести краткую характеристику «организации общества» (термин Ю.С. Степанова см.: [Степанов 2020: 202]), которая регулирует поведение каждого своего представителя.

Сегодня невозможно представить проведение сопоставительных исследований без опоры на дихотомию индивидуализма и коллективизма; учёные не раз обращались к этому параметру культуры как к необходимому базису исследований [Hofstede 1991; Hall & Hall 1990; Triandis 1994; Guirdham 1999; Ларина 2009; Прохоров, Стернин 2007 и др.]. Для изучения социокультурных аспектов лингвоэкологической коммуникации рассмотрим основные характеристики культур: **индивидуализм / коллективизм и дистанция власти.**

В **индивидуалистических** культурах, к числу которых принадлежит англосаксонская, на первом месте и главной ценностью является **человек**; «я» всегда стоит выше, чем «мы». Взаимоотношения в семье строятся на паритетной основе, к детям в семье относятся как к равным, поощряется выражение личного мнения ребёнка с тех пор, как он научился говорить. В старшей школе США существует предмет Independent Living, целевой установкой которого является обучение навыкам самостоятельной жизни. По окончании школы дети покидают родительский дом, независимо от того, поступили ли они в колледж или решили пойти работать – жить

вместе с родителями не принято. С другой стороны, в англосаксонской культуре считается неправильным и неприличным обременять детей заботой о постаревших родителях. Обилие языковых единиц, номинирующих такие объекты действительности, как «дом престарелых» или «интернат для пожилых» является яркой иллюстрацией сказанного: *nursing home, assisted living, care home, senior living, long-term care facility, residential care, independent living* и т.д. Другой характерной чертой для данного типа культуры является *наличие соревновательности и конкуренции среди людей*, продвижение по карьерной лестнице благодаря личным достижениям индивидуума; человек рассчитывает только на себя и нередко получает повышение по работе путём самопродвижения.

В **коллективистских** культурах, к которым принадлежат узбекская и русская, выше всего ценится **коллектив**, в понятие которого может входить группа людей, объединённых различными узами и интересами: от семьи и трудовых коллективов до нации в целом; «мы» стоит выше, чем «я». В коллективистских культурах существует чёткая иерархия, требующая повиновения младшего – старшему, причём параметр старшинства включает в себя и возраст, и статус индивидуума. Дети подчиняются родителям, мнение старшего играет первостепенную роль. Заметим, что и мнение коллектива не может быть противопоставлено мнению индивидуума, человек обязан подчиняться большинству. Известный с советских времён лозунг «Общественное – выше личного» является ярким тому примером. Симптоматично наличие в русском языке таких словосочетаний, как: *коллективная ответственность, коллективное решение, коллективное мнение, коллективная вина* и т.п. Также примечательно появление неологизма *коллективный Запад* в политическом дискурсе. Семья определяет направление жизни детей: родители и родственники советуют, в какой вуз поступать, на ком жениться, на какую работу устраиваться и т.д. Нередко представители разных поколений живут под одной крышей. Забота о престарелых родственниках традиционно возлагается на детей. Перекладывание этой ответственности на государство вызывает в коллективистских культурах

общественное осуждение и порицание. По данным на 2022 год, в Узбекской Республике существует всего шесть домов престарелых, общее число опекаемых людей составляет 907 человек [URL: www.darakchi.uz (дата обращения: 18.11.2023)].

Успехи в карьере зависят не только от личных достижений человека, но и от его умений налаживать нужные связи, заводить полезные знакомства в соответствии с крылатым выражением «важно, не что ты знаешь, а кого ты знаешь». Представляется необходимым упомянуть фундаментальную роль концепта *гуаньси* для китайской – коллективистской – культуры. По А.А. Мумликановой, построением особых деловых и семейных связей (*гуаньси*) пронизаны все аспекты жизнедеятельности каждого представителя китайской лингвокультуры [Мумликанова 2022]. Перевод этой единицы (*кумовство, блат, круговая порука*) не отражает истинное значение *гуаньси*, поскольку содержит отрицательную коннотацию. Напротив, *забота о том, кто является одним из нас, обеспечивает помощь, поддержку и продвижение в обществе* (курсив наш. – Т.А.) [там же: 17]. Примечательно, что схожий, но не тождественный по содержанию, концепт имеется в узбекской культуре. Понятие *таниши билши* (*таниши* – знакомый, *билмоқ* – знать) используется для описания процесса знакомства и установления связей между людьми. В отличие от китайского *гуаньси*, *таниши билши* в большей степени относится к сбору информации о человеке, оценке его перспективности в отношении будущих деловых контактов и семейных союзов, однако подчеркнём сходство социокультурных контекстов в обеих культурах.

Опора на личные и деловые связи, жёсткое соблюдение субординации и иерархии, делегирование ответственности на старшего по возрасту и положению, скромность (в противовес самопродвижению и саморекламе, характерных для индивидуалистических культур) во многом определяют успешность карьеры в коллективистских культурах.

Дистанция власти является вторым важнейшим параметром культуры. *Power Distance* или *статусная (вертикальная) дистанция* (термин Т.В. Лариной см.: [Ларина 2009: 41]) характеризуется дифференциацией расстояния между теми, кто

наделён властью в обществе и теми, кто ею не обладает. Немаловажной характеристикой культуры, по мнению исследователей, является *само отношение к неравенству* среди представителей того или иного лингвокультурного общества [Hofstede 1991: 28; Ларина 2009: 41]. Индекс власти обладает большой информативностью для исследователей и является надёжной характеристикой социокультурных отношений общества. В странах с низким показателем власти отношения между родителями и детьми, начальником и подчинёнными, учителями и студентами строятся на *принципах равенства, сотрудничества и поощрении личной инициативы*. В странах с высокой статусной дистанцией *иерархичность является базисом системы общества: послушание и почитание старших, следование указаниям родителей, начальника, учителя является обязательным условием*. В Узбекистане, мусульманской стране, старшие по возрасту и положению в обществе обладают ещё большей властью, чем, например, в России. Степень неравенства ещё выше: родители выбирают детям жениха или невесту, женщины обязаны получить разрешение мужа, чтобы продолжить образование или пойти на работу, начальник обладает непререкаемым авторитетом а priori, в силу своего статуса. Согласно результатам исследования Ф.С. Солиевой, на вопрос «Обязательно ли согласие родителей при вступлении в брак?» **90%** узбекских студентов ответили: «Обязательно!» [Солиева 1994].

Проиллюстрируем реализацию вертикальной власти в коммуникативном поведении коллективистских культур. На фото 1 президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев разговаривает с ветераном войны и труда. Несмотря на безусловную высоту своего статуса, Президент Республики прижимает руку к сердцу, тем самым демонстрируя своё уважение к человеку старшего возраста [URL: www.gazeta.uz (дата обращения: 12.04.2023)]. По словам М.Р. Алижановой, звание, должность и положение человека в обществе играет значительную роль в узбекской культуре, но всегда уступает категории возраста: почёт и уважительное отношение к старшим (*хурмат*) первостепенны и относятся к важнейшим и традиционным ценностям

узбекской культуры [Алижанова 2021: 18].

Фото 1. Проявление уважения президента Узбекистана Ш. М. Мирзиёева к ветерану войны и труда в контексте коммуникативных традиций узбекского общества

На фото 2 президент Ш.М. Мирзиёев приветствует делегацию китайских инвесторов. Склонившийся в полупоклоне представитель китайской культуры прижимает руку к телу; его кинесическое поведение особенно подчёркивает разницу статусов коммуникантов [URL: www.gazeta.uz (дата обращения: 16.04.2023)].

Фото 2. Встреча президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева с представителями китайской делегации

Для глубокого понимания организации среды в эколингвистической парадигме необходимо также учитывать такую характеристику, как *горизонтальная дистанция*, которая показывает «степень социально-психологической близости между коммуникантами» [Ларина 2009: 47]. Этот исторически сложившийся и культурно обусловленный тип отношений в обществе характеризуется разной степенью дистантности: в индивидуалистических культурах дистанция длиннее, чем в коллективистских. Данный факт обусловлен наличием зоны личной автономии – *privacy* – в англосаксонской культуре. Отсутствие точного перевода и самого концепта в русской и узбекской культурах может служить надёжным подтверждением того, что обе культуры принадлежат к коллективистскому типу.

Короткая горизонтальная дистанция в узбекской и русской культурах проявляется на уровне вербальной и невербальной коммуникаций: русские коммуниканты могут познакомиться и завязать достаточно откровенный разговор в очереди, транспорте, путешествии; они дают непрошенные советы, делают замечания, вмешиваются в разговоры посторонних людей, их коммуникативная дистанция гораздо короче, чем у представителей англосаксонской культуры [Прохоров, Стернин 2007].

Узбекские коммуниканты (при условии одинакового статуса и пола) при встрече обнимаются и целуются, похлопывают друг друга по спине и сокращают дистанцию до уровня интимной – шокирующее поведение с точки зрения англосаксов [Ortiqov 2002: 94].

Личное пространство человека (*personal space / privacy*) имеет в англосаксонской культуре почти осязаемые границы: люди испытывают неловкость оттого, что в силу разных обстоятельств (в больнице, лифте, транспорте) им приходится сокращать дистанцию, приближаясь к другому человеку ближе, чем принято. По признанию нашей американской респондентки, работающей парикмахером, она ощущает нарушение своих границ и личного пространства, когда, в силу особенностей профессии, ей приходится приближаться к клиентам (*I can feel my bubble, and when I*

am too close, it makes me physically sick). Примечательно, что используемое слово *bubble* (пузырь) обозначает зону личной автономии, охватывающую человека со всех сторон, и даёт ощущение визуального объёма. Представители индивидуалистических культур испытывают дискомфорт от обильных проявлений тактильной коммуникации (объятия, поцелуи, похлопывания по спине) при общении [Ларина 2009].

Ярким примером, подтверждающим наличие короткой горизонтальной и длинной вертикальной дистанции, а также коллективизма в узбекской культуре, является наличие такого этно- и социокультурного феномена, как *махалля*. Будучи традиционным для многих мусульманских стран социально-территориальным объединением, узбекская махалля, тем не менее, обладает ярко выраженным этноспецифическим колоритом. На русский язык это слово обычно переводится как *квартал, местная община, комитет*, что определяет, по мнению Ф.Б. Загыртдиновой, махаллю как социальную единицу [Загыртдинова 2016: 1470]. Однако ценностный смысл концепта махалля гораздо шире и глубже и не может быть сопоставлен ни семантикой лексем «квартал» или «община» ни с английскими лексемами *community* или *neighborhood*.

Феномен махалли, представляющей собой «сложную экосистему» [Улыко 2021], заключается в том, что её определение и социокультурная роль чрезвычайно обширна: это и административная единица, и часть городской застройки, и исторически сложившаяся социальная общность, *наделённая функциями расширенной модели семьи* (курсив наш – Т.А.) [Sievers 2002: 127]. Махалля выполняет посредническую функцию между человеком и социумом, даёт ему все условия для выживания, имеет непосредственное отношение к каждому значимому событию в его жизни: рождение детей, имянаречение, обрезание мальчиков, праздник, посвящённый первому шагу ребенка, помолвка, свадьба, религиозные и традиционные праздники тюркских народов (Навруз и Сабантуй), похороны – всё организуется в махалле. Следует отметить колоссальное значение совместных праздников для представителей узбекской культуры. По данным масштабного социологического опроса,

проведённого Ф.С. Солиевой, **100%** носителей узбекской лингвокультуры знают и почитают все семейные обряды и традиции праздников, поскольку они «облагораживают человека, увековечивают память поколений» [Солиева 1994: 95]. Особо подчеркнём значимость свадебного обряда – события, состоящего из целого спектра обязательных и многочисленных мероприятий. Это кульминационный и важнейший момент в жизни каждого узбека; фактически к свадьбе человек готовится с рождения. По мнению исследователей, узбекская свадьба представляет собой «глубочайшее внутреннее диалектическое единство эстетического и этического, нравственного и мировоззренческого аспектов» [Солиева 1994: 95].

В сферу деятельности махалли также входит распределение капиталов (помощь малоимущим и прямое воздействие на обеспеченных граждан с целью получения денежных пожертвований), уборка общественных мест и территорий, взаимопомощь и взаимовыручка (хашар) в любых ситуациях (ремонт и строительство домов, присмотр за детьми, уход за лежачими больными и т.д.), обмен или дарение подержанных товаров для детей, вмешательство в дела семьи в случае домашнего насилия и предотвращение разводов – список мероприятий не исчерпывается приведёнными примерами, но служит подтверждением выраженных коллективистских ценностей в узбекской культуре. Именно в махалле «формируется коллективное мнение по актуальным вопросам экономики, социальной и культурной жизни, определяются правила поведения людей в обществе» [Алижанова 2021: 18].

Обзор исследований, посвященных изучению роли махалли в узбекской культуре, позволяет сформулировать следующие выводы:

- Семья, общинность, коллективистский менталитет и образ жизни, гостеприимство, взаимопомощь и взаимовыручка, уважение к старшим являются «священными ценностями» [Солиева 1994: 228, Абашин 2015: 455, Алижанова 2021: 18-19];

- Горизонтальная дистанция в узбекской культуре незначительна; отсутствует понятие «личная автономия человека»; «все друг друга знают, кто как

живет, кто чем занимается, нет никаких секретов, всё на виду» [Абашин 2015: 455];

- Оппозиция «частное-общее» отсутствует [Абашин 2015, Sievers 2002];
- Оппозиция «свой-чужой» достаточно высокая [Абашин 2015];
- Вертикальная дистанция ярко выражена: мнение раиса (председателя махалли) и аксакала (уважаемого человека почтенного возраста) является решающим для всех членов махалли по любому вопросу. Раис и аксакал обладают особым (высоким) статусом в социуме [Sievers 2002].

Представляется важным обозначить истоки формирования существующих ценностей в англосаксонской, узбекской и русской культурах. По нашему мнению, фундамент системы приоритетов лежит в религиозных идеалах. По Н.К. Рябцевой, индивидуалистическая психология, когнитивно-этический рационализм и прагматизм обусловлены развитием протестантской этики в западном обществе [Рябцева 2005: 191]. Протестантизм формировал особый тип личности, наделённый индивидуализмом, практичностью, самостоятельностью и целеустремленностью.

Коренным отличием протестантизма и православия, несмотря на общую христианскую принадлежность этих конфессий, является, с нашей точки зрения, мотивация труда. Согласно учениям Вебера и Кальвина, только труд даёт спасение, т.е. между Богом и человеком фактически заключается негласный контракт: я честно тружусь, а Ты обеспечиваешь моё благополучие. В русской православной традиции труд становится благословенным, когда его конечной целью является не материальное благо, но *соработничество Богу* (отметим тесную связь концептов *соборность* и *соработничество*). В православии превозносятся бескорыстность, взаимопомощь, осуждение наживы; индивидуализм резко осуждается, а прагматизм воспринимается как следствие человеческого эгоизма [Авласович 2018].

Иной религиозный опыт человечества раскрывает исламское мировоззрение, характерное для узбекского культурного сообщества. Весь жизненный путь мусульманина пронизан цитатами из Корана: «в мечетях и медресе, в настенных орнаментах, воротах домов, домашней утвари, на оружии разворачивались строки из

Корана и хадисов, изречений пророков» [Солиева 1994: 36-37]. Многократно повторяемые элементы догматики сформировали совокупность непреложных культурных и ментальных установок, образуя уникальный свод ценностей. Проблемам социальной сущности человека во взаимосвязи с ростом его личностных качеств уделялось особое место в произведениях крупнейших мыслителей прошлого, например: «О нравах жителей благодетельного города» А. Фараби, «Памятники минувших поколений» А. Беруни, «Данишنامه», «Китоб аш-Шифо», «Китоб аннажот», «Китоб аль-иноф» Абу али Ибн Сино, «Кутадгу билик» Юсуфа Хос Ходжиба. Во всех них актуализируется проблема *инсонии комил*, совершенного человека [Солиева 1994: 104-105], а также подчёркивается *роль семьи как основы инсонии комил* (курсив наш – Т.А.) [там же].

Особенностью исламской этики является то, что она «тщательно регламентирует обыденную жизнь мусульманина, подвергая моральной оценке нравы и обычаи, правила общежития» [Зиннатуллина 2015: 78]. Иными словами, исламское мировидение не является абстрактным идеалом, но носит характер конкретной, повседневной этики, совокупности моральных принципов, которым следует каждый мусульманин. Боязнь негативной оценки, порицания и осуждения обществом формирует неукоснительное, строжайшее следование своду правил, предписанных тем, кто исповедует ислам. В этом заключается коренное отличие ментальных установок представителей узбекской культуры от представителей англосаксонского и русского лингвокультурных обществ. Исламское мышление предписывает послушание, почитание и покорность младшего старшему: жена слушается мужа, муж – старших родственников, местную общину и общество. Старшие оказывают жёсткое влияние на младших; причём старшими являются не только индивидуумы, наделённые высоким статусом, но и социум, коллектив, среда, в которой находится человек. В Коране и хадисах содержатся важные для нашего исследования мусульманские ценности: гостеприимство, доброжелательность, уважение старших, взаимовыручка, доминирующая роль семьи, зависимость человека от общества.

Резюмируя сказанное, обобщим содержание социокультурных и аксиологических характеристик в сопоставляемых культурах.

В англосаксонской культуре: дистантность, ориентированность на личность, симметричность отношений, человек, индивидуализм, личное пространство, рационализм, прагматизм, соревновательность.

В узбекской и русской культурах: контактность, ориентированность на статус, асимметричность отношений, общинность, коллективизм, непрагматизм, взаимопомощь и взаимовыручка.

Главное отличие узбекского мировидения от русского заключается в необходимости жёсткого соблюдения правил поведения в социуме, отсутствии вариативности и свободы в следовании канонам, предписанным человеку, а также более сильной степени иерархичности узбекского общества.

Разные стили коммуникации, типы культур и системы ценностей отражаются в этноспецифике системы вежливости и сущности толерантности, а также проявляются в коммуникативном поведении народов. Данные отличия обуславливают уникальность матрицы экологичного общения и определяют вектор успешности лингвоэкологической коммуникации.

1.3. Категория вежливости в системе экологичного общения

Вежливость является важнейшим параметром экологичного общения, а применяемый принцип вежливости во многом обеспечивает функционирование *здоровьесберегающей коммуникативно-экологической функции языка*. Среди многообразия характеристик лингвоэкологичной коммуникации [Шаховский,

Солодникова 2010; Эмотивная лингвоэкология... 2013] многие стратегии можно рассмотреть в совокупности с исследованием категории вежливости, например: элиминация негативных оценок, солидарность и кооперативность, отбор стилистических средств сообразно ситуации, поощрение и поддержка собеседника через эмоциональные «поглаживания» и т.п.

Теоретическую основу изучения категории вежливости составляют речевые максимы и правила [Grice 1975; Leech 2014], концепция «сохранения лица» [Brown & Levinson 1987; Scollon & Scollon 1983], исследования вежливости как понятие дискурса [Watts 2003], как оценка статуса человека [Карасик 2002], в качестве этической и прагмалингвистической категории [Формановская 1998] и национально-специфической коммуникативной категории [Ларина 2009].

Вежливость считается универсальным явлением, однако её содержание и реализация настолько дифференцированы, что один и тот же вербальный или невербальный акт может расцениваться как вежливый или грубый, экологичный или неэкологичный в разных лингвокультурах. Несомненно, вежливое поведение в межкультурной коммуникации требует от индивидуума осведомлённости во многих областях: знание типа культуры и культурных ценностей, аксиологических, социокультурных, социолингвистических и многих других параметров, составляющих национальный стиль коммуникации.

Исследования, посвящённые изучению культурной специфики категории вежливости в англосаксонской и русской лингвокультурах, отражены в многочисленных трудах учёных [Hall & Hall 1990; Khosh 2023; Leech 2014; Watts 2003; Wierzbicka 2003; Ларина 2009 и мн. др.], однако узбекской культуре уделялось недостаточно внимания [Акбарова 2015; Аширбаева 2024; Мўминов 2021; Расулов 2008]. Результаты исследований подтверждают безусловную взаимосвязь культуры, сознания, языка и коммуникации, а также этноспецифическую сущность категории вежливости. Культурно обусловленная асимметрия систем вежливости даёт ключ к пониманию различий национальных стилей коммуникации, из чего можно вывести

определённые правила эффективного взаимодействия.

Как отмечалось, традиционный подход к изучению вежливости предполагает опору на теорию сохранения лица с разделением типов вежливости на позитивную и негативную [Brown & Levinson 1987] (в терминах Т.В. Лариной – *вежливость сближения и вежливость отдаления* [см: Ларина 2009]). Ядро концепции состоит в том, что суть вежливого поведения составляет баланс демонстрации солидарности и дистантных отношений, где функция позитивной вежливости направлена на сближение коммуникантов, а функция негативной вежливости призвана сохранять личную автономию человека и дистанцию между коммуникантами. Несмотря на безусловный выдающийся вклад в науку вышеупомянутых исследователей, мы разделяем критику тех учёных, которые говорят о невозможности экстраполяции классической теории вежливости П. Брауна и С. Левинсона на все лингвокультуры [Watts 2003; Wierzbicka 2003]. Вежливость англоцентристских индивидуалистических культур не следует воспринимать как идеальную модель при изучении иерархических восточных культур. Ориентация на эгалитарные культуры западных стран может привести к нерелевантным выводам, отрицательным оценкам, этническим предрассудкам и стереотипам. «Неправомерно говорить об одном народе как о более вежливом или менее вежливом по сравнению с другим» [Ларина 2009: 22].

Тем не менее значение данной концепции трудно переоценить, а говоря о развитии эколингвистики и эмотивной лингвоэкологии у неё огромный потенциал. По аналогии со стратегиями позитивной и негативной вежливости в теорию эколингвистики были введены термины *экология позитивного и негативного общения* [Шаховский 2016], суть которых, впрочем, имеет совершенно иной смысл. Параметры негативного общения (*тензионарность, пассионарность, нетолерантность, перебив* и т.д.) наносят очевидный вред индивидууму и определяются как неэкологичные признаки общения [Шаховский 2016]. Из главных стратегий позитивного общения выделяется *глорификация*, т.е. поощрение, положительная оценка, а в более широком смысле – комплекс «высоконравственных» стратегий и тактик, ведущих к

миролюбивому и доброжелательному, т.е. экологичному общению [там же: 347].

На основе анализа работ, посвящённых изучению главных черт англосаксонского и русского мировоззрений, а также систем вежливости в этих культурах [Hall & Hall 1990; House 2006; Leech 2014; Wierzbicka 2003; Ларина 2009; Ощепкова 2006] приведём важнейшие для исследования характеристики стилей коммуникации:

В англосаксонской коммуникации: ориентированность на личность, демократичность, минимизация прямого коммуникативного воздействия, эмоциональная сдержанность и интенциональная эмотивность (т.е. «запланированная демонстрация эмоций, имеющая определённую коммуникативную установку» [Ларина 2009: 434]), экспрессивность (выражается в использовании глорификационных речевых стратегий, так называемых «эмоциональных поглаживаний»), имплицитность высказываний (асимметрия семантики и прагматики), многословность и высокая степень ритуализованности фатической коммуникации (т.е. в тех коммуникативных ситуациях, когда интенция адресанта направлена на установление и поддержание контакта с собеседником, а также их дальнейшие контакты в будущем: фатика (общение) первична, а информатика (суть сообщения) вторична), недопустимость длинных пауз, молчания, строгое следование очерёдности высказываний, умеренный темп речи, соблюдение дистанции, минимизация тактильной коммуникации, ограниченность жестов.

В русской коммуникации: ориентированность на статус, формальность (при отношениях «снизу – вверх»), оказание прямого коммуникативного воздействия, эмоциональная свобода и естественность (в условиях симметричных отношений), экспрессивная умеренность, информативность высказываний (содержание превалирует над формой; симметрия семантики и прагматики), лаконичность, низкая степень ритуализованности фатической коммуникации, допустимость молчания и пауз (иногда они делаются намеренно и играют особую, назидательную роль, например, в иерархичной коммуникации), свободная организация диалога, перебивы

и нахлёсты конечной фразы одного собеседника и начальной другого (при условии симметричной коммуникации), вторжение в личное пространство, использование тактильной коммуникации и жестов.

Малочисленность исследований, посвящённых изучению особенностей узбекской лингвокультуры и коммуникативного поведения, не позволяет сделать однозначные выводы о характеристиках узбекского стиля коммуникации. Однако представленные выше социокультурные и аксиологические характеристики узбекской культуры (см. раздел 1.2.), анализ научной литературы по данной теме [Акбарова 2015; Аширбаева 2024; Мўминов 2021; Расулов 2008] и применяемый нами интроспективный метод позволяют сделать первоначальное обобщение.

В узбекской коммуникации: ориентированность на статус. На наш взгляд, этот компонент является главным, поскольку он задаёт вектор дифференциации остальных параметров речевого взаимодействия.

В условиях асимметрии отношений «сверху вниз»: формальность, оказание прямого коммуникативного воздействия, эмоциональная сдержанность и интенциональная эмотивность (у коммуникантов, обладающих более низким статусом), экспрессивная умеренность, лаконичность, допустимость назидательного молчания и пауз, строгое следование очерёдности высказываний, умеренный темп речи, соблюдение дистанции, минимизация тактильной коммуникации, ограниченность жестов.

В условиях симметричной коммуникации: экспрессивность, многословность, эмоциональная свобода и естественность, свободная организация диалога, перебивы и нахлёсты, вторжение в личное пространство, использование тактильной коммуникации и жестов.

Отдельно выделим некоторые черты коммуникации, характерные в определённых коммуникативных ситуациях («Приём гостей», «Помолвка», «Свадьба» и т.п.; все эти ситуации так или иначе связаны с реализацией основополагающей ценности «гостеприимство»): высокая степень

ритуализованности фатической коммуникации, недопустимость длинных пауз и молчания, строгое следование очерёдности высказываний (приоритет отдаётся старшим по возрасту и статусу), интенциональная эмотивность (реализуется по отношению к гостю).

Исходя из сказанного, узбекский стиль коммуникации имеет схожие черты как с русским, так и с англосаксонскими стилями. При этом этноспецифику вежливого общения составляет сильная зависимость от наличия / отсутствия статусной асимметрии (при неравенстве гендерных ролевых отношений) и ярко выраженная ритуализованность коммуникации в определённых ситуациях общения. Проиллюстрируем этот вывод на примерах.

Уважение старших, как фундаментальная ценность узбекской культуры (см. раздел 1.2.), определённо, является также ядерной характеристикой экологичного общения и проявляется в коммуникативном поведении: в присутствии старших «дети воздерживаются от курения, употребления алкоголя, сквернословия. <...> Дочь, повысившая голос на мать или отца, сын, оскорбивший отца, старшего брата или старшего по возрасту человека, вызывают презрение, гнев общественности, от них отворачиваются друзья, близкие, знакомые» [Солиева 1994: 228].

Ярким примером проявления этой культурной ценности и вежливого поведения в целом является *обращение* (подробнее об этом будет рассказано в разделе 2.2.). В узбекской культуре обязательно обращение на «вы» (*сиз*) ко всем людям старшего возраста, независимо от степени родства и незначительной разницы в возрасте, причём девушка после замужества или помолвки, по желанию мужа, может также перейти от обращения на «ты» (*сен*) к подчёркнуто уважительному обращению на «вы» (*сиз*). Симптоматично высказанное недовольство одного из наших узбекских респондентов, который сетовал на то, что его младшая тридцатилетняя дочь «тыкает старшей сестре». Сама по себе коммуникативная ситуация, повод для раздражения коммуниканта, маленькая разница в возрасте между сёстрами (два года) свидетельствуют о формальности отношений «снизу – вверх», ориентированности на

статус в узбекской коммуникации.

Отметим, что традиционное для мусульманских стран неравенство женщин [Солиева 1994], проявляется в повседневной коммуникации, где легко прослеживаются черты асимметричности отношений: обладающий более высоким статусом муж даёт разрешение жене на посещение её родственников, встречи с подругами, возможность работать (см. раздел 1.2.), т.е. оказание прямого коммуникативного воздействия не вызывает сомнений. Примечательна коммуникативная ситуация, произошедшая в одном из кафе г. Ташкента, где мы стали невольными свидетелями того, как проявляется статусная дистанция в повседневной коммуникации: девушка сказала своей подруге: «*Мани хўжаиним руҳсат бермайди / Мой хозяин не разрешит мне*», имея в виду посещение одного из предстоящих культурных мероприятий. В данном случае для исследователя информативны как само разрешение (или запрет) супруга на совершение определенного действия, так и номинация «мой хозяин». Возрастная и родственная иерархия, являющаяся основой гендерной речи узбечек, присутствует как в коммуникативном поведении, так и в сознании представителей узбекской лингвокультуры [Чутпулатов 2016]. *Гендерное неравенство* является ещё одной этноспецифической чертой узбекского мировидения и системы вежливости. Этот тезис подтверждается исследованием С.М. Мўминова, рассмотревшего социолингвистический аспект узбекской коммуникации и выявившего взаимосвязь особенностей коммуникативного поведения и гендерных, возрастных и социальных характеристик [Мўминов 2021].

Наконец, нельзя обойти вниманием такую специфичную черту узбекского коммуникативного стиля и системы вежливости, как *мулозамат*. Слово «мулозамат» (от арабского ملازمة) обозначает «оказанное внимание для завоевания расположения человека; почтение, оказание уважения, изысканная любезность» (*кишининг кўнглини олиши учун кўрсатилган илтифот; эъзоз-икром, такаллуф*) [ЎТИЛ: 635]. Этот социокультурный феномен имеет тесную связь с высокой степенью ритуализованности фатической коммуникации, которая наиболее ярко проявляется в

коммуникативных ситуациях, связанных с приглашением в гости, приёмом гостей, приветствии и прощании и, по нашему мнению, имеет прямое отношение к речевому такту и вежливому поведению. Большинство бытовых действий в узбекской культуре требуют установления специальных коммуникативных условий через обмен ритуализованными вежливыми фразами. Поскольку *гостеприимность* является одной из важнейших ценностей данной культуры, все коммуникативные действия, имеющие отношение к приёму гостей, сопряжены с определённой и неизбежной ритуализованностью. Речевой акт «Приглашение» имеет устойчивые речевые формулы:

- *Эшикка (уйга) опкетей / Давайте заберу вас к двери (домой);*
- *Эшикка ўтамиз / Идёмте к двери;*
- *Меҳмон бўл кетинг / Станьте гостем;*
- *Бир пиёла чой куйиб берай / Давайте налью пиалу чая;*
- *Бир пиёла чойдан ичиб чикин / Зайдите выпить пиалу чая.*

Важно понимать, что гостеприимство по-узбекски никогда не ограничивается только чаем или только одной чашкой чая. Согласно обычаем, чай наливается в пиалу только на один глоток, чтобы можно было чаще подливать чай гостю, тем самым демонстрируя своё уважение. Для представителей узбекской лингвокультуры гость имеет статус почти святого, что отражается в языке: *Меҳмон ота-онадек хурматга сазовор / Гостя почитают также высоко как родителей*. Тот, кто постучится в дверь с каким-нибудь делом, обязательно будет приглашен в дом. Согласно общепринятым обычаем, гость должен несколько раз вежливо отказаться от предложения выпить чашку чая, прежде чем, наконец, принять его. Говоря о церемонии чаепития, уместно вспомнить эоцентрическую модель *человек – социум – природа*, которая была описана ранее (см. раздел 1.1.). Природные условия (жаркий и сухой климат Узбекистана) обусловили закрепление социальных установок и коммуникативно-поведенческих норм. Многовековая традиция чаепития сопровождает практически любые ситуации общения.

К другим проявлениям мулозамата относятся речевые формулы *Олинг / Берите* (в значении «Угощайтесь»), *Олишиб ўтирсинлар / Берите, угощайтесь*, *Нимага ҳеч нарса емаяпсиз / Почему вы ничего не кушаете*, *Бемалол ўтирсинлар / Сидите свободно* (в значении «Будьте как у себя дома»).

Примечательно, что вежливое поведение гостя предписывает ему избегать молчания и длинных пауз в разговоре и вести лёгкую непринуждённую беседу, при этом этот разговор не имеет ничего общего с англосаксонским *small talk*, поскольку, несмотря на ритуализованность коммуникативного поведения, темы такой беседы достаточно обширны и могут касаться семьи хозяина, его работы, детей и т.д.

В речевом акте «Прощание» также закреплены определённые формулы вежливости. Во-первых, обычно все гости уходят одновременно, в узбекской коммуникации не принято прощаться с каждым гостем отдельно. Во-вторых, старший из гостей должен произнести фразу *Хош, турдик! / Всё, пора!* При этом хозяину предписано удерживать гостей словами: *Ҳали кеч эмас! Эртага якшанба! / Вечер еще не поздний! Завтра воскресенье! или Келиш меҳмондан, кетиш мезбондан / Приход от гостя, уход от хозяина* [URL: www.ud.uz (дата обращения: 06.06.2023)]. Однако данные речевые формулы являются не более чем проявлением вежливости и уважения к гостю. В контексте прощания *мулозамат* также реализуется с помощью речевой формулы *Бизга хизмат йўқми? / К нам нет никаких дел?* При этом для узбекской коммуникации характерно применение жеста «рука к груди». И вербальная, и невербальная коммуникация в данной ситуации свидетельствует об экспрессивности узбекского стиля коммуникации, реализации ценностей «взаимопомощь» и «взаимовыручка», поскольку подтекст данной фразы с сопровождающимся жестом означает: «Я к вашим услугам». В речи представительниц женского пола можно услышать преувеличенно-возвышенные, почти поэтические фразы, демонстрирующие и вежливость, и желание помочь: *Гиргиттонингиз бўлай / Пусть я паду жертвой за тебя, Ўлай сизга / Умереть мне за тебя, Вой ўлиб қоя қолай / Ах, умереть мне за тебя, Жонимни сўранг, берай / Просите, душу отдам, Сизнинг ҳар*

қанақа хизматингизга тайёрман / Я готова ко всем вашим услугам, Сиздан ҳеч қандай хизматимни аямайман / Я не пожалею никакого труда для вас [Турдиева 2019: 517].

Приведённые примеры свидетельствуют о наличии уникальных характеристик узбекского коммуникативного поведения, однако данное сопоставление не претендует на завершённость и представляет попытку обобщения накопленного материала в рамках задач диссертации. Тем не менее, на основе данного материала можно вывести основные стратегии вежливости, определяющие модус экологичности в сопоставляемых культурах.

Дистантность как доминанта английской коммуникации реализуется в виде демонстрации уважения личной автономии адресата, минимизации оказания на него прямого воздействия, соблюдения более длинной физической дистанции, по сравнению с русской и узбекской лингвокультурами. Ориентированность на статус и солидарность с коллективом в узбекской и русской культурах реализуется в виде демонстрации уважения человеку, обладающему более высоким статусом и / или старшего по возрасту, допустимости оказания прямого коммуникативного воздействия на адресата, стратегиях выражения солидарности с коллективом. Заметим, что данные стратегии вежливости обладают более высокой степенью облигаторности в узбекской лингвокультуре по сравнению с русской, поскольку они являются частью системы мусульманских ценностей, прочно закреплённых в узбекском языковом сознании.

Данные стратегии являются важнейшими компонентами экологичного общения. Разница систем вежливости и дифференциация характеристик коммуникационного стиля обуславливают не только выбор определённых вербальных / невербальных средств коммуникации, но и вектор экологичного взаимодействия в сторону конструктивного речевого поведения, глорификационных (или по крайней мере, нейтральных) стратегий в общении с Другим. Это позволяет минимизировать коммуникативные неудачи и провалы.

1.4. Толерантность как этноспецифическая сущность в ракурсе эколингвистики

Исследователи определяют толерантность как общечеловеческую ценность, социальное явление, мировоззренческую категорию, социокультурный феномен и социальный регулятив [Казаченко, Иванкина 2021; Мацковский 2004; Панин 2004; Романова 2018; Стернин 2003], что подчеркивает многослойность и многовекторность её сущности.

Несмотря на обширное содержание предметной области, учёные подчёркивают общность объекта изучения: этнокультурные различия относительно дихотомии «свой – чужой», «мы – они», за которой стоит признание права Другого на инаковость [Заболотная, Шило 2003; Романова 2018]. Дифференциальными признаками, создающими оппозицию «Я – не Я», могут выступать вероисповедание и политическая принадлежность индивидуума, его национальность и сексуальная ориентация, возрастные, физиологические, профессиональные, этнокультурные и социокультурные характеристики – практически любой аспект жизнедеятельности подвержен дихотомическому осмыслению.

Сущность толерантности в эколингвистическом аспекте заключается в принятии коммуникативного поведения Другого, уважении и терпимости к проявлениям чужой индивидуальности. Как верно отмечает И.А. Стернин, толерантность определяется наличием «ценностной ментальной установки на терпимость к мнениям, убеждениям и формам поведения другого человека» [Стернин 2003: 331].

В англосаксонской культуре естественным источником толерантности является её система культурных ценностей: индивидуализм (самовыражение, непохожесть на Другого), право на личное пространство (мнение, ответственность), симметричность отношений в «вертикальной» коммуникации, отсутствие давления и

оказания коммуникативного воздействия.

На практическом уровне это выражается в предоставлении права человеку идентифицировать себя в широком спектре гендерной, расовой и этнической принадлежности, а также возможности отказа от самоидентификации в публичном пространстве. В анкетах приёма на работу, карточке больного в поликлиниках и больницах, при заполнении бумаг в любых государственных инстанциях есть графа «*Prefer not to answer*» / «Предпочитаю не отвечать».

С недавних пор в англосаксонской культуре (преимущественно, в американской, австралийской, новозеландской и шотландской) закреплён набор предпочитаемых гендерных местоимений в именительном и родительном падежах. Помимо традиционных *he/him, she/her*, существуют и другие опции: *they/them* (при обращении к одному лицу), *xe/xem, ze(zie)/hir, ver/vir, per/pers, (ey)/em, fae/faer, ae/ aer, elle/ells, hir/hir, hu/hu*, а также предпочтение «обращаться только по имени» (*use the name only*) и возможность выбора местоимений (*any/all*) и индивидуальных предпочитаемых имён (*custom*) [URL: www.edu.au (дата обращения: 16.03.2024)]. Эти гендерные местоимения получили широкое распространение на уровне государственной политики: в подписях электронной почты, на бейджиках работников госструктур обязательно присутствует информация о предпочитаемых гендерных местоимениях.

Кроме того, толерантность англосаксонской культуры проявляется в стремлении к широкой диверсификации различных социальных слоев общества, инклюзии тех индивидуумов, чьи права были когда-то ущемлены (например, индейцы в США) или их психофизические возможности были ограничены изначально (например, люди с инвалидностью). В языке проявления толерантности определяются жёстким правилом *Person first language*: для обозначения инвалидности или любых физических / ментальных недугов следует сначала употреблять имя или нейтральное слово *person*, например: *Alex who has autism, a boy with Down syndrome, a person with obesity* (около 20 лет назад в США ожирение было признано тяжелым заболеванием).

Актуализация таких течений, как *антиэйджизм*, *антисексизм*, *бодипозитив* и осуждение противоположных им явлений (эйджизм, сексизм, бодишейминг) также подтверждают высокую степень толерантности в англосаксонском обществе.

В русской культуре толерантность имеет совершенно иной ценностный смысл и культурное наполнение. Помимо очевидных, общечеловеческих проявлений толерантности – межэтнической и конфессиональной, каждая ипостась этой категории имеет яркую этноспецифическую окраску. Попытки экстраполяции западной толерантности в русской культуре вызывают стойкое неприятие и даже агрессию, что объясняется столкновением навязываемых ценностей с традиционным православным мышлением, закреплённым в русском сознании. За последнее десятилетие противостояние «мы – Запад» достигло колоссального масштаба и приобрело политические черты: по мнению носителей русской лингвокультуры, чуждые им виды толерантности угрожают «духовным скрепам». По словам депутата Госдумы С. Алтухова, «западный мир очень сильно дискредитировал слово «толерантность» [URL: www.argumenti.ru (дата обращения: 01.02.2023)]; «настоящая – не показная толерантность – как раз в том, чтобы жить в одной системе ценностей, а не изображать, что модно и поощряется» [там же]. В этом высказывании проявляются такие черты русского стиля коммуникации, как «коммуникативная естественность, прямолинейность и эмоциональность» [Ларина 2009: 56], а также коммуникативные ценности *правда* и *искренность*, на которые неоднократно указывали исследователи [Арутюнова 1995; Шмелёв 2002].

В качестве ещё одной иллюстрации приведём данные опроса, которые проводила газета «Владимирские ведомости». В ответ на вопрос о степени терпимости владимирцев к иному образу жизни, респонденты проявили единодушие, определяя толерантность как уважение человеческой жизни и людей других национальностей:

➤ *Насаждение толерантности избирательно. Принуждают быть терпимыми к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией. ОК. Почему тогда*

никто не призывает быть толерантными к нашему традиционному образу жизни в России? Всё это навязанные нам Западом идеи.

➤ *Толерантность – принятие, уважение и признание ценности любой человеческой жизни.*

➤ *Наше общество вполне толерантно в отношении национальных меньшинств и представителей различных религий.*

➤ *На мой взгляд, мы уж слишком толерантное общество.*

➤ *Толерантность как явление противоположно экстремизму. Толерантно наше общество или нет – сложно сказать. Мне кажется, нам не хватает взаимного уважения, благожелательности, терпимости по отношению друг к другу.*

➤ *Толерантность – теория для обезоруживания пассионарных людей и наций. Попытка сохранить неравноправное устройство мира. Чтобы сдержать голодных, им навязывают толерантность [URL: www.vedom.ru (дата обращения: 11.02.2024)].*

Симптоматично название статьи, из которой приведены мнения респондентов – «Бог терпел и нам велел». На наш взгляд, эта поговорка ещё раз подчёркивает размытость содержания концепта «толерантность» и его этнокультурную специфику. Что касается связи концептов «толерантность», «терпение» и «терпимость», то мы совершенно согласны с мнением тех учёных, которые говорят о том, что между ними нельзя ставить знак равенства: толерантность «подразумевает активное отношение к Другому» [Романова 2018: 207]. По Т.В. Романовой, «толерантность не стала для российского общества социальной и культурной ценностью ввиду манипулятивной природы данного регулятива» [там же]. Мы считаем, что данная причина, безусловно, характеризует специфику толерантности в русской культуре, однако главные её черты следует искать в особенностях самой культуры. Наличие оппозиции «свой-чужой», ориентированность на коллектив, а не на личность в русской культуре приводят нас к выводу о несовпадении сущности этой мировоззренческой категории по сравнению с англосаксонской культурой. На наш взгляд, расширение границ толерантности в

русской культуре маловероятно, поскольку её аксиологическое содержание не совпадает с англосаксонским. Вспомним попытку насаждения «нового мышления», провозглашённого М.С. Горбачёвым. Призывы к поиску консенсуса и распространению плюрализма мнений в русскоязычном обществе остались не более чем лозунгами, поскольку навязываемая демократизация общества не может соперничать с многовековой системой иерархичности русской культуры.

Проблемы неэкологичного поведения в иерархической коммуникации были рассмотрены С.В. Ионовой, которая впервые глубоко исследовала взаимосвязь токсичного / неэкологичного речевого поведения руководителей в России с устойчивым стилем «властной» коммуникации [Ионова 2018]. Наряду с очевидным – деструктивным – влиянием токсичной коммуникации на психофизиологию личности, следует подчеркнуть: такая форма речевого поведения типична для русской лингвокультуры и ещё раз доказывает наличие высокой статусной дистанции. Как справедливо отмечает С.В. Ионова, в иерархической коммуникации подчинённые не имеют возможности симметричного ответа, терпят произвол начальства и вынуждены «использовать толерантные тактики, <...> нейтрализовать психологическое давление руководителя более экологичными речевыми действиями согласия, терпимости, показной уважительности: Начальник всегда прав!» [Ионова 2018: 9]. Любопытно, что в данном исследовании прослеживается тесная связь между единицами «толерантность» и «вынужденный». Также отметим, что перечисленные автором причины токсичной коммуникации имеют самое непосредственное отношение к особенностям коллективистских культур: демонстрация социального статуса, психологическое воздействие и коммуникативное давление на адресата [там же: 4-5].

Считаем необходимым отметить тенденцию неприятия единицы «толерантность» в русской лингвокультуре: окказионализмы *толерастия*, *тайлерантность*, *столерантиться* свидетельствуют о наличии негативной коннотации: «Мир в последнее время совсем *столерантился*. Иначе и не скажешь. *Ненавижу* это слово «толерантность». Какое-то оно *фальшивое*» (курсив наш – Т.А.)

[Воронцова, Копылова 2023: 66].

По данным психолингвистического анализа ценности «толерантность» в русском языковом сознании, её содержание субъективно и размыто: ассоциаты *уважение, принятие, терпимость* соседствуют с такими компонентами, как *доброта* и *равенство* [Казаченко, Иванкина 2021]. Исследователи называют толерантность «заимствованной мировоззренческой категорией» [там же: 60], подчёркивают «неприятие навязанного идеала» и чуждость данной ценности для русского этноса [там же: 69]. По нашему мнению, данные этого ассоциативного эксперимента можно интерпретировать и в другой плоскости: они подчёркивают *этноспецифическую природу толерантности* в исследуемой культуре.

Важно отметить, что благодаря широкому проникновению идеи толерантности, в русской культуре наметилась стойкая тенденция к бережному и терпимому отношению к инвалидам. За короткий срок представители русской лингвокультуры приобрели новые привычки в речевом поведении: исчезли оскорбительные номинации, появились такие единицы, как: *дети с ОВЗ* (ограниченные возможности здоровья), *особые / особенные дети, солнечные дети, дети с особенностями* (см. раздел 2.3.).

В узбекской культуре толерантность также обладает особой этноспецификой. Содержание этой ценности закреплено в сознании узбекского народа, прежде всего, как *терпимость и уважение к другим религиям и национальностям* [URL: www.Researchgate.net (дата обращения: 17.08.2023)]. По утверждению Криса Сайпла, почётного президента Института глобального вовлечения США, «толерантность у народа Узбекистана в крови» [URL: www.yuz.uz (дата обращения: 14.01.2023)]. При этом подчеркнём, что речь идёт о межэтнической и межконфессиональной толерантности, поскольку свобода гендерной самоидентификации и сексуальной диверсификации невозможна в стране с многовековыми исламскими традициями и ценностями. С другой стороны, именно среда просвещённого ислама тысячелетиями формировала «толерантность и уважительное отношение ко всем иным конфессиям»

[URL: www.yuz.uz (дата обращения: 14.01.2023)].

По словам Директора Международного научно-исследовательского центра Имама Бухари Ш.Ю. Зиёдова, «история Узбекистана полна примеров интенсивного и продуктивного межконфессионального диалога, социокультурного проникновения, межэтнической толерантности» [URL: www.darakchi.uz (дата обращения: 18.11.2023)]. Основы толерантности, заложенные еще в IX веке в собрании хадисов «аль-Жамиъ ас-сахих», остается одной из основных книг для всех мусульман. «В этой книге нет ни одной идеи, распространяющейся на неприятие других религий. Благодаря приоритету этических норм гуманизма, гостеприимства и широты души народа, Другой не воспринимался как чужой. В социальном плане узбекское мировоззрение создано на основе антропоцентрической парадигмы: человек стоит в центре внимания, вне тенденциозных симпатий или антипатий к его национальности и религии» [там же].

Как показал обзор исследований, посвящённых изучению узбекской толерантности [Азикаев 2022; Жабборова 2018; Муртазаева 2018; Мухаммедов 2019; Туракулова 2022], эта категория, в целом, имеет однородную сущность и воспринимается как:

- уважение и терпимость к иным национальностям, расам, религиям и культурам;
- основа межнационального согласия и мира;
- противостояние экстремизму и терроризму;
- солидарность между представителями других культур.

При этом отметим этноспецифические характеристики, которые закрепились в сознании узбекской лингвокультуры: *толерантность также понимается как нравственное качество / отношение* [Жабборова 2018], *солидарность* [Мухаммедов 2019], «широта души, естественное гуманистическое состояние, образ жизни, расположенность к другим, умение сопереживать, переходящее в процесс слияния» (курсив наш – Т.А.) [Шахназарова 2019: 38].

На наш взгляд, выделенные черты демонстрируют проявления общинности и коллективизма узбекской культуры, подчёркивают значимость системы ценностей, описанных нами выше (см. раздел 1.2.). На основе проведённого исследования, выявляющего индекс толерантности, А.С. Туракулова приходит к выводу о том, что именно характеристики узбекской культуры и этнической идентичности выступают в качестве главного звена, формирующего толерантность в этой культуре [URL: www.Researchgate.net (дата обращения: 29.06.2023)].

Терпение (чидамлилик / сабр), как важнейшая ценность узбекской культуры, имеет глубокую связь с исламским мировоззрением и сильно отличается от сущности категории *толерантность*. Быть терпеливым и смиренно относиться к тяготам жизни учат с рождения; эта добродетель составляет основу узбекского национального характера. Реализация концепта «терпение» широко проявляется в коммуникативном поведении носителей узбекской лингвокультуры: если девушка вышла замуж не по любви, ей предписано терпеть мужа и не разводиться. Пословица «*Сабр таги – сариқ олтин / Терпение – золото*» применимо не только в описанной ситуации, но и множестве других, например, когда человек находится в трудных жизненных обстоятельствах или весь узбекский народ переживает холодную зиму (в 2023 году) наряду с проблемами с энерго- и газоснабжением [см. URL: www.vedomosti.ru (дата обращения: 14.02.2024)].

Толерантность тесно связана (но не тождественна) с *политкорректностью*, проявления которой имеют отношение, в первую очередь, с коррекцией языкового кода, речевого поведения, что подчёркивает искусственность, регулятивность и манипулятивность данной категории. Поскольку «речь декорируется знаками экологизма» [Комлев 2006: 280], а «терпимость манифестируется в смягчённых выражениях» [там же] можно заключить, что политкорректность требует подбора эфвемизмов взамен тех единиц, которые ущемляют права индивидуума и задевают его чувства, из чего следует неразрывная связь этого регулятива с задачами эколлингвистики. Исследователи отмечают сознательное насаждение принципов

политкорректности в британской и американской культурах; обвинение в проявлении сексизма как неполиткорректного поведения перечёркивает возможность карьерного роста, человек становится изгоем в обществе [Эмотивная лингвоэкология... 2013].

Уже не раз говорилось о том, что политкорректность не имеет ничего общего с политикой (*politic – благоразумный, обходительный, расчётливый*) и целесообразнее было бы заменить это термин на более точный: «общественно приемлемый» [Чернов 1996], «коммуникативная корректность» [Стихин 1995], «языковой такт» [Тер-Минасова 2000]. Несмотря на номинативную неоднозначность, подчеркнём важнейшую роль политкорректности для нашего исследования: формирование экологичного поведения с целью сохранения здоровья у языковой личности. Политкорректные эвфемизмы образуются преимущественно по морально-этическим причинам и выполняют функцию смягчения коммуникативного высказывания. Инклюзивный характер политкорректности направлен на устранение всех видов дискриминации и способствует развитию экологичной коммуникации. Так, например, по Х.Халмари, эвфемизм выступает как основной инструмент выражения политкорректности в контексте номинации, ориентированной прежде всего на человека (People fist approach) [Halmari 2011: 829]. В связи с чем уместно напомнить правило англосаксонской коммуникации по отношению к людям с инвалидностью – Person fist language.

Эвфемизация как митигационная тактика (или тактика смягчения) в рамках проявления толерантности и политкорректности направлена на исключение всех видов дискриминации (возрастной, гендерной, этнической, физической и т.п.). Необходимость изучения толерантности в эколингвистическом аспекте обусловлена высокой значимостью её дифференцированного содержания в различных культурах. Истоки формирования эвфемизмов следует искать именно в данной мировоззренческой категории, тогда как политкорректность, социальный регулятив, выступает в качестве языковой и культурно-поведенческой категории, её содержание во многом зависит от текущей повестки в социуме. Несмотря на безусловное

совпадение общечеловеческих характеристик толерантности в сопоставляемых культурах, её сущность обладает яркой этноспецификой.

1.5. Общие особенности англосаксонских, узбекских и русских лингвоэкологических традиций

Рассмотренные нами этнокультурные особенности мировидения и социокультурные аспекты коммуникации определяют специфику системы ценностей, категории вежливости и толерантности в исследуемых лингвокультурах. Этноспецифичные черты культуры и коммуникации проявляются в определённом образе жизни, особых правилах межличностного взаимодействия и коммуникативного поведения, что в свою очередь формирует стойкие лингвоэкологические традиции. Рассмотрим их с позиций пяти сущностей языка.

Уровень мышления.

В англосаксонской лингвокультуре – признание права на индивидуальность; терпимость к любым формам инаковости; приоритет личной свободы, не ущемляющей прав Другого; позитивный взгляд на жизнь (*positive thinking*); соблюдение дистанции, выражающейся, на данном уровне, в уважении независимости личности, автономии человека (*privacy*); равенство.

Вершиной иерархии ценностей является человек.

В узбекской лингвокультуре – приоритет коллективного решения и/или старшего по возрасту/статусу; главенствующая роль мужчины; нетерпимость к любым формам инаковости (в рамках своей культуры), противоречащей системе мусульманских ценностей; общинность мышления; мифологизация негативных

событий, происходящих в жизни человека и наличие системы суеверий; отсутствие вариативности в соблюдении правил поведения; отсутствие личной автономии человека (*privacy*).

Вершиной иерархии ценностей является коллектив, в коллективе – старший по возрасту/статусу, в семье – мужчина.

В русской лингвокультуре – главенствующая роль общины/коллектива в противовес проявлениям индивидуальности; нетерпимость к формам инаковости, противоречащей системе православных ценностей (напр., свобода на гендерную самоидентификацию); пессимистический взгляд на жизнь (роль Бога, удачи, судьбы, случая равноправна с личными усилиями человека); мифологизация негативных событий, происходящих в жизни человека; наличие системы суеверий; зависимость от коллектива, старшего по возрасту и/или статусу; отсутствие личной автономии человека (*privacy*).

Вершиной иерархии ценностей является коллектив, в коллективе – старший по статусу.

Уровень языка.

В англосаксонской лингвокультуре – правописание местоимения I (я) с заглавной буквы; обилие словосочетаний и однокоренных слов лексемы *privacy*; широкое использование модальных глаголов, вопросительных конструкций, сослагательного наклонения, пассивного залога, лексических и лексико-синтаксических средств смягчения (*I think / I suppose / Do you think / Would you mind / a bit / a little / just* и т.п.) при выражении совета, просьбы, приглашения; употребление «лексических заполнителей пауз» [Ларина 2009: 192] (*Well / So / Alrighty / Already / Uffdah*); появление неологизмов-местоимений (см. раздел 1.4) и разветвлённая система политкорректных и «гендерно-вежливых» эвфемизмов [Вильданова 2015].

В узбекской лингвокультуре – лакунарность лексемы *privacy*; аффиксация как проявление вежливости и уважения: *-ингиз* (при обращении к одному лицу), *-сиз*, аффикса общего вопроса *-ми*, аффикса отрицательного значения *-май*, аффикса *-чи*, -

лар (в сочетании с аффиксами принадлежности 1 и 2 лица *-м-и-нг*), что передаёт подчёркнутую вежливость, почтительность; обилие аффиксов «ласкательности» [Муминова 2015: 100] *-жон, -хон, -ой, -биби, -бой, -бек, -поиша, -той, -бика*; разветвлённая система обращений в зависимости от дистанции между коммуникантами и степени родства (см. раздел 2.2.).

В русской лингвокультуре – правописание местоимения Вы при обращении к одному лицу с заглавной буквы; лакуарность лексемы *privacy*; обилие словосочетаний и однокоренных слов с корнем *обще*– в значении объединения, собирательности: *общенациональный, общегородской, общепризнанный, общедоступный* и т.д.; высокая частотность употребления местоимений «вы» и «мы» (напр.: *Созвонимся / Мы с другом / Вы с отцом приходите / Мы знакомы?*); употребление местоимения «мы» в качестве «оценочного средства интерпретации действительности» [Гранева 2010]: нереперентные экзистенциальное и родовое МЫ используется для выражения общей оценочности (напр.: *Мы считаем, что вам нужно больше работать*), отождествления себя с коллективом (*Мы вам позвоним / Мы вас проинформируем*), противопоставления с «чужими» (реализация оппозиции «свой-чужой»), например: *Они хотели заставить нас молчать, но мы молчать не будем!*; использование местоимения МЫ в качестве средства художественной выразительности (авторское «мы»); использование императивов при выражении совета, просьбы, приглашения.

Уровень психофизиологии.

В англосаксонской лингвокультуре – психологический дискомфорт при прямом и непрерывном зрительном контакте, сокращении физической дистанции, молчании и пауз в разговоре, обсуждении личных вопросов и тем (религия, деньги, приверженность к политическим партиям, национальность, сексуальная ориентация, болезни и т.д.), публичном проявлении эмоций (плач, жалобы на жизненные обстоятельства, громкая речь, излишняя «драматизация» поведения). Симптоматично частое употребление таких фраз, как *Stop being dramatic / Sorry for being too emotional*;

неприятие прямых оценок, просьб, советов, прямого коммуникативного воздействия, замечаний, угроз, оказания давления, прямых отказов и слишком откровенных бесед.

В узбекской лингвокультуре – психологический дискомфорт при отсутствии прямого зрительного контакта и увеличении физической дистанции в ситуации симметричности отношений (пол, возраст, статус коммуникантов) и наоборот – при наличии такого зрительного контакта и сокращении дистанции при асимметричной коммуникации, в т.ч. – коммуникации разнополых собеседников; ощущение негативных эмоций (стыд, вина, и т.д.) при нарушении коммуникативных правил: неоказании уважения и должного почтения старшим по возрасту или статусу, обращении по имени и на «ты» в условиях асимметрии коммуникации и т.д.; ощущение суеверного страха при посещении дома бездетной, одинокой женщины или вдовы молодожёнами.

В русской лингвокультуре – психологический дискомфорт при сокращении дистанции в условиях асимметричной коммуникации (обращение по имени, на «ты» и т.д.); неприятие глорификационных стратегий и улыбки при общении с незнакомыми людьми (воспринимается как неискренность и имплицитное желание Другого воздействовать на собеседника и получить какую-либо выгоду); ощущение суеверного страха при излишне позитивной оценке текущих событий, личных планов, поведения и успехов своих детей (в особенности – когда такие тактики использует не близкий коммуниканту человек, т.е. «чужой»); ощущение неприязни и других негативных эмоций по отношению к Другому при его демонстрации собственных успехов и достижений, независимости (от коллектива и начальства), излишней скрытности и избегания прямых ответов на личные вопросы.

Уровень речи.

В англосаксонской лингвокультуре – табуизация тем, вызывающих психологический дискомфорт (см. выше); запрет на оказание коммуникативного воздействия (замечания, критика, советы, навязывание своего мнения, споры и т.п.); имплицитность; эмотивность; эмоциональная сдержанность; недопустимость жалоб

на жизненные обстоятельства; демонстрация благополучия, успешности, умения контролировать ситуацию (*I am fine/awesome/good/great/terrific/fantastic; No worries, I'll be fine/ok/good*); small talk; широкое замещение прямых обозначений объектов политкорректными синонимами во избежание дискриминации; эвфемизация как стратегия манифестации равенства и признания права на инаковость Другого.

В узбекской лингвокультуре – табуизация тем, вызывающих психологический дискомфорт (половые отношения, сватовство, семейные узы, физиологические процессы и недостатки, беременность и роды и т.д.); оказание коммуникативного воздействия при асимметрии отношений; прямолинейность, экспрессивность и эмотивность в зависимости от дистанции общения; категоричность и лаконичность мужской речи; ласковый тон и многословность женской речи; допустимость жалоб на жизненные обстоятельства (при симметрии коммуникантов), широкое употребление молитвенных восклицаний (*ИншАллах / МашАллах / Аль-Хамду ли-Ллях / Оллохга шукур – Если Аллах пожелает / На то была воля Аллаха / Хвала Аллаху / Слава Всевышнему*) как интенсификаторов различных эмоций (страх «сглаза», порицания и наказания со стороны Всевышнего, благодарность Богу, радостное удивление) и признания главенствующей роли Аллаха в судьбе человека («Бог воспринимается мусульманами как единственный Создатель всего сущего (араб. *аль-Халик*), Наделяющий Своих созданий пропитанием (араб. *ар-Раззак*), Властный над дольным и горним мирами (араб. *аль-Малик*), единственный Обладатель могущества, способный на совершение действий (араб. *аль-Кадир*), Справедливый (араб. *аль-Адль*) и Истинный (араб. *аль-Хакк*)» [Ломакина et al. 2023]); элиминация прямых обозначений объектов и эвфемизация речи как стратегии камуфляжа коммуникативных табу (см. выше).

В русской лингвокультуре – минимальное количество коммуникативных табу; стратегии нейтрализации и/или смягчения при обсуждении тем, вызывающих психологический дискомфорт (смерть, секс, болезни); оказание коммуникативного воздействия при асимметрии отношений; прямолинейность, экспрессивность в

зависимости от дистанции общения; допустимость жалоб на жизненные обстоятельства (при симметрии коммуникантов) и сознательное преуменьшение благополучия, успешности и личных достижений ввиду страха негативного энергетического воздействия других людей («сглаза») и лишения благополучия от Бога; употребление молитвенных вводных сочетаний, а также ритуализованных суеверных речевых клише (*Если Богу будет угодно / (Если) Бог даст / С Божьей помощью / Не дай Бог / Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить / Сплюнь, чтоб не сглазить*); воздержание от лишних комплиментов и экспрессивных выражений похвалы (в особенности детей) из суеверного страха; эвфемизация речи (преимущественно в общественно-политическом дискурсе) как стратегия камуфляжа тем, вызывающих дискомфорт (см. выше).

Уровень общения.

В англосаксонской лингвокультуре – стратегии негативной вежливости (косвенность, предоставление права выбора, минимизация вмешательства, пессимизм в возможности реализации действия собеседника – см.: [Brown & Levinson 1987]); элиминация негативных оценок относительно поступков, личности и внешности адресата; стратегии позитивной вежливости – оказание внимания интересам, желаниям и потребностям собеседника, сознательное преувеличение одобрения, симпатии, интереса к Другому, глорификация речи, демонстрация равенства и внутригрупповой принадлежности; обязательное использование улыбки; минимизация тактильной коммуникации; доброжелательная эмотивная тональность; традиция здороваться с незнакомцами в условиях замкнутого/ограниченного пространства (в лифте, на прогулке в пределах своего квартала и т.д.); недопустимость личных вопросов и проявления любопытства относительно личной жизни Другого.

В узбекской лингвокультуре – стратегии негативной вежливости выражены не ярко и используются в иерархичной коммуникации (младший – старшему); допустимость негативных оценок относительно поступков, личности и внешности адресата (старший – младшему); стратегии позитивной вежливости реализуются,

главным образом, по отношению к старшему или гостю, а также могут проявляться при знакомстве в транспорте или в очереди (при условии равенства коммуникантов и их принадлежности к одному и тому же полу); демонстрация неравенства в условиях асимметрии коммуникации; традиция вставать по прибытии старшего; обязательное использование улыбки; обильность тактильной коммуникации в ситуации статусного равенства (среди женщин принято держаться за руки); обязательный жест «рука к груди» среди мужчин и при встрече любого пожилого человека; доброжелательная эмотивная тональность; эмоциональная экспрессивность и многословность (при равенстве коммуникантов); традиция здороваться со всеми людьми, включая незнакомцев; допустимость личных вопросов и проявления любопытства относительно личной жизни Другого (обилие уточняющих вопросов о состоянии здоровья, членах семьи, детях, планах на жизнь и проблемах; так, при получении информации о том, что сын холост, допускается вопрос: «А почему не женится?») [Tsarikova 2005: 187]; отсутствие проявления любопытства относительно жизни Другого считается проявлением неуважения.

В русской лингвокультуре – стратегии негативной вежливости выражены не ярко и используются в иерархичной коммуникации (младший – старшему); допустимость негативных оценок относительно поступков, личности и внешности адресата (старший – младшему); стратегии позитивной вежливости реализуются не часто, главным образом, по отношению к старшему, а также могут проявляться при знакомстве в транспорте или в очереди (равенство коммуникации не является обязательным условием); демонстрация неравенства в условиях асимметрии коммуникации; традиция вставать по прибытии старшего; умеренное использование улыбки; допустимость тактильной коммуникации; отсутствие обязательной доброжелательной эмотивной тональности в ситуациях повседневного общения; эмоциональная экспрессивность и многословность (при равенстве коммуникантов); отсутствие традиции здороваться с незнакомыми людьми; частичная допустимость личных вопросов и проявления любопытства относительно личной жизни Другого

(обилие уточняющих вопросов о состоянии здоровья, членах семьи, детях, планах на жизнь и проблемах возможно в коммуникации сельских жителей / хороших знакомых и друзей / в семье); проявление любопытства относительно жизни Другого рассматривается как невежливое и навязчивое поведение; допустимость откровенных разговоров с незнакомыми людьми в условиях ограниченного/замкнутого пространства (так называемый «эффект попутчика»; феномен добровольной излишней откровенности в «разговорах по душам»).

Приведённые особенности лингвоэкологичной коммуникации формируют сложную и культурно специфичную систему экологии речевого взаимодействия. Как показано в работе, особенности мировоззрения проявляются на всех уровнях сущности языка и служат основанием для формирования лингвоэкологических традиций. Соблюдение коммуникативных норм и следование соответствующим лингвокультурным установкам с учётом специфики категорий вежливости и толерантности и особенностей разноструктурных языков лежит в основе того, что можно обозначить как лингвоэкологический идеал англосаксонского, узбекского и русского речевого поведения. Ввиду отсутствия устоявшейся дефиниции понятия лингвоэкологического идеала предлагается следующее рабочее определение:

Лингвоэкологический идеал – это устойчивая модель нормативно приемлемого, психологически комфортного и аксиологически сбалансированного речевого взаимодействия.

Эта модель отражает культурно обусловленные ожидания норм речевого поведения, коммуникативных табу и других параметров, объединяемых понятием «хорошая речь» и формируется в результате взаимодействия культурных норм с языковыми средствами, включая эвфемизацию. В данном разделе было показано, каким образом лингвоэкологический идеал реализуется на всех уровнях языковой сущности – от когнитивного и аксиологического до речевого и коммуникативного.

1.5.1. Эвфемизация как универсальная стратегия эколингвистики: основные параметры

Эвфемизация речи является неотъемлемым компонентом и необходимым условием экологичного общения. При этом, ввиду этнокультурных различий, то или иное слово / высказывание может расцениваться и как грубое нарушение норм речевого поведения, и как оптимальный выбор для коммуникации.

Как известно, главной функцией эвфемизмов является смягчение грубого и / или негативного смысла, и в этом роль эвфемии весьма тесно сопряжена с задачами эколингвистики. Это особый вид номинации, регулирующий отношения «человек-природа-среда», где, по словам Е.И. Шейгал, у языка проявляется «магическая функция» [Шейгал 2000: 23]. Замена табуированной единицы снимает социальную неприемлемость, сохраняет психофизическое здоровье человека, что в итоге является главным требованием экологичного общения. По Г.А. Вильдановой, эвфемия является одним из тактических приёмов особой стратегии речевого поведения, употребление эвфемизмов «продиктовано вежливостью, деликатностью, щепетильностью» [Вильданова 2015: 48]. Наряду с принципом вежливости, составляющего основу порождения и употребления эвфемизмов, важнейшими для эколингвистической парадигмы являются также принципы регулятивности, табуирования и этичности, описанные в монографии Г.А. Вильдановой [там же]. Камуфляж преподносимых идей и фактов создаёт психологически привлекательное (или по крайней мере нейтральное) наименование [там же: 32], что, в свою очередь, снижает градус напряжения и защищает языковое сознание социума. Принципы этичности и табуирования должны быть рассмотрены в том числе и с позиций этнокультурной специфики, поскольку, как было показано, в сопоставляемых культурах существуют разные коммуникативные табу и представления о приличиях

(см. Главу 3).

Изучение эвфемизмов имеет многоаспектный характер и давнюю историю. Наличие широкого спектра классификационных моделей свидетельствует о многообразии критериев отнесения языковых единиц к эвфемизмам, их значительном тематическом и структурном разнообразии, и обилии параметров, которые могут быть положены в основу классификаций. Эвфемизмы рассматривались с учётом их *структурного основания* [Neaman & Silver 1990; Warren 1992; Ларин 1961; Москвин 2017], *на основе лексических параметров* [Кацев 1988; Крысин 2000; Яковлев 2006], *функционально-стилевой дифференциации* [Будагов 2003; Ларин 1961], *эстетической функции* [Ларин 1961; Москвин 2017; Сеничкина 2012], *семантики* [Капу 1960; Заботкина 1989; Кацев 1988; Крысин 2000; Ларин 1961; Москвин 2017], *функциональной нагрузки в речевой деятельности говорящего и слушающего* [Ванюшина 2011; Кузьмина 2010].

Каждый тип классификации был представлен десятками вариантов и до сих пор дополняется в виде конкретизации фактов / явлений и уточнений. Огромный научный вклад был внесён Е.П. Сеничкиной, которая первой создала словарь эвфемизмов русского языка [Сеничкина 2008], а также систематизировала накопленный опыт и объединила эвфемизмы по группам, создав четыре вида классификации: уровневая и лексико-семантическая, мотивационная, морфологическая, классификация по степени сложности зашифровки [Сеничкина 2012: 69-70]. Особый интерес представляет собой оригинальная классификация В.П. Москвина по степени сложности эвфемистической зашифровки: анализ эвфемизмов «осуществлён с учётом механизма замен языковых единиц, т.е. с учётом логики эвфемистической зашифровки» [Москвин 2017]. Многие классификации, как верно отмечает М.И. Зверева, остаются открытыми, поскольку язык реагирует на динамику жизни, социально-экономические сдвиги, новые регулятивы политкорректности [Зверева 2023: 42]. Отсюда следует вывод о том, что ни одна классификация (особенно лексико-семантическая или охватывающая сферы употребления эвфемизмов) не

может быть «вневременной», актуальность тех или иных эвфемизмов возрастает или снижается, т.е. замкнутость структуры классификаций имеет условный характер.

Говоря об эколингвистической оценке единиц, подверженных эвфемизации, следует учитывать аксиологический, этнокультурный, социокультурный, психоллингвистический, психофизический и ситуативный факторы, которые влияют на реализацию лингвоэкологически ориентированной мысли, т.е. выбор языковых средств. Как упоминалось, сохранение лица и – шире – сохранение психофизического здоровья являются важнейшими компонентами лингвоэкологичной коммуникации. Принимая во внимание традиционные классификации эвфемизмов – по степени смягчения [Сеничкина 2008] и табуированности [Allan & Burridge, 1991], считаем необходимым введение дополнительных оценочных параметров эвфемизации с учётом эколингвистического ракурса исследования. основных параметров эколингвистики. Позитивное, негативное и нейтральное воздействие языковых единиц на процесс коммуникации, её участников, языковую и культурную среду и общий коммуникативный климат обусловили выделение таких параметров эвфемизации, как *глорификация*, *токсичность* и *нейтральность*. Истоки предлагаемой параметризации во многом восходят к типологии М.И. Зверевой, предложившей распределение эвфемизмов на эмоционально-сниженные и комплиментарные [Зверева 2023: 74]. Данные принципы легли в основу разработки новой типологии эвфемизмов в рамках эколингвистического подхода. В частности, понятия комплиментарности и снижения экспрессивности в интерпретации М.И. Зверевой коррелируют с предлагаемыми в данной работе параметрами *глорификации* и *токсичности* как крайними полюсами воздействия эвфемизмов на психофизическое состояние человека.

Под *глорификацией* в данном исследовании понимается эвфемизация, обладающая выраженной стратегией возвеличивания или позитивной переоценки объекта высказывания – за счёт введения ярко положительных, нередко идеализирующих номинаций. В отличие от *позитивной вежливости* в модели Браун

и Левинсона, направленной преимущественно на сохранение положительного имиджа адресата через включение, солидарность и одобрение, *глорификация* рассматривается здесь как параметр именно эвфемизации, акцентированной на искажении или смягчении содержания путём чрезмерно положительного представления. Таким образом, она выполняет не только функцию выражения вежливости, но также служит средством аксиологической трансформации.

Токсичность представляет собой процесс эвфемизации, при котором за внешне смягчённой формой скрываются ирония, сарказм, негативная оценка или имплицитная агрессия, что может приводить к коммуникативным сбоям и нарушению гармонии речевого взаимодействия.

Нейтральность отражает эвфемизацию без выраженной эмоционально-оценочной нагрузки, при которой основное внимание направлено на смягчение табуированной информации без её искажения или аксиологической трансформации.

Исходя из этого, предлагается дифференцировать эвфемизмы на *хвалебные* (глорификативные), *токсичные* и *нейтральные*. На наш взгляд, эти критерии помогут определить степень экологичности личных эвфемизмов в рассматриваемых языках и культурах.

Выводы по Главе 1

1. Исследование разноструктурных языков и культур в эколингвистической парадигме позволяет определить уникальность экологичного мышления представителей сопоставляемых лингвокультур, выявить иерархию ценностей и социокультурные характеристики каждого социума, выделить этноспецифичные

черты системы вежливости и категории толерантности.

2. Предметом эколингвистики являются равноправные взаимоотношения триады *человек – социум – природа*, где язык наделён функцией связующего звена. Среди задач эколингвистики выделяют изучение языков в контексте их функционирования, исследования адаптивных стратегий языков и языковых экологических систем, поддержку миноритарных языков, а также устранение языковых конфликтов.

3. Применение субстратного метода в анализе лингвоэкологической коммуникации раскрывает уникальность экоматрицы и позволяет систематизировать характеристики лингвоэкологического идеала сопоставляемых культур. Нами были рассмотрены и проанализированы особенности англосаксонского, узбекского и русского мировоззрения, проявляющегося на уровнях мышления, языка, психофизиологии, речи и общения, в результате чего были определены критерии экологичной коммуникации для каждой лингвокультуры.

4. В ходе исследования было описано и определено поле функционирования термина *лингвоэкологичная коммуникация*, раскрыты характеристики и параметры экологичности коммуникации.

5. Выявленные уникальные характеристики культур, социокультурных отношений, особенности лингвоэкологических традиций определяют критерии конструктивного / деструктивного коммуникативного поведения, а также создают объяснительную базу для исследования истоков табуизации и эвфемизации определённых единиц.

6. Культурно обусловленные различия систем вежливости и толерантности ведут к дифференциации принятых норм поведения, коммуникативных табу и других параметров, объединённых общим термином «хорошая речь».

7. Толерантность в англосаксонской культуре выражается в предоставлении свободы самоопределения, а также широкой диверсификации различных социальных слоев общества, инклюзии уязвимых групп населения. Ядром узбекской

толерантности является терпимость и уважение к другим религиям и национальностям. Аксиологическое наполнение русской толерантности не совпадает с англосаксонским; содержание ценности «толерантность» в русском языковом сознании имеет расплывчатый объем; концепты *толерантность*, *терпимость*, *принятие*, *доброта* и *равенство* имеют тесную взаимосвязь с русской языковой картиной мира.

8. *Лингвоэкологический идеал* – это устойчивая модель нормативно приемлемого, психологически комфортного и аксиологически сбалансированного речевого взаимодействия. Эта модель отражает культурно обусловленные ожидания норм речевого поведения, коммуникативных табу и других параметров, объединяемых понятием «хорошая речь» и формируется в результате взаимодействия культурных норм с языковыми средствами, включая эвфемизацию.

9. *Глорификация*, *токсичность* и *нейтральность* – параметры эвфемизации в эколингвистическом аспекте. Они определяют модус экологичности в общении с Другим и способствуют минимизации коммуникативных неудач и провалов. Дифференциация актуальных эвфемизмов бытового дискурса на хвалебные, токсичные и нейтральные способствует быстрому выявлению степени экологичности, что позволяет сохранить психофизическое здоровье языковой личности.

ГЛАВА 2. ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВФЕМИЗАЦИИ РЕЧИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ, УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ КОММУНИКАЦИЯХ

В этой главе будут отражены актуальные процессы эвфемизации в каждой из исследуемых лингвокультур. Дифференциация содержания и направленности данного процесса обусловили отбор материала и комплекс методов исследования. Подчеркнём намеренный фокус внимания на социально-бытовом дискурсе, поскольку, на наш взгляд, многочисленные эвфемизмы общественно-политического и рекламного дискурсов недолговечны и подвержены как стремительному появлению, так и быстрому исчезновению. Изучение личных эвфемизмов в эколингвистическом аспекте имеет устойчивую базу исследования, а также релевантные соответствия с этно- и социокультурными параметрами, описанными выше (см. Главу 1).

На начальном этапе исследования нами были определены наиболее заметные и социально значимые области эвфемизации:

В англосаксонской коммуникации – гендерно-маркированные единицы.

В узбекской коммуникации – термины обращения; подробно изучались гендерные различия в коммуникации.

В русскоязычной коммуникации – функционирование единицы «инвалид» в эколингвистическом аспекте.

Для анализа эвфемизмов в англосаксонской коммуникации была произведена выборка эвфемистических единиц из текстов официальных структур государственной власти и законодательства, образования, медицины англоязычных стран. Нами учитывались синонимичные варианты эвфемизмов, в связи с чем в диссертации представлены наиболее релевантные и частотные примеры; дублирующий по смысловому наполнению материал был нами учтён, но исключен из текста исследования.

Описательно-аналитический метод, включающий в себя наблюдение, обобщение и интерпретацию, является ведущим для данной части исследования.

При анализе процесса эвфемистических замен в узбекской коммуникации нами активно применялся интроспективный метод, поскольку актуальный материал исследования в семейно-бытовом дискурсе может быть отобран, в первую очередь, путём сбора информации в устной коммуникации. Безусловно, были использованы и учтены, примеры из художественной литературы, однако представляется значимым отразить наиболее актуальные процессы эвфемизации в повседневной коммуникации. В связи с этим предпринимались так называемые «полевые исследования» в ходе лингвистических экспедиций в семь из двенадцати областей Республики Узбекистан: Ташкент, Бухара, Джизак, Навои, Фергана, Самарканд, Андижан. В рамках этой части исследования нами было опрошено 50 человек в возрасте от 30 до 65 лет.

Материалом для исследования эвфемизации единицы «инвалид» в русскоязычной коммуникации послужили речевые образцы в виде реплик и высказываний, услышанных в различных ситуациях общения, собранных на официальных сайтах организаций, патронирующих медико-педагогическое сопровождение детей с инвалидностью, а также полученных в результате проведённого устного интервью и письменного опроса информантов. Для эколингвистической оценки лексемы «инвалид» мы опросили 75 родителей, имеющих детей с когнитивными и физическими особенностями. Главной целью данной части исследования было определение их отношения к функционированию номинации «инвалид» в русскоязычном пространстве, а также использованию уменьшительно-ласкательных суффиксов в медицинских терминах применительно к детям. Сбор данных проходил в сети интернет на анонимной основе в специализированных родительских группах, посвящённых проблемам детской инвалидности, в связи с чем возраст, пол и социальный статус участников нами не учитывался.

С целью выявления токсичных, нейтральных и хвалебных эвфемистических замен, номинирующих единицу «инвалид» мы провели письменное интервью среди

студентов старших курсов и профессорско-преподавательского состава Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. В анкетировании принимало участие **100** человек, из них 70 студентов и 30 преподавателей. Возраст респондентов варьировался от 20 до 50 лет. Было предложено перечислить токсичные, нейтральные и хвалебные (комплементарные) слова, заменяющие слово «инвалид». При этом участников не ограничивали в количестве приведённых эвфемизмов. Результаты этой части исследования изложены в разделе 2.3.

Контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, опрос информантов и верификация результатов являются основными методами этой части исследования.

Обобщённые результаты анализа материалов сопровождаются не только эколингвистическим, но и лингвокультурологическим комментарием, исходя из поставленных задач и неразрывности системы факторов, влияющих на реализацию эколингвистически ориентированной мысли (см. подробнее Главу 1).

2.1. Эвфемизация в англосаксонской коммуникации

Эвфемия в англосаксонской культуре имеет неразрывную связь с аксиологическими и социокультурными факторами, принципами вежливости, а также политкорректными регулятивами, которые сегодня играют доминирующую роль в англоязычном социуме. Гендерная эвфемизация, направленная на *исключение проявлений сексизма*, стала ведущим мотивационным вектором в исследуемой лингвокультуре и проявляется на всех пяти уровнях языка. Особенности системы ценностей, типа культуры, категории вежливости, а также сегодняшней политкорректной повестки обусловили стремительное развитие гендерной

нейтрализации и языка гендерной инклюзии.

Коротко остановимся на терминологии, используемой в данной части исследования.

Гендер – социокультурный феномен, составляющими которого являются этнокультурный, психологический и социальный компоненты [Unger 1979; Кирилина 2021; Рябов 2001].

Пол – биологическое понятие, отражающее экзистенциальные параметры индивида [Кирилина 2021].

Мы разделяем позицию тех учёных, которые соотносят понятия пола и гендера с концепцией целого и его части, а также подчёркивают метафорическую сущность данной научной модели [Рябов 2001: 11-12].

Сексизм – вид дискриминации по признаку пола; в англоязычном обществе традиционно рассматривается односторонний тип дискриминации, которой подвергаются представительницы женского пола. Языковая дискриминация и проявления сексизма в англосаксонской культуре выражаются в преобладании мужских местоимённых форм в языке, вторичности и объектности единиц, номинирующих женщин, совпадении лексем «человек» и «мужчина».

Гендерный подход – идея признания социокультурных факторов как доминантных параметров дифференциации между мужчинами и женщинами [Вильданова 2015].

Гендерная вежливость – «стратегия речевого поведения, направленная на уважительное, не дискриминационное отношение, которое находит свое выражение в вежливых языковых формах, <...> подчеркивающих терпимость и уважение к представителям какого-то ни было пола с одной стороны, и смягчающих, нейтрализующих какие-либо негативные характеристики, с другой стороны» [Вильданова 2015: 61].

Гендерная нейтрализация – речевая стратегия, направленная на применение гендерно-нейтральных лексических единиц, обозначающих человека, без учёта его

половых характеристик. Выражается в виде мультимодальных способов разрушения стереотипных представлений о мужественности / женственности и акцента на гендерной множественности [Кирилина 2021:126-127].

Гендерно-нейтральный язык – система лексико-грамматических средств, направленная на нейтрализацию бинарных определений (мужчина / женщина) и отказ от языковых средств объективации рода [Амосова, Шиманович 2019: 364; Waters 2021].

Язык гендерной инклюзии – совокупность лексико-грамматических средств, главным фокусом внимания которой является признание и включение всех идентичностей, отказ от принятия определённой позиции, фаворитизма в языке в пользу какого-либо пола.

В настоящий момент в англоязычной коммуникации предпринимаются попытки *реформирования языка для достижения множественного гендерного равноправия*. Примеры реализации этой стратегии можно увидеть на официальных сайтах ООН, Европарламента, всех государственных структур Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, частных и государственных образовательных, а также медицинских учреждений. Так, например, на сайте организации НАТО размещено руководство по использованию языка гендерной инклюзии, где перечисляются все актуальные языковые и культурные стратегии:

➤ Применение методов гендерной инклюзии:

□ Использование множественного числа имён существительных

*All **visitors** must collect their passes at the guard house.*

□ Использование личных и притяжательных местоимений 3 лица множественного числа (*they/them/their/themselves*)

*Each staff member must avoid wearing **their** pass outside NATO HQ.*

□ Пропуск личных местоимений 3 лица единственного числа там, где это грамматически возможно

*A person must have worked for 5 years before **applying**...*

- Предоставление выбора местоимённых форм
*When the Action Officer receives the request, **he** or **she** will process it...*
- Предпочтительное употребление страдательного залога
*Comments **must be submitted** by each representative...*
- Употребление относительного местоимения «который»
*Any staff member **who** is not satisfied...*
- Использование императивов
***Please confirm** your participation.*
- Использование стратегии постоянства:
 - Местоимения женского и мужского рода употребляются в алфавитном порядке: *he/she, her/his*
 - Мужские и женские местоимения в письменной речи употребляются по одному и тому же образцу: *He/she, he or she, s/he*
 - Местоимения женского рода ставятся впереди местоимений мужского рода: *S/he must be able to draft policy papers on a wide range of issues.*
- Использование языка гендерной инклюзии для номинации профессий и должностей:
 - Замена слова с родовым признаком «man»: *chairmen → chair*
 - Устранение гендерно-указательных номинаций: *lady doctor → doctor*
- Тактика устранения сексистских стереотипов
Maria is a career woman → Maria is a professional/executive
- Использование гендерно-нейтральных альтернативных единиц:
Two-man office → two-person office
- Нейтрализация форм обращений:
 - Приоритет в использовании обращения Ms;
 - Употребление формы Mrs. только в случае просьбы адресата;
 - Избегание формы Miss [URL: www.nato.int (дата обращения: 16.03.2024)].

Вытеснение гендерно маркированных слов происходило в англоязычных странах ещё с конца девяностых годов прошлого столетия, когда, например, авторитетный журнал «Time» произвёл замену титулов «Man / Woman of the Year» на «Person of the Year» [Китова 2022: 62]. В дальнейшем целенаправленные усилия в сторону гендерной нейтрализации коснулись всех гендерно-специфичных категорий. Так, в 2021 году произошло переименование премии Великобритании в области поп-музыки: исходные единицы *female / male artist* заменились лексемой *artist* [там же].

Активное использование языка гендерной инклюзии и отказ от проявления сексизма в мышлении, языке и культуре обусловили быстрый рост эвфемистических замен, созданных по принципу снижения половой дискриминации и отвечающих требованиям политкорректности. Иными словами, политкорректные термины, улучшающие денотат по сравнению с исходным словом, являются нейтральными эвфемизмами в современном английском языке. В настоящее время не существует чёткой дифференциации между политкорректными терминами и нейтральными эвфемизмами. Так, по Р. Холдеру, единица *chair* определяется как гендерно-нейтральный, политкорректный термин, не являющийся эвфемизмом [Holder 2008: 59]. Иные учёные, напротив, объединяют эти лингвистические термины, исходя из сходства прагматической цели и функционирования. Так, по Г.А. Вильдановой, они называются *гендерно-нейтральными политкорректными эвфемизмами* [Вильданова 2015: 96-97].

Перечислим основные способы образования подобных замен:

➤ **Генерализация**

waiter, waitress → *server, food assistant*;

mother/father → *parent, guardian, caregiver*;

daughter/son → *child*;

sister/brother → *sibling*;

niece/nephew → *nibling*;

guys → *folks (folx), friends, people, team*;

wife/husband → *partner, spouse, SO (significant other)*;

steward/stewardess → *flight attendant*;

actor/actress → *actor*;

author/authoress → *author*;

housewife → *home maker*;

stay-at-home mom(dad) → *stay-at-home parent*;

ladies and gentleman → *everyone, all, y'all*.

➤ **Образование сложных слов путём исключения единиц с родовым признаком:**

man → *person, individual*;

mankind → *people, human beings, humanity, human race*;

man-made → *artificial, human-caused*;

the common man → *the average person*;

chairman → *coordinator, head*;

mailman → *postal worker, mail delivery person, letter carrier, mail carrier*;

spokesman → *spokesperson*;

salesman → *salesperson, seller, sales associate, vendor*;

bus boy → *busser*;

businessman → *(business) executive*;

congressman → *legislator, congressional representative*;

motorman → *vehicle operator*;

cleaning lady → *cleaning person*;

statesman → *political leader/head of state/political figure*;

handyman → *technician*;

policeman → *police officer, office of the law, trooper*;

fireman → *firefighter*;

garbage man → *sanitation operator*;

cameraman → *videographer*;

removal man → *mover*;

freshman → *first-year student*;

lowerclassmen → *first-year students / sophomores*;

upperclassmen → *juniors / seniors*.

➤ **Замена части слов на единицы с нейтральной семантикой в словосочетаниях:**

maid → *house cleaner, domestic worker, domestic helper, home help, daily help*;
credit man → *credit manager*;

headmistress → *headteacher*;

master bedroom → *primary bedroom*.

➤ **Редукция единиц с родовым признаком:**

Chairman, chairmanship → *chair*.

Проанализировав представленный материал, можно констатировать, что все исходные единицы с точки зрения эколлингвистики сегодня трактуются как токсичные, тогда как образованные лексемы считаются нейтральными эвфемизмами. Что касается хвалебных эвфемистических замен, то общая тенденция к исключению лингвистического сексизма способствовала гендерной нейтрализации языка, из чего следует факт отсутствия хвалебных эвфемизмов в исследуемом поле.

Стереотипное насаждение политкорректных эвфемизмов в англосаксонской коммуникации порождает появление новых единиц, порой, противоречащих экзистенциальным параметрам индивидуума. Так, национальный институт здравоохранения США рекомендует использовать следующие гендерно-инклюзивные единицы:

- *all genders* (вместо *both genders, opposite sex, either sex*);
- *chestfeeding / bodyfeeding* (замена *breastfeeding*);
- *parenting / caregiving* (вместо *mothering*);
- *pregnant person / people, birth parent* (вместо *pregnant woman / women*);

[URL: www.nih.gov (дата обращения: 22.08.2024)].

Данные примеры коррелируются с высказыванием известной писательницы Дж.Роулинг, подвергшейся жёсткому остракизму после публикации заметки, содержащей сарказм относительно использования гендерно-нейтрального эвфемизма *menstruating people*. Её поступок назвали актом трансфобии, против писательницы была развёрнута настоящая кампания «отмены», после чего последовало резкое сокращение тиража её книг, разрыв контрактов с рекламодателями и тысячи угроз от бывших поклонников её таланта.

Дискуссии относительно использования гендерно-нейтрального языка коснулись и самой консервативной *a priori* части социума – церкви. Известны прецеденты обсуждений изъятия фрагментов Библии, в которых осуждались однополые отношения. Кроме того, англиканская церковь изучала возможность исключения местоимений мужского рода из текстов Священного Писания и использования местоимения *they / their*. Возникновение подобного рода дискуссий *per se* могут быть отнесены к социокультурным феноменам. В качестве примера можно представить статью из газеты «Вашингтон пост» под названием «Is God They/Them? Church of England considers gender-neutral pronouns» [[Timsit 2023](#)].

В связи с развернувшейся, поистине революционной для религиозных структур, дискуссией, уместно ещё раз подчеркнуть актуализацию местоимения *they*, как основного маркера гендерной нейтрализации и важного компонента «несексистского» словаря английского языка гендерной инклюзии. Симптоматично, что американское общество изучения диалектов назвало местоимение *they* словом десятилетия [[Waters 2021](#)]. Рекомендации ООН по использованию языка гендерной инклюзии содержат следующие примеры:

- *Before submitting your document, send it to the focal point for **their** review; **they** will return it to you with comments* [URL: www.un.org (дата обращения: 12.02.2024)].

Изменение речевых образцов таким образом, чтобы исходное местоимение *he* заменялось нейтральным *they* стало главной тенденцией в современном английском языке. Приведём примеры.

- Исходное предложение:

*A substitute judge must certify that **he** has familiarized himself with the record of the proceedings*

- Замена:

*Substitute judges must certify that **they** have familiarized themselves with the record of the proceedings* [там же].

Если местоимения *they* / *their* можно считать главной приметой функционирования гендерной нейтрализации, то использование местоимения *ze* /*zie* / *zir* стало основой языка гендерной инклюзии. Приведём примеры употребления этих местоимений:

- *I read **zir** book in my composition class.*
- *Ze taught **zirsself** to play the guitar* [URL: www.pitt.edu (дата обращения: 08.01.2024)].

Важно подчеркнуть, что сегодня в англосаксонской коммуникации между понятиями «несексистский язык» и «язык гендерной инклюзии» ставится знак равенства, о чём свидетельствуют материалы государственных организаций, общественных институтов, высших учебных заведений [URL: www.pitt.edu; www.ny.gov; www.human-rights-channel.coe.int (дата обращения: 09.01.2024)].

Многообразие вариантов самоидентификации привело к появлению как минимум десяти новых видов личных местоимений, о которых говорилось в разделе 1.4.

Кампания по искоренению сексистского языка в США привела к многочисленным изменениям в официально-деловом, медицинском, образовательном и многих других дискурсах, что отразилось на замене традиционных аппелятивов нейтральными единицами:

- *And now I realize: y'all weren't even thinking about the food! It's not that you had the willpower; you weren't obsessing about it!* [URL: www.usatoday.com (дата обращения: 10.01.2024)].

- *This is Mx. Schaffer, and they head up the financial department.* [URL: www.grammarly.com (дата обращения: 12.01.2024)].

Нейтральные обращения *hello / hi / greetings everyone / all* стали наиболее частотными в интернет-дискурсе [URL: www.stackexchange.com (дата обращения: 12.01.2024)].

Приведённые примеры эвфемизации гендерно-маркированных единиц являются не только отражением всех актуальных процессов в структуре *человек-социум-природа*, но и яркой демонстрацией *функционирования аналитизма в языке*. По справедливому мнению Г.А. Вильдановой, утрата родовых противопоставлений в именах и – шире – превращение рода в имплицитную категорию обусловлено развитием аналитизма [Вильданова 2015: 75-76]. Это подтверждается и данными корпусной лингвистики: согласно авторам фундаментального исследования “*Grammar of Spoken and Written English*” (GSWE), грамматическая форма имени существительного в английском языке не содержит указаний на его родовую принадлежность (*There is nothing in the grammatical form of a noun which reveals its gender*) [GSWE 2021: 312].

В языках синтетического строя, таких как русский, где категория рода является продуктивной и структурно значимой, аналогичное направление развития эвфемизации существенно ограничено морфологической маркированностью. Таким образом, выявляется типологическая обусловленность эвфемистических стратегий, что подтверждает положение диссертации о дифференциации процессов эвфемизации в разноструктурных языках (см. Введение). Эта типологическая разница обуславливает как количественные, так и качественные особенности в замещении гендерно-маркированных номинаций, отражая глубинные различия между языковыми системами в их отношении к социально значимым и табуированным

понятиям.

Суммируя итоги исследования эвфемизации в англоязычной коммуникации, укажем на сопряжённость этого процесса со многими задачами эколингвистики. Стремление к психологическому комфорту, отказ от негативных оценок, терпимость к проявлениям индивидуальности Другого, развитие языка в русле достижения экограмотности обусловили появление множества политкорректных терминов, которые, по Г.А. Вильдановой, считаются нейтральными эвфемизмами [Вильданова 2015: 95]. Подчеркнём, что гендерно-нейтральные эвфемизмы не только нивелируют проявления сексизма в языке, но и повышают профессиональный статус человека, поскольку часть эвфемизмов, как было показано выше, приходится на единицы, обозначающие номинацию лиц по профессии. Наконец, эвфемизация как поиск эффективной коммуникации может и должна считаться важной частью эколингвистической парадигмы.

2.2. Эвфемизация в узбекской коммуникации

Обращение в узбекской лингвокультуре обладает яркой этнокультурной спецификой. По терминам обращения определяется возраст, статус и пол как адресата, так и адресанта; речь в узбекской коммуникации всегда гендерно дифференцирована. Гендерные различия в коммуникации обусловлены исламским мировоззрением: в женской речи обязательны лексическо-грамматические и стилистические маркеры соблюдения субординации, тогда как в речи коммуникантов мужского пола подчёркивается доминирующая роль мужчины в семье и обществе [Чутпулатов 2016].

Основными стратегиями вежливости в семейно-бытовом дискурсе при иерархичной коммуникации являются обращение на «вы» и запрет на обращение по имени. Молодые люди не имеют права произносить имена старших, супруги не используют обращения по имени [Бегматов 2014: 25]. Табуизация имён в семейном дискурсе обусловлена многогранной мифоритуальной символикой, берущей своё начало задолго до установления ислама в узбекской культуре. Согласно древним поверьям, основной целью сокрытия имени ребёнка, присвоение ему другого имени являлась защита от злых духов и ранней смерти [Турекеев 2020]. Как отмечалось, мифологизация негативных событий характерна для узбекского мировидения (см. раздел 1.5). Это повлияло на развитие лингвоэкологической традиции и служит одной из причин формирования разветвлённой системы эвфемизмов-обращений.

Для анализа эвфемизации обращений целесообразно дифференцировать вертикальную и горизонтальную дистанции с последующим разделением на восходящий и нисходящий контексты. Рассмотрим термины обращения в заданных параметрах.

Вертикальная дистанция, нисходящий контекст.

В обращении по принципу «сверху вниз» в женской речи, наряду с традиционными гипонимами родства (*гўзал қизим* / моя красивая дочь; *асал қизим* / моя милая дочь; *қизалогим* / доченька; *ўғилгинам* / мой сыночек) и притяжательными местоимениями (*қизим* / дочь моя; *болагинам* / мой дорогой ребёнок; *болажоним* / моё дорогое дитя), широко используются такие эвфемизмы, как:

- метафоричные оценочные номинации, ласковые обращения: *айланай* / милый, милая; *ўргилай* / *гиргиттон* / *қоқиндиқ* в русском языке ближайшие соответствия – голубчик, голубушка; *жоним* / жизнь моя; *жигарим* / душа моя; *болажоним* / душа моя; *бўталоқларим* / пончик, пышечка; *дўндиққинам* / пухляшка моя; *тентаккинам* / мой дурачок, моя дурочка; *балли азамат* / молодец-богатырь; *чирогим* / свет мой; *қўли очиқ* / щедрый; *ойимчахон* / кокетка; *оппоққинам* / беленький

(подчеркивается редкий – светлый – оттенок кожи, что считается особенно ценным, красивым);

- названия животных: *тойчоқ* / жеребенок; *шер бола* /досл. лев мальчик; *қўзичоқ* / овечка; *қўзичоқларим* / ягнятки; *тойчоғим* / мой жеребенок;
- торжественно-возвышенные единицы и восклицания: *худо урган (бандаси)* / слуга Бога, раб Божий; *айланай* / досл. пусть паду я искупительной жертвой; *онанг ўргилсин* / досл.: пусть мама падёт жертвой, пусть очаруется; *холагинанг ўргилсин* / досл.: пусть тётушка падёт жертвой, пусть очаруется; *холанг айлансин* / досл.: пусть у тёти будет вскружена голова из-за тебя, т.е. пусть тётя будет тобой сильно очарована; *бўйингдан гиргиттон бўлиб кетай* / досл.: пусть паду я жертвой за вас; *қўлинг ўргилсин* / пусть всё, за что ты возьмешься, получится; *опагинанг ўргилсин* / пусть сестра падёт жертвой, пусть очаруется.
- синтезированные формы терминов родства и профессий: *доктор болам* / доктор сынок; *чевар қизим* / дочка портниха.

Примечательно существование обращения *невестка* – специфичная черта узбекской линвокультуры, которая отсутствует в русской и англоязычной коммуникации:

– *Ҳа, келин, тузукмисан? Ҳалиям осмонга қараб ётибсанми? Бетимнинг қаттиги, жонимнинг ҳузури деб. Бўлди-да энди, шунча ётганинг. Уйдаги юмушлар кутиб қолди. Юр, энди* / – Да, **невестка**, ты в порядке? Ты все ещё смотришь на небо? Как сила моего обета, присутствие моей души. Хватит, достаточно належалась. Домашние дела ждут. **Идём**, всё [URL: www.kun.uz (дата обращения: 28.04.2024)].

Выделенные нами суффиксы обращения на «ты» в коммуникации «сверху вниз» традиционны для узбекской линвокультуры, однако обращение на «вы» при нисходящем контексте также встречается достаточно часто.

В обращении по принципу «сверху вниз» в мужской речи используются преимущественно притяжательные местоимения, термины родства (например, *синглим* / младшая моя сестра – почтительное обращение к женщине младшего

возраста), названия животных (особенно характерно для людей пожилого возраста), синтезированные формы терминов родства и профессий, реже – метафоричные оценочные номинации и никогда – слова возвышенной лексики. Приведём типичные примеры обращения отца к сыну:

– **Болам**, энди катта йигитсан, тушунишингни хоҳлайман. Ҳаётда баъзи бир масалалар бўлади, сен бунга сабр қилишингиз керак бўлади. Мен сени эҳтиёт қилишим керак / – **Сынок**, теперь ты уже взрослый парень, и я хочу, чтобы ты это понимал. В жизни бывают определенные ситуации, в которых тебе нужно будет проявить терпение. Я должен позаботиться о тебе [URL: www.kun.uz (дата обращения: 26.04.2024)].

– *Худога шукр!* – деди чол жиндай ҳайратланиб. – *Қирқ битта неvara, ўн саккизта чевара бор. Сизни танимайроқ турибман, болам* / Слава Богу! – сказал старик с легким удивлением. – У меня сорок один внук и восемнадцать правнуков. Однако я не узнаю вас, **сынок** [URL: www.xabar.uz (дата обращения: 12.09.2024)].

– **Ўғлим**, – деди менга қараб, – *ошинг яхши бўпти-ю, аммо намилдориси, айниқса, зўр экан-да!* / **Сын мой**, – сказал он, глядя на меня, – плов у **тебя** хороший получился, но помидоры, особенно, просто отличные! [URL: www.xabar.uz (дата обращения: 12.09.2024)].

Данные примеры ещё раз подтверждают равноправное существование форм обращения «на вы» и «на ты» при нисходящем контексте в узбекской коммуникации.

Вертикальная дистанция, восходящий контекст.

В обращении по принципу «снизу вверх» и в женской, и мужской речи огромную роль играет возраст, пол и статус адресата. Эвфемизация обращений в этом контексте реализуется при помощи следующих форм:

- гипонимы родства, включая связку «имя+гипоним»:
- *она (эна), ойи, ойижоним, онажон* / мать, мама, моя дорогая мама, дорогая мама;

➤ *катта ойи, катта ойиси, буви, момо* / бабушка – почтительное обращение к пожилым женщинам, нередко – не имеющим с коммуникантом родственных связей. Часто является составной частью обращения *имя+буви*: *Меҳрибуви, Анорбуви* и т. п.;

➤ *она* / сестра (старшая) – почтительное обращение к женщине старшего возраста; также сочетается с именами: *Василя она*;

➤ *ака* / брат (старший) – почтительное обращение к мужчине старшего возраста; также сочетается с именами: *Ильхом ака*;

➤ *тога, амаки* / дядя; также сочетается с именами: *Тимур тога*;

➤ *хола, амма* / тётя (сестра матери), тётя (сестра отца); также сочетается с именами: *Фатима хола*;

➤ *почча* / муж старшей сестры, т.е. зять. Также используется как уважительное обращение к старшему мужчине.

- термины обращения по названию должности, рода занятий и с учётом положения в обществе:

➤ *мулла* / мусульманский священник; представитель мусульманского духовенства;

➤ *эшон* – титул, который даётся родственникам пророка;

➤ *бегим* / госпожа (чаще всего в связке «имя+бегим»): *Нодира бегим* / госпожа Нодира);

➤ *раис* / председатель;

➤ *отинча, отиной* / преподаватель религиозной школы, часто – образованная девушка, которую приглашают читать суры из Корана во время проведения поржественных и поминальных церемоний;

➤ *қори* / человек, который является религиозным наставником или старшим, часто к учителю Корана или имаму; означает человека, который хорошо знает Коран и может читать его наизусть;

➤ *сардор* / глава;

- *муаллим, устоз* / учитель;
- *уста* / мастер;
- *тақсир* / господин, уважаемый, ваша честь;
- *опогойи* / тётя (почтительное обращение к старшей по возрасту женщине; подчёркивается высокая степень уважения);
- *хўжака* – обращение к мужчине, совершившему паломничество;
- *оқсоқол* / старейшина (досл.: белобородый, седобородый) [Хамдам-Заде, 2016: 932];
- *домла* – неформальный титул, который даётся религиозным деятелям и людям, достигшим определённого положения в обществе. Иногда переводится как «учитель», но имеет более расширенную семантику. Симптоматично использование обращения *домла* к незнакомым мужчинам, высокий статус которых определяется по внешнему виду (в Самарканде и Кашкадарье – также и к женщинам). Нередко сочетание «имя/фамилия/имя отца + профессия/должность», например: *Қуронбеков домла* / Куронбеков учитель, *устоз Сарвиноз Рузиевна* / учительница Сарвиноз Рузиевна, *Ҳанифа чевар* / портниха Ханифа, *ҳамшира Ансора* / медсестра Ансора [Турдиева, 2020: 93].

- синтезированные формы терминов родства и профессий: *уста буво* / мастер дедушка; *ошпаз амаки* / повар дядя; *қоравул тога* / сторож дядя; *чевар хола* / портниха тётя. (Мы намеренно приводим дословный перевод, чтобы подчеркнуть грамматический строй языка и культурные особенности).

- Суффиксальные формы:
 - имя+суффикс (-хон, -жон, -бек, -ой, -биби, -бой, -пошиша, -той): *Тимурбек, Фатимахон, Анорабиби*;
 - гипоним+суффикс: *ойижон* / мамочка, *қудажон* / сватьяшка

Приведём пример обращения невестки к свекрови:

- *Ойижон, нима қилай, овутолмаяпман! Эҳтимол, бирор жойи огриётгандир,*
- *деди қўрқа-писа Мушарраф қайнонасига. Ойижон, ҳайдаманг. Уйдагиларга нима*

дейман ахир, – дея Мушарраф хўрланиб йиглай бошлади / –Мамочка, что мне делать, я не могу его успокоить! Возможно, у него что-то болит, – сказала Мушарраф свекрови, боясь и дрожа. Мамочка, не выгоняйте. Что я скажу домашним, – заискивающе сказала Мушарраф и заплакала [URL: www.kun.uz (дата обращения: 28.04.2024)].

Приведённые формы рассматриваются исследователями как эвфемизмы, поскольку они часто употребляются по отношению к людям, не имеющим родственных отношений [Омонтурдиев 2009, Чутпулатов 2016]. Обозначения родства являются симптоматичной характеристикой узбекской коллективистской культуры; их коннотация передаёт дополнительные эмоциональные и оценочные оттенки, определяющие нюансы взаимодействия участников диалога. Поскольку обращение по имени часто рассматривается как токсичное коммуникативное поведение в узбекской лингвокультуре, употребление суффиксальных единиц является одним из экологических видов речевого взаимодействия. Данные примеры демонстрируют синтез этнокультурных, социальных, психофизических и ситуативных факторов, обуславливающих развитие системы эвфемизмов, которые выступают в качестве экологических номинаций.

Проанализировав термины обращения в эколингвистическом аспекте, мы пришли к выводу о том, что наиболее широким спектром эвфемизации в семейно-бытовом дискурсе обладают единицы *муж* и *жена* – номинации, которые элиминируются как проявления грубости, невежливого поведения. Здесь уместно напомнить о дифференциации контекстов в общении мужа и жены (нисходящий и восходящий соответственно), поскольку в узбекской лингвокультуре существует гендерное неравенство. Для узбекских женщин, говорящих о своих супругах, типично использование таких оборотов, как *у киши* / тот человек, *у кишим* / тот мой человек, *бу киши* / этот человек, *бу кишим* / этот мой человек. Также в женской речи нередко употребляются единицы *турмуш ўртоғим* / супруг, *мани турмуш ўртоғим* / мой супруг, не обладающие токсичными характеристиками в узбекской коммуникации:

Турмуш ўртоғим қўллаб-қувватлаган, ёнида олиб юриб ўргатса ўргатганки, нотўғри қиляпсан, демаган. У менга ишонган, рулга ўтқизиб, ёнида олиб юрган / Мой супруг поддерживал меня, если нужно, учил, беря с собой, но не говорил, что я делаю что-то неправильно. Он верил в меня, сажал за руль и сопровождал рядом [URL: www.kun.uz (дата обращения: 30.01.2024)].

Отметим частотное употребление суффикса множественного числа *-лар* и *-ингиз* при обращении к одному лицу. Так в речевом поведении женщины проявляется иерархичность отношений, подчёркивается главенствующая роль мужчины.

В качестве обращения к мужу наиболее часто используются:

- обращения по именам детей (чаще всего – по имени старшего сына);
- обращения с учётом положения в обществе и профессии;
- гипонимы папа / папочка / отец моих детей;
- метафоричные оценочные номинации.

Приведём пример речевого взаимодействия жены и мужа:

– *Яхши келдингизми, дадаси?* – *Диёра эрининг қўлидан елим халтани олиб, куртқасини ечишга ёрдамлашди* / – Хорошо добрались, **папочка?** – Диёра взяла полиэтиленовый пакет из рук мужа и помогла ему снять куртку [URL: www.zamin.uz (дата обращения: 30.01.2024)].

Полный список актуальных эвфемизмов единицы «муж» представлен на рисунке 1.

Рисунок 1 демонстрирует отсутствие токсичных эвфемизмов, наиболее неэкологичным обращением служили бы прямая номинация *муж* или обращение по имени. Однако поскольку эти обращения не являются эвфемизмами и практически никогда не используются в коммуникации, мы исключили их из системы терминов обращений.

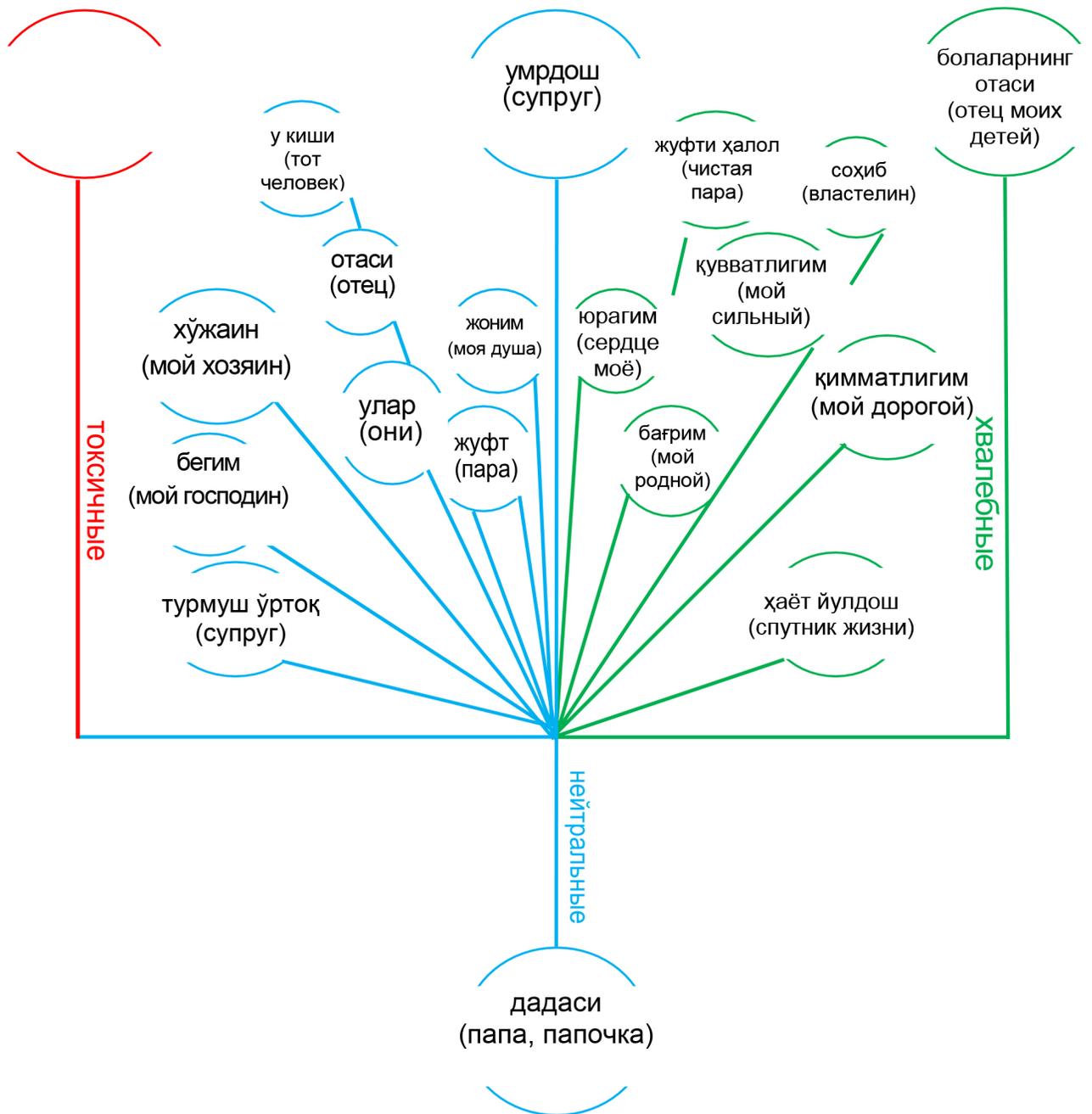

Рисунок 1. Эвфемизмы для прямой номинации «муж».

Для коммуникантов мужского пола характерны следующие обращения:

- по именам детей (чаще всего – по имени старшей дочери);
- по половой принадлежности (женщина; моя женщина);
- гипонимы (мать / мать моих детей);
- метафоричные оценочные номинации.

В следующем примере приводится типичное обращение мужа к своей жене:

– *Аяси ошни олиб келинг, – деди Ёқубжон ота. Эътиборхон ая ошни катта чинни товоққа сузди / **Мать моих детей, принесите** плов, – сказал отец Якубджон. Этибархон наладила плов в большую фарфоровую тарелку [URL: www.muzaffar.uz (дата обращения: 30.01.2024)].*

Здесь необходимо выделить обращение на «вы» и употребление автором номинации «отец» несмотря на то, что речь идёт о взаимодействии мужа и жены.

На наш взгляд, широкое использование гипонимов в обращениях подчёркивает ценность общинности, коллективизма как основы узбекской лингвокультуры.

Список всех актуальных эвфемизмов единицы «жена» представлен на рисунке 2.

Отметим, что наибольшую трудность при переводе на русский язык вызывают единицы *жуфли майли қолмаган* и *жуфти ҳалол*, в основе которых лежит корень *жуфт* (пара). Расширенное семантическое значение данных эвфемизмов включает в себя чистоту отношений, верность и преданность супругов, которым суждено прожить всю жизнь вместе и встретить старость, однако, разумеется, эквиваленты этих обращений в русском языке отсутствуют. Наиболее близким соответствием по семантике нам видится лексема *лебёдушка* (лебедь – символ преданности в русской лингвокультуре; вспомним устойчивое сочетание *лебединая верность*). Однако прямой перевод отсутствует.

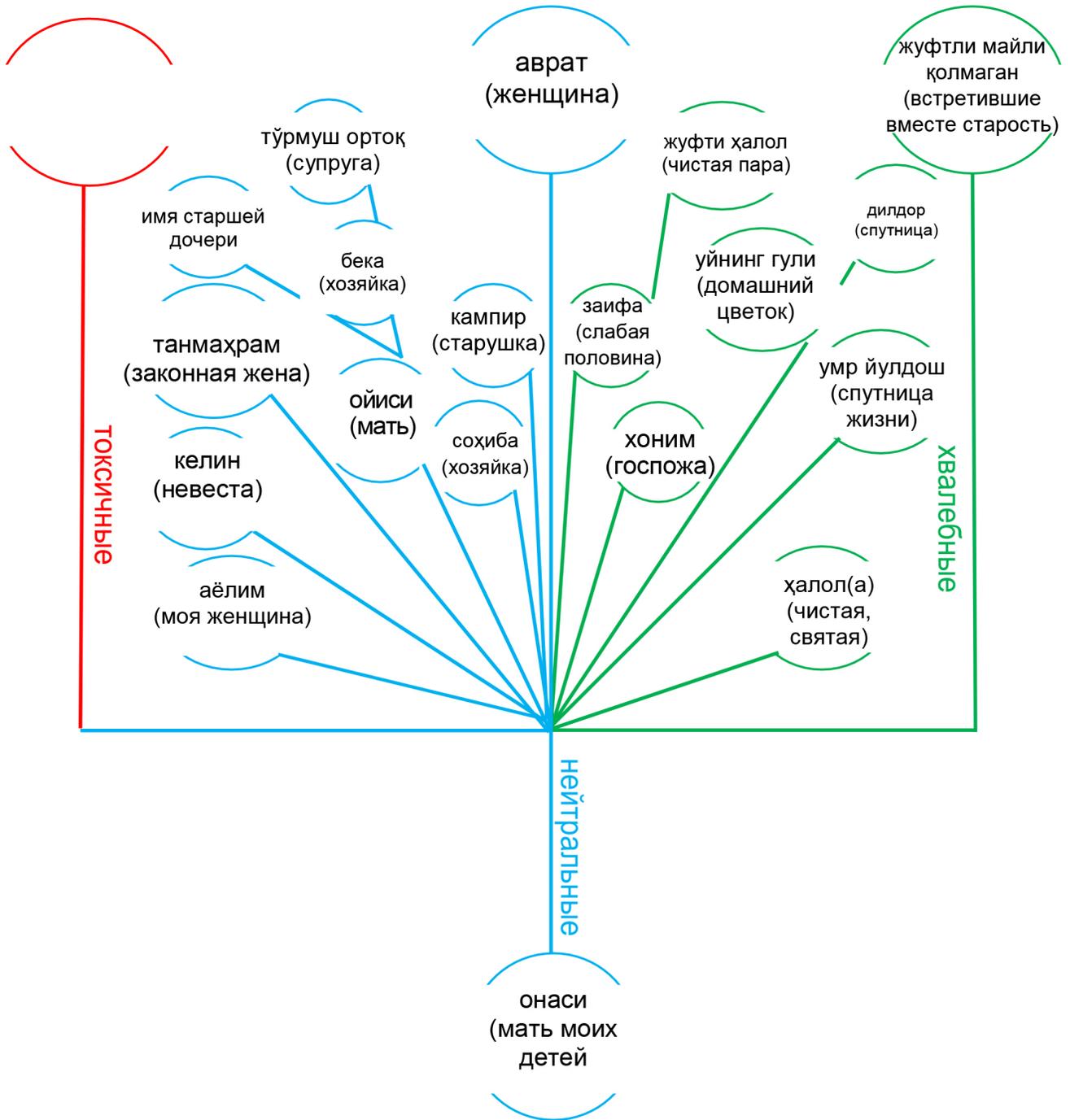

Рисунок 2. Эвфемизмы для прямой номинации «жена».

Горизонтальная дистанция.

Короткая горизонтальная дистанция и коллективистский тип узбекской культуры (см. Главу 1) обусловили формирование такой системы эвфемизмов, где главной стратегией является сближение с адресатом. Безусловно, стратегии

позитивной вежливости, разработанные П. Браун и С. Левинсоном, экстраполируются на узбекскую коммуникацию весьма условно, ввиду наличия оппозиции «свой-чужой» в данной культуре и резко очерченных границ иерархичной коммуникации. Однако в линейном контексте, где адресат и адресант имеют равные коммуникативные права, можно выделить реализацию многих стратегий сближения, что ещё раз подчеркивает наличие более короткой горизонтальной дистанции по сравнению с англосаксонской культурой. В Узбекистане незнакомые люди часто здороваются друг с другом, всегда с готовностью выражают желание помочь человеку, оказавшемуся в затруднительной ситуации, с радостью проводят до нужного места заблудившегося чужака, т.е. реализуется стратегия «замечайте слушающего, уделяйте ему внимание». Другой обязательной стратегией в узбекской коммуникации при линейных отношениях является использование маркеров внутригрупповой принадлежности, реализация этого средства выражена в широком употреблении терминов родства и суффиксальных форм имён.

Разделительной чертой системы эвфемизмов-обращений является факт знакомства с адресатом. При обращении к знакомым людям в линейной коммуникации (одинаковый статус, возраст и, чаще всего, – пол) используются следующие эвфемизмы:

- Суффиксальные формы:
 - имя+суффикс (-хон, -жон, -бек, -ой, -биби, -бой, -пошиша, -той): *Тимурбек, Фатимахон, Анорабиби;*
 - термин родства+суффикс: *акахон* / старший брат, брат мой; *опахон* / старшая сестра, сестра моя.
- Гипонимы родства:
 - Связка «имя+гипоним»: *Батыр-ака* / Батыр-брат;
 - Связка «профессия / должность+гипоним»: *шофир ака* / водитель-брат; *уста ака* / мастер-брат; *мулла ака* / священник-брат.

- Номинации возраста и пола: *камтир* / старуха (допустимо в коммуникации между пожилыми людьми); *ойимпошиша* / барышня, добрая девушка;
- Номинации дружеских отношений: *дугонажон* / подруга, наперсница; *ўртоқжон* / подруга; *жўра* / приятель, друг; *ошна* / дружище; *озайни* / друг, приятель; *бирордар* / друг (в значении «ты мой близкий друг, ты мне брат»); *дўстим* / мой друг.

Ещё раз отметим, что даже незначительная разница в возрасте (2-3 года) в линейной коммуникации может быть веским основанием обращения на «вы» к старшему коммуниканту, несмотря на близость или дружественный характер их отношений.

При обращении к незнакомым людям возраст и пол также играют определяющую роль. Подобно системе обращений к знакомым людям, в узбекской коммуникации аналогичным образом используются средства демонстрации внутригрупповой принадлежности – термины родства, при этом возраст адресата обязательно подчёркивается. Приведём примеры:

➤ *Ака, сиз кўзимга таниш кўриняписиз, мободо Кемеровода ишламаганмисиз? / Брат, вы* мне кажетесь знакомым, вы случайно не работали в Кемерово? [URL: www.kun.uz (дата обращения: 08.08.2024)].

➤ *Раъно она, кўпчиликнинг сиздан хафа бўлган пайтлари бўлган. Ўзи нима бўлган эди? Ўша пайтда сизга таъсир, тазйиқлар бўлгандир, эҳтимол. Ҳақиқатни айтиш пайти келмадимикан? / Сестра* Рано, были моменты, когда многие были обижены на **вас**. Что тогда произошло? Наверное, в тот момент на **вас** оказали давление или воздействие. Не настало ли время рассказать правду? [URL: www.aniq.uz (дата обращения: 03.02.2024)].

При обращении к людям старшего и младшего возраста можно наблюдать подчеркнутую дифференциацию данной характеристики:

➤ *Синглим, нима китоб ўқияписиз? / Младшая сестра,* какую книгу вы читаете? [URL: www.xabar.uz (дата обращения: 12.09.2024)].

Во многих областях Узбекистана, например, в Маргилане, считается естественным обращаться к незнакомцу 25-30 лет при помощи термина родства *қори ака* / старший брат. Также типичны различные метонимические обращения, когда лексическое значение имеет расширительный характер, т. е. **обращения при помощи терминов родства применимы в качестве обращения к незнакомым людям:**

- *ота, отахон, отажон* / отец, уважаемый отец, дорогой отец;
- *она, онажон* / мать, дорогая мама;
- *амаки, тога, тогажон* / дядя, дорогой дядя;
- *хола, холажон, амма, аммажон* / тётя, дорогая тётя;
- *буви, бувижон* / бабушка, дорогая бабушка;
- *бобо, бобожон* / дедушка, дорогой дедушка;
- *ака, акажон* / старший брат, дорогой старший брат;
- *ука, укажон* / братик, дорогой братик;
- *ўглим, болам* / сынок, мой ребёнок («*болам*» может быть обращением не только к сыну, но и к ребенку в целом, независимо от пола, с оттенком заботы);
- *қизим* — дочка, доченька, доченька моя.

Приведём примеры:

Амаки, ўн сўм ташлаб кетинг / Дядя, оставьте десять сум [URL: www.gazeta.uz (дата обращения: 04.02.2024)].

У эса “Мен ҳам хизматни ўтаб, чарчаб келяпман, хола” деб унамади / А он в ответ сказал: «Я тоже с работы возвращаюсь уставший, тётя», и не согласился [URL: www.daryo.uz (дата обращения: 04.02.2024)].

Ҳозир танийсиз-да! – дедим меҳрибонлик билан. – Мабодо бир парча қозонгиз йўқми, отахон? / Сейчас узнаете! – сказал я с добротой. – У вас случайно нет кусочка бумаги, уважаемый отец? [URL: www.xabar.uz (дата обращения: 12.09.2024)].

К другим эвфемизмам при данных условиях коммуникации также относятся обращения по должности / профессии, названиям животных (возможно только при нисходящем контексте), однако самой яркой этнокультурной спецификой обладают

единицы *оппоқ*, *оппоқи* / белоснежный, белый. Эти лексемы являются сокращёнными формами прилагательного *оппоқ*, семантика которого охватывает не только цвет (белый), но и имеет расширенную положительную характеристику («чистый», «хороший»). Данная лексема играет заместительную роль единицы *катта* / большой, в связи с чем возраст адресата подчёркивается иным способом. Нередко происходит присоединение данных единиц к терминам родства (*дада* / папа, *буви* / бабушка, *ойи* / мама и т.п.) и, таким образом, создаются новые, уникальные, эвфемизмы: *оппоқ буви*, *оппоқ дада*, *катта ойи* и т.д / белоснежная бабушка, белоснежный отец, старшая мама.

Уникальный характер эвфемизации обращений в узбекской культуре заключается в том, что термины родства служат маркерами возраста и пола коммуникантов, а формы обращения, образованные по принципу «должность+имя» подчёркивают статус адресата. Другой важной чертой коммуникации, по нашему мнению, следует считать элиминацию токсичных эвфемизмов – принципы вежливого общения настолько прочно вошли в узбекскую лингвокультуру, что обращения в неприемлемой форме, с нарушением статусной дистанции и без учёта возраста и пола коммуникантов, практически невозможны.

Таким образом, типологические особенности узбекского языка как *агглютинативного* с развитой системой суффиксации и словообразования непосредственно влияют на формирование и объективацию эвфемизмов. Такие суффиксы, как *-жон*, *-хон*, *-бек*, *-лар*, *-ингиз* и другие выполняют не только грамматическую, но и прагматическую функцию, регулируя степень вежливости, выражая уважение, дистанцию, эмоциональную окраску и статусные различия между коммуникантами.

Кроме того, структура языка допускает широкое использование метафорических, родственных и статусных номинаций в качестве эвфемизмов, что усиливается культурными нормами уважения к старшим, табуированием прямых номинаций (например, *муж*, *жена*) и важностью косвенного речевого поведения.

Особую роль играет возможность *синтетического объединения лексических единиц* (например, *устоз она, чевар хола*), что типологически затруднено или невозможно в языках флективного типа, таких как русский, и в аналитических языках, как английский. Это подтверждает, что структура языка оказывает существенное влияние на характер, степень распространения и форму эвфемизации, особенно в рамках культурно значимых доменов, таких как семейно-бытовая иерархия и вежливое обращение.

Следует особо подчеркнуть, что социокультурный аспект и специфика категории вежливости являются ключами для понимания сущности экологичной коммуникации в узбекской лингвокультуре.

2.3. Эвфемизация в русскоязычной коммуникации

С позиции эколингвистики в русскоязычной коммуникации наибольшую актуальность приобретают эвфемизмы, относящиеся к сфере «Человек». Согласно результатам исследования М.И. Зверевой, доля всех эвфемистических замен в рамках различных тем, входящих в данную сферу, составляет 74% [Зверева 2023: 73]. Многие задачи эколингвистики (см. раздел 1.1.) имеют самое непосредственное отношение к стремительному процессу эвфемизации определённых лексем и выступают в качестве наглядного доказательства функционирования триады *человек-социум-природа* во взаимосвязи с языком: требования социума экстраполируются на речевое поведение личности, что отражается во всех пяти сущностях языка (см. Главу 1). В связи с этим мы обратились к исследованию эвфемизации единицы «инвалид» – на наш взгляд, наиболее социально значимого процесса, происходящего в русской лингвокультуре.

Как известно, семантика лексемы «инвалид» подверглась значительной трансформации, перейдя от изначального значения «ветеран, военный в отставке» к семе «человек, который полностью или частично лишён трудоспособности вследствие какой-нибудь аномалии, ранения, увечья, болезни» [URL: www.slovarozhegova.ru (дата обращения: 08.02.2024)]. По современным оценкам ООН, использование слова «инвалид» не отражает модели прав человека [URL: www.bbc.com (дата обращения: 08.08.2024)]; активный поиск нетоксичных замен подчёркивает острую потребность социума найти тактичный способ номинации людей с инвалидностью. В России меняется отношение к людям с особенностями здоровья, на передний план выходят многие эколингвистические задачи, главная из которых – сохранение психофизического здоровья человека посредством устранения токсичных номинаций.

Проблематика исследования языковой единицы «инвалид» в эколингвистическом аспекте содержит следующие компоненты:

➤ **Обширность и многоаспектность семы.**

По результатам нашего исследования, данная лексема насчитывает более **30** основных вариаций и около **100** – второстепенных / косвенных эвфемистических замен; охват когнитивных и физических нарушений, зафиксированных в медицине, настолько велик, что целесообразно рассматривать основные и наиболее частотные эвфемизмы, вошедшие в русскую лингвокультуру.

➤ **Неоднозначность и размытый объём эколингвистической оценки.**

Функционирование как самой единицы «инвалид», так и её многочисленных вариантов в русскоязычном социуме имеет прямую взаимосвязь с этноспецифической природой толерантности в русской культуре (см. раздел. 1.4.). Наряду с широким распространением и обязательным использованием языка инклюзии (inclusive language) в англоязычном мире, в русской лингвокультуре система политкорректных (нейтральных или хвалебных) эвфемизмов, относящихся к полю лексемы «инвалид», находится в стадии становления. Данный факт объясняется неприятием навязывания

элементов толерантности и политкорректности среди русскоязычных коммуникантов с одной стороны и несформированным отношением социума к проблеме инвалидности – с другой.

На протяжении многих десятилетий в русскоязычном обществе было принято скрывать факт инвалидности и даже стыдиться его. Оппозиция «свой-чужой» в русской лингвокультуре и коллективный тип мышления предполагает настороженное и несколько враждебное отношение к тем индивидуумам, которые, по тем или иным причинам, выделяются на фоне остальных. Также вспомним, что до начала XXI века в России не существовало развитой системы обеспечения доступности городской среды для инвалидов (пандусы, пешеходные коммуникации, туалеты для маломобильных групп населения и т.п.). Педагоги испытывали трудности в обучении детей с различными когнитивными нарушениями ввиду отсутствия системы необходимой подготовки в области коррекционной педагогики. Медицинские работники ошибочно диагностировали детскую шизофрению у детей с аутизмом: диагноз был внесён в Международную классификацию болезней в 1995 году, однако отсутствие нужных компетенций и недостаточная осведомлённость в данной области до сих пор тормозят развитие программ помощи. В 2021 году только 567 из 9000 детей с аутизмом смогли получить диагноз в Санкт-Петербурге [URL: www.fontanka.ru (дата обращения: 08.08.2024)].

Кроме того, по справедливому утверждению М.И. Зверевой, неоднозначным остаётся отношение к использованию слова «инвалид» в русской коммуникации с точки зрения его эколингвистической оценки [Зверева 2023: 75-80]. Наряду с функционированием данной единицы в официальном дискурсе (см., напр. Федеральный закон от 24.11.95 г. № 181-ФЗ (ред. от 28 мая 2024 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»), активный поиск эвфемизмов свидетельствует о неудовлетворённости социума относительно использования данной лексемы.

По результатам опроса родителей, имеющих детей с инвалидностью, можно

констатировать отсутствие единодушного мнения по данной проблеме: **35%** респондентов считают неприемлемой номинацию «инвалид», **50%** назвали её «допустимой», тогда как **15%** затруднились с ответом. Следует признать, что проблема дифференцированной позиции общества по данному вопросу будет существовать до тех пор, пока единица «инвалид» активно используется на государственном уровне. Важно подчеркнуть, что **100%** наших респондентов высказались негативно относительно противопоставления «инвалид vs нормальный», которое нередко употребляется в русской коммуникации. Экологичная замена «нормотипичный» с трудом приживается в русскоязычной среде.

➤ **Генерализация эвфемистических замен.**

В противовес общепринятой конкретизации физических и ментальных недугов в английском языке (*hearing impaired, a person with ASD / on the spectrum, visually oriented, children with learning disability etc.*), в русскоязычной коммуникации сохраняется традиция обобщения и сокрытия конкретных медицинских диагнозов: *люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) / ментальными нарушениями / с теми или иными отклонениями / с проблемами здоровья* и т.д.

Вместе с тем влияние глобализации и, как следствие, развитие культуры инклюзии приводит к стойким тенденциям применения модели «человек / люди с инвалидностью», т.е. наблюдается экстраполяция идеологической установки Person First Language, принятой в англосаксонской культуре (см. раздел 1.4.).

Результаты исследования эвфемистических замен целесообразно рассмотреть в виде фреймовой структуры. Концепт «Инвалид», судя по нашим данным, отражается в шести опорных концептах, составляющих слоты рассматриваемой структуры: ограничение, недостаток, потребность, особенность, проблемы, инвалидность. Остальные концепты, не вошедшие в схему, мы рассмотрим отдельно ввиду их низкой частотности и малой вариативности.

Таблица 1. Базовые концепты фрейма «Инвалид» в русской лингвокультуре

№ п/п	Базовые концепты	Примеры эвфемизмов, номинирующих базовые концепты фрейма
1.	Ограничение	<ul style="list-style-type: none"> ▪ люди с ограниченными возможностями (жизнедеятельности), ▪ люди с ограничениями, ▪ люди с физическими ограничениями (здоровья), ▪ люди с умственными ограничениями, ▪ люди с ограничениями жизнедеятельности, ▪ люди с ограниченными способностями, ▪ люди с ограниченными интеллектуальными способностями (возможностями), ▪ люди с тяжёлой формой умственных ограничений, ▪ люди с ограничениями слуха / зрения, ▪ люди с ограниченной трудоспособностью, ▪ физически (умственно) ограниченный человек.
2.	Недостаток	<ul style="list-style-type: none"> ▪ люди с нарушениями (развития, слуха, зрения), ▪ люди с когнитивными (ментальными, психическими, умственными, опорно-двигательными) нарушениями, ▪ люди с дефектами развития (речи, слуха, зрения), ▪ люди с физическими (умственными) недостатками, ▪ дети с интеллектуальной недостаточностью. ▪ люди с отклонениями (в развитии),

		<ul style="list-style-type: none"> ▪ люди с психическими (интеллектуальными) расстройствами, ▪ дети с задержкой (психо-)речевого развития, ▪ люди с умственной неполноценностью, ▪ неполноценные люди ▪ маломобильные (лица, пассажиры).
3.	Потребность	<ul style="list-style-type: none"> ▪ люди с особыми нуждами, ▪ люди с особыми (особенными, специальными) потребностями, ▪ люди с повышенными (дополнительными) потребностями, ▪ дети с особыми образовательными потребностями, ▪ дети с особыми потребностями в медицинском обслуживании, ▪ люди с дополнительными потребностями.
4.	Особенность	<ul style="list-style-type: none"> ▪ люди с ментальными (когнитивными, умственными) особенностями (развития), ▪ люди с психическими особенностями (развития, здоровья), ▪ особенные дети (особенный ребёнок), ▪ дети с особенностями психофизического развития (ОПФР), ▪ человек с особенностями.

5.	Проблемы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ люди с когнитивными (интеллектуальными) проблемами, ▪ люди с проблемами здоровья, ▪ люди с проблемами интеллектуального (умственного, психического) развития.
6.	Инвалидность	<ul style="list-style-type: none"> ▪ люди с (ментальной) инвалидностью, ▪ люди с инвалидностью по психическому расстройству.

В приведённых группах примеров мы намеренно опустили те эвфемистические выражения, которые варьируются по грамматическому признаку (использование / избегание творительного падежа и предлога «с», напр.: *люди ограниченных способностей* и *люди с ограниченными способностями*), поскольку в парадигме эколингвистической оценки данная разница не является существенной.

Идеи ограниченности и нарушений являются, на наш взгляд, самыми яркими маркерами токсичности с одной стороны, и характерными чертами русской лингвокультуры – с другой. Низкая терпимость к различным формам инаковости, описанная нами в разделе 1.5, проявляется на уровнях мышления, языка, психофизиологии, речи, общения. Невозможность соответствия коллективным и социокультурным требованиям социума ведёт к появлению идеи недостатка / дефекта / ограниченности Другого. Результаты нашего исследования свидетельствуют о богатом инвективном фонде и большом объёме токсичных эвфемизмов для номинации «инвалид». Мы глубоко убеждены в том, что элиминация данной идеи *per se* должна стать одной из приоритетных задач эколингвистики на ближайшее десятилетие. Этот вектор имеет реальную перспективу, поскольку, как говорилось выше, за прошедшие 10-15 лет в русской коммуникации наблюдается постепенная

замена единицы «инвалид» на более экологически конструктивные выражения: *человек / люди с инвалидностью*.

Приведём примеры использования токсичных эвфемизмов:

✓ *Страх и неприязнь по отношению к людям с психическими нарушениями связаны с непониманием природы их поведения и недостатком опыта общения с ними* [URL: www.petrso.ru (дата обращения: 15.04.2024)].

✓ *Известные люди с физическими ограничениями. Справка* [URL: www.ria.ru (дата обращения: 15.04.2024)].

✓ *Есть множество параллелей между пожилым населением и людьми с умственными недостатками* [URL: www.serbsky.ru (дата обращения: 15.04.2024)].

✓ *Неполноценный человек – это общее понятие человека с изъяном, в которое можно заложить какой угодно смысл* [URL: www.bolshoyvopros.ru (дата обращения: 15.04.2024)].

✓ *Инвалид – это человек с ограниченными возможностями* [там же].

✓ *Ещё вчера появление в семье ребёнка с теми или иными отклонениями в развитии воспринималось родителями как своего рода приговор* [URL: aif.ru (дата обращения: 21.04.2024)].

✓ *Люди с ограниченными умственными способностями: как общаться и как освещать сюжеты о них. Руководство для журналистов* [URL: www.keystonemoldova.md (дата обращения: 21.04.2024)].

Отдельно следует рассмотреть эвфемизм *люди с ОВЗ* – широко используемый термин в русской коммуникации, преимущественно – в письменной речи (государственные документы, официальные приказы и т.п.). По нашему мнению, данный эвфемизм имеет парадоксальный характер: его вариант с расшифровкой аббревиатуры (ограниченные возможности здоровья) обладает, как упоминалось, негативной коннотацией и должен быть отнесён к группе токсичных эвфемизмов. Тогда как употребление аббревиатуры ОВЗ выполняет множество функций – от экономии

языка до камуфляжа неэкологичности высказывания и, таким образом, может относиться к нейтральным эфвемизмам.

Однако, продолжая исследование употребления терминологии в официальном дискурсе, приходится признать, что многие номинации поля «инвалид» обладают мощным деструктивным воздействием с точки зрения эколингвистики:

✓ *Предметом регулирования Стандарта являются отношения в сфере образования следующих групп обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: глухих, слабослышащих, позднооглохших, слепых, слабовидящих, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с задержкой психического развития, с расстройствами аутистического спектра, со сложными дефектами (далее – обучающиеся с ОБЗ) [URL: www.garant.ru (дата обращения: 28.04.2024)].*

Отметим, что в официальном дискурсе лексема «люди» часто заменяется единицами *лицо / лица, гражданин / гражданка / граждане*, тем самым проявляется эффект отстранения, нивелируется возможность эмоционально-экспрессивной оценки:

✓ *Условиями признания гражданина инвалидом являются:*

а) нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами;

б) ограничение жизнедеятельности (полная или частичная утрата гражданином способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться или заниматься трудовой деятельностью);

(извлечения из Правил признания лица инвалидом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 05 апреля 2022 г. № 588) [URL: www.government.ru (дата обращения: 27.05.2024)].

Наряду с этим, в повседневной коммуникации характерны проявления особенностей коллективного мышления, главной чертой которого является

обобщённое покровительство и забота старшего о младшем, что отражено в поговорке «Чужих детей не бывает». Так, говоря о детях с инвалидностью, русские коммуниканты широко используют диминутивы, что является характерной чертой синтетического (русского) языка. В эволютингвистическом и лингвокультурологическом аспектах употребление диминутивов может рассматриваться и как сознательная поддержка адресата через «эмоциональное поглаживание», и как бессознательное желание защиты ребёнка, вследствие чего говорящий пытается преуменьшить степень его проблем:

✓ *Скажите, пожалуйста, во сколько лет заговорил ваш **ребёночек**? У меня тоже растёт аутист, 4 года* [URL: ww.woman.ru (дата обращения: 28.05.2024)].

✓ *Особенные **детки** – это обычные дети. Они смеются, любят играть и чутко реагируют на ласку* [URL: www.rebenok-plavaet.ru (дата обращения: 08.08.2024)].

В продолжение сказанного отметим симптоматичное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в медицинских терминах применительно к детям: *аутията / аутиёнок / даунята / даунёнок*. По результатам опроса родителей особенных детей, большинство из них (87%) относятся к таким производным резко отрицательно.

Рассмотрим эвфемизмы, номинирующие концепт «потребность» и синонимичной ему, в данном аспекте, замены «нужды». Несмотря на широкую распространённость подобных номинаций в английском языке (*special / physical / developmental / behavioral / emotional / sensory impaired needs*), следует признать, что произошедшее калькирование в русском языке не прошло окончательную ассимиляцию и не закреплено в языковом сознании носителей русской лингвокультуры (см. ниже результаты социолингвистического опроса). По нашей гипотезе, данный факт можно связать с одной из негативных коннотаций единицы *потребитель* – человек, который потребляет, но не отдаёт ничего обществу взамен, т.е. является тунеядцем. Также, по-видимому, доминантной семой лексемы *нужда* в

русском сознании является «бедность, недостаток в чём-либо», а не «потребность». Наряду с этим такие словосочетания, как *образовательные потребности, особые потребности в медицинском обслуживании* закрепились в русскоязычной коммуникации как нейтральные эвфемизмы, поскольку конкретизируют нужды индивидуума и не содержат негативных оценок его личности.

В качестве примера использования данных эвфемистических замен приведём фрагмент статьи известных учёных в области психологии, педагогики и коррекционной психологии Е.Л. Гончаровой, О.С. Никольской и О.И. Кукушкиной:

✓ *«Ребенок с особыми образовательными потребностями» — относительно новый, но уже достаточно устоявшийся термин, который возникает во всех странах мира при переходе от унитарного к открытому гражданскому обществу, когда оно осознает необходимость отразить в языке свое меняющееся отношение к детям с нарушениями в развитии, новое понимание их прав [URL: www.psy.su (дата обращения: 10.04.2024)].*

Исследователи констатируют факт вытеснения используемых ранее терминов *аномальный ребенок / ребенок с нарушениями в развитии / ребенок с отклонениями в развитии / аутист / даун / спастик / алалик / дизартрик* и формирование новой экологичной системы терминологии, где особые образовательные потребности выражаются в виде «специальных условиях обучения и воспитания для максимально возможного развития ребёнка, его образования, введения в культуру сообщества и семьи» [там же]. Принятие нового направления в культуре, мышлении и языке позволило бы сместить негативные акценты с недостатков (дефектов, нарушений, отклонений) к фиксации особых социальных, медицинских и образовательных потребностей.

С целью исследования актуальных доминант эвфемизации лексемы *инвалид* мы провели социолингвистический опрос (подробнее см. стр. 72-73), обобщённые результаты которого представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Варианты эвфемизмов для прямой номинации «инвалид» в русскоязычной коммуникации

N п/п	Тип эвфемизмов	Примеры эвфемизмов для номинации «инвалид»
1.	ТОКСИЧНЫЕ	<ul style="list-style-type: none"> ▪ инвалид, ментальный инвалид, люди с ограничениями, человек с дефектом зрения / слуха, человек с отклонениями, человек с ограниченными способностями, не в себе, (умственно) отсталый, люди с физическими / умственными недостатками, человек с умственной неполноценностью, неполноценный, недоразвитый, слепой / слепенький, глухой / с глушинкой, безрукий, безногий, одноногий, однорукий, хромой / хроменький, колясочник, аутяра, ДЦПшник, даун, даунёнок, шизик, шизоид, шизофреник, имбецил, олигофрен, идиот, дебил, ▪ калеченный, убогий, немощный, бедолага, ампутант, хромоножка.
2.	НЕЙТРАЛЬНЫЕ	<ul style="list-style-type: none"> ▪ особенный (ребёнок), особые дети, редкий (ребёнок), человек с особенностями (развития), человек с инвалидностью, человек с ДЦП (аутизмом, Синдромом Дауна, инвалидностью), человек с когнитивными (ментальными) особенностями, люди с ОВЗ, человек с ментальными проблемами.

3.	ХВАЛЕБНЫЕ	<ul style="list-style-type: none"> ▪ солнечные дети, дети-ангелы, дети-бабочки, РАСпрекрасные дети.
----	-----------	--

Как было продемонстрировано, в русскоязычной коммуникации зафиксировано обилие инвективов и токсичных эвфемизмов, а также скудность нейтральных и хвалебных замен для номинации «инвалид». Помимо лингвокультурологических и социокультурных причин, описанных выше, следует также сказать о недостаточном опыте проживания культуры инклюзии русскоязычным социумом. Однако уже сегодня наши респонденты считают токсичной лексему *инвалид* и нейтральными эвфемизмами – *люди с инвалидностью / ОВЗ / ДЦП* и т.д. Ещё раз выделим стойкую тенденцию к использованию подхода Person First Language.

Кроме того, симптоматична трансформация медицинских диагнозов в инвективы: единицы *олигофрен, шизофреник, имбецил, идиот, дебил, даун* давно вышли за пределы медицинского дискурса и функционируют как токсичные номинации – формы речевой агрессии и социального неприятия. Подобное переосмысление медицинских терминов представляет собой один из проявлений токсичной эвфемизации или, напротив, дисфемизации, когда исходно нейтральная или научная лексика приобретает уничижительный оттенок в повседневной коммуникации. Вполне вероятно, что аналогичную траекторию социолингвистического переосмысления пройдёт и лексема *аутист*, уже сегодня всё чаще употребляемая в контексте снижения когнитивных или коммуникативных способностей, что искажает медицинское значение термина и способствует стигматизации соответствующих состояний. Таким образом, подобные номинации не только утрачивают первоначальную научную нейтральность, но и становятся инструментом социальной маркировки и речевой агрессии, что требует отдельного внимания в рамках лингвоэкологического анализа.

Интересно отметить дифференциацию сем в единицах *особенный ребёнок* и *особенный человек* в русском языковом сознании. Если первая, из упомянутых, единица теперь имеет прямое отношение к инвалидности, то вторая не подверглась трансформации и по-прежнему зафиксирована в сознании как «необыкновенный / удивительный / незаурядный человек».

Рассмотрим немногочисленные хвалебные эвфемизмы, указанные информантами. Все они являются альтернативными номинациями и метафорами для обозначения медицинских диагнозов:

✓ *Солнечные дети – дети с синдромом Дауна:*

«Во всем мире людей с синдромом Дауна называют «солнечными» - настолько они добры, дружелюбны, открыты и беззащитны. Они просто не способны кого -либо обидеть, поскольку напрочь лишены агрессии» [URL: www.solnechnaya-strana.ru (дата обращения: 14.05.2024)].

✓ *Дети-ангелы – дети с ДЦП*

«Дети-Ангелы» — сайт сообщества родителей особых детей и, в первую очередь, детишек с заболеванием ДЦП (Детский Церебральный Паралич)» [URL: www.detiangeli.ru (дата обращения: 01.05.2024)].

В данном примере симптоматично использование диминутива *детишки*.

✓ *Дети-бабочки – дети с буллёзным эпидермолизом и ихтиозом.*

«Дети-бабочки – системный благотворительный фонд, с 2011 года оказывающий помощь детям и взрослым с редкими генетическими заболеваниями кожи» [URL: www.deti-bela.ru (дата обращения: 05.05.2024)].

✓ *РАСпрекрасные дети – дети с расстройством аутистического спектра (РАС)*

«Сейчас в Орле формируется некоммерческая общественная организация «Распрекрасные дети», цель которой объединить родителей, которые столкнулись с расстройством аутистического спектра у своих детей. Большинство родителей, только

общаясь в соцсетях, находят взаимопонимание и решение многих проблем» [URL: www.vestiorel.ru (дата обращения: 05.05.2024)].

Осведомлённость информантов о наличии комплиментарных единиц, маскирующих медицинские диагнозы, обусловлено высокой концентрацией информирования общества, что ещё раз доказывает возможность устранения максимального числа токсичных эвфемизмов и инвективов наряду с широким распространением нейтральных и хвалебных замен. Необходимо особо подчеркнуть, что только 15% респондентов смогли назвать данную группу эвфемизмов. Ввиду низкой частотности использования этих лексем, они были исключены из фреймовой структуры концепта «инвалид» (см. Таблицу 1).

Таким образом, из шести базовых номинаций, определяющих структуру эвфемизации лексемы инвалид, только три (*особенность, проблемы, инвалидность*) воспринимаются русскоязычными коммуникантами как приемлемые и нетоксичные, в то время как ни один из опорных концептов не может служить основой для формирования хвалебных эвфемизмов.

Считаем важным подчеркнуть, что исследование эвфемизации данной лексемы не может быть изолированно от тех единиц, которые дополняют и формируют мотивационное, грамматико-лексическое, фразео-семантическое, вариационное и лексико-семантическое поля, составляющие языковую картину мира.

Сегодня значительное количество лексико-фразеологических стилистических средств языка, связанных с темой инвалидности и присущих современной русскоязычной коммуникации, вызывают тревогу ввиду социальной стигматизации: инвалид = приговор / инвалид = конец жизни. В одной только статье, посвящённой успехам людей с инвалидностью, нами было выделено 13 примеров неэкологичной коммуникации, несмотря на позитивный посыл и мотивационную интенцию автора:

- *8 историй успеха людей с ограниченными возможностями;*
- *Но всё осложняется в сотни, тысячи раз, когда человек обладает каким-то физическим недостатком;*

- *Страшные обстоятельства не могут помешать, если есть сила духа;*
- *Прикован к инвалидному креслу;*
- *Несмотря на инвалидность, Хокинг был дважды женат и имеет троих детей от первого брака, а в 2007 году даже совершил полёт в невесомости;*
- *Хеллен Келлер – слепоглухота;*
- *Ей повезло – из школы для слепых прислали учительницу;*
- *Несмотря на свой физический недостаток, Хелен была очень жизнерадостной и целеустремлённой девочкой;*
- *Хелен Келлер стала <...> живым примером того, что можно жить полной жизнью даже с таким страшным недугом;*
- *С 30 лет окружающие стали замечать неадекватность в его поведении;*
- *На лекциях он мог внезапно нести полный бред;*
- *Распрощавшись со здоровьем, Фрида не распрощалась с активной жизнью;*
- *С рождения мальчик страдал тяжелейшей формой церебрального паралича [URL: www.uspehvgolove.ru (дата обращения: 12.05.2024)].*

Стойкое мнение о том, что люди с инвалидностью не способны иметь полноценную жизнь, создаёт крайне токсичную среду. Приведённые примеры содержат категоричные оценки, пренебрежение, неуважительное отношение, формируют устойчивый антагонистический круг – все эти параметры «нехорошей речи» усиливают напряжение в обществе и вредят здоровью каждого индивидуума. Вызывает опасение привычное использование речевых клише, создающих негативное воздействие на адресата и стигматизацию общества в рамках этой острейшей темы. Таким образом, проблема ежедневного употребления единиц, относящихся к характеристикам неэкологичного общения, имеет гораздо больший охват, чем поле лексемы «инвалид».

Резюмируя данную часть исследования, приведём краткие выводы:

1. В русскоязычной коммуникации наибольшую актуальность имеет

процесс эвфемизации лексемы «инвалид». Данный процесс – шире и глубже, чем поиск краткой и тактичной замены этой единицы; он охватывает мотивационное, грамматико-лексическое, фразео-семантическое, вариационное и лексико-семантическое поля, а также является важнейшей частью языковой русской картины мира и русской лингвокультуры.

2. Значительное количество эвфемизмов для лексемы «инвалид» свидетельствует об активном поиске экологичного вектора в коммуникации, а также о неудовлетворённости социума относительно существующих эвфемистических замен.

3. Большой пласт токсичных эвфемизмов и инвективов обусловлен типом культуры и социокультурных отношений, однако результаты исследования говорят о начавшемся процессе формирования экологичной коммуникации в данной области.

4. Большинство замен представляют собой однотипные и многокомпонентные конструкции; только три из шести базовых концептов (особенность, проблемы, инвалидность), имеют потенциал развития в нейтральные эвфемизмы. Это указывает на необходимость дальнейшего поиска устойчивых, социокультурно приемлемых номинаций.

5. Хвалебные эвфемистические замены представлены метафорическими выражениями и лексемами с эмоционально-возвышенной окраской, отражающими стремление к переосмыслению стигматизирующих обозначений. Несмотря на их несколько искусственный или избыточно экспрессивный характер, данное направление языкового творчества представляется перспективным и социально значимым, поскольку демонстрирует активное участие общества в формировании этически приемлемой и психологически комфортной речевой среды.

6. Поиск эвфемизмов – процесс двусторонний, необходимо учитывать мнение людей с инвалидностью, родителей особенных детей, поскольку многие представители русскоязычного социума имеют весьма приблизительное представление о том, какие слова и словосочетания воспринимаются как грубость и

оскорбление.

7. Несмотря на специфическую сущность категории толерантности, в русской культуре постепенно приживается инклюзивная модель, что способствует устойчивой перспективе экологичного общения.

8. Структура русского языка как *флективного* и *синтетического* оказывает значительное влияние на выбор и реализацию эвфемизмов. Высокая степень морфологической гибкости позволяет интегрировать эвфемистические формы в различные синтаксические конструкции, сохраняя при этом эмоциональную окраску речи. Особую роль в этом играет система уменьшительно-ласкательных суффиксов (например, *-очк-*, *-еньк-*, *-ик-*, *-ушк-*), которая активно используется в номинации медицинских терминов относительно детей с инвалидностью. Употребление диминутивов снижает степень психологического напряжения в речи, что свидетельствует о стремлении коммуникантов к экологичности и эмоциональной поддержке в общении.

9. Флективная природа русского языка обеспечивает эвфемизмам широкую грамматическую вариативность: слова легко изменяются по падежам, числам и родам, что позволяет сохранять лексическую форму с уменьшительным или ласкательным значением независимо от грамматической позиции в предложении. Это способствует распространению таких форм в эмоционально окрашенной речи, где важно проявить заботу и снизить травматичность коммуникации. Кроме того, флективность языка позволяет говорящему маскировать или смягчать прямые номинации без утраты смысловой точности. Таким образом, синтаксическая гибкость и словообразовательные возможности русского языка напрямую способствуют развитию эвфемизации как важного инструмента лингвоэкологичного общения.

Выводы по Главе 2

1. **В англосаксонской коммуникации** гендерная эвфемизация является наиболее актуальным и социально значимым процессом с точки зрения эколингвистических задач. Исключение проявлений сексизма на всех уровнях языка и предоставление широчайшего свободного выбора в социуме обусловлены этно- и социокультурными особенностями англосаксонской лингвокультуры, спецификой категории вежливости и толерантности, описанных нами в Главе 1. В результате наблюдается стремительное развитие языка гендерной инклюзии, вследствие чего гендерно-маркированные единицы признаются токсичными, тогда как гендерно-нейтральные образованные замены считаются нейтральными эвфемизмами. Отсутствие хвалебных эвфемизмов в исследуемом поле объясняется стремлением общества к общей нейтрализации языка во всех его сущностях. Превращение рода в скрытую категорию обусловлено развитием аналитизма в английском языке, что подтверждает дифференциацию эвфемистических процессов в зависимости от типологических характеристик языка. В условиях отсутствия морфологического выражения рода английский язык предоставляет больше возможностей для формирования гендерно-нейтральных эвфемизмов, способствуя более гибкому отражению социокультурных изменений и актуальных норм политкорректности и толерантности в речевой практике. Это проявляется не только в грамматических особенностях, но и в лексических стратегиях эвфемизации, где в аналитических языках предпочтение отдается заменам с нейтральной или завуалированной семантикой.

2. **В узбекской коммуникации** эвфемизация терминов обращения семейно-бытового дискурса составляет основу экологичности общения и отражает лингвокультурные особенности языка и мышления. Речь в узбекской коммуникации

характеризуется высокой степенью гендерной дифференциации, что существенно влияет на выбор и употребление замен. Токсичными эвфемизмами являются единицы «муж», «жена», а также прямые номинации родства, которые из узбекской коммуникации фактически исключены. Термины родства выступают в роли маркеров возраста и пола; формы обращения, образованные по принципу «должность+имя» подчёркивают социальный статус адресата и служат нейтральными эвфемизмами. Их употребление является проявлением вежливого поведения и составляет основу экологичного сосуществования в узбекском обществе. Данные формы обращения рассматриваются как эвфемизмы, поскольку они улучшают денотат, смягчая прямоту и снижая потенциал речевой агрессии. Значительное количество хвалебных эвфемизмов, относящихся к понятиям «муж» и «жена», выступает средством объективации поэтизма и выражения уважения в узбекском языке.

Особенностью реализации эвфемии в узбекском языке является процесс агглютинации – слияния семантических элементов отдельных морфем, что позволяет создавать сложные эвфемистические конструкции, отражающие культурные нормы и социальные ожидания. Таким образом, структурные особенности языка, в частности агглютинативный тип и наличие выраженной гендерной дифференциации, оказывают существенное влияние на выбор и формирование эвфемизмов в узбекской коммуникации. Эти языковые характеристики не только определяют способы смягчения речевых выражений, но и задают рамки для функционирования эвфемистических замен в рамках лингвокультурной среды, что подчёркивает важность типологического подхода при сравнительном анализе эвфемистических стратегий в различных языках.

3. В русской коммуникации поиск эвфемистических замен для единицы «инвалид» актуализирует сдвиги социума в сторону экологичности общения. Эвфемия охватывает все виды семантических полей и отражает состояние языковой картины мира и русской лингвокультуры. В результате проведённого эмпирического исследования было выявлено значительное число токсичных эвфемизмов и

инвективных единиц (80), небольшое количество нейтральных замен (16) и ничтожно малое число хвалебных эвфемизмов (4), причём последняя группа представлена в виде метафор и альтернативных номинаций медицинских диагнозов, применяемых во всём мире. Полученные результаты являются отражением особенностей типа культуры, включая наличие оппозиции «свой-чужой», а также этноспецифическую сущность категории толерантности, исследованных нами в Главе 1. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в эвфемистических заменах является симптоматичной характеристикой функционирования флективного (русского) языка, а также подтверждает лингвокультурологические черты коллективистского типа культуры. Продуктивность данной словообразовательной модели свидетельствует о стремлении смягчить коммуникативную ситуацию не за счёт нейтрализации смысла, а путём экспрессивной окраски и эмоционального сближения участников речевого акта. Это отражает доминирование аффективного компонента в русском дискурсе и показывает, как морфологические ресурсы языка используются для реализации стратегий эвфемизации. Таким образом, типологические особенности русского языка оказывают прямое влияние на формирование эвфемизмов, которые в условиях коллективистской культуры выполняют не только смягчающую, но и интегративную, а также ритуализующую функцию.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ, УЗБЕКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Глава 3 содержит результаты эмпирического исследования, охватывающего девять экспериментов, проведённых в виде анкетирования и этнографических интервью в устной и письменной форме.

Для заключительного этапа эксперимента материалом исследования послужили ответы **150** респондентов, возраст которых варьируется от 20 до 63 лет; все информанты имеют среднеспециальное и высшее образование. Сбор материала осуществлялся в 2022-2024 гг. в ходе лингвистических экспедиций в Республике Узбекистан (подробнее – см. Главу 2), в г. Москве, а также в виде онлайн-интервью с респондентами из северо-западных и северо-восточных центральных штатов США (Айова, Миннесота, Мичиган, Висконсин). Нами было опрошено по **50** представителей соответствующей лингвокультуры, в результате чего было проанализировано более **4600** контекстов, с учётом работы со словарями и материалами СМИ, а также вследствие неравномерности предъявляемого объёма замен для носителей каждой из лингвокультур (см. ниже).

Аудиоматериал на английском языке (8 часов) содержит речевые образцы в виде реплик и высказываний, однако в ходе интервью многие информанты естественным образом отклонялись от предложенной темы. Отдельно отметим, что все 50 американских участников эксперимента могут в определённой степени считаться экспертами в эколингвистической оценке эвфемизмов, поскольку в опросе принимали участие врачи поликлиник и медицинских центров, младший медицинский персонал домов престарелых, пансионатов для пожилых людей с деменцией и хосписов; ответы каждого информанта содержат не только личный, но и профессиональный опыт.

Отбор эвфемизмов, предложенных участникам экспериментов, является результатом итоговой оценки (summative assessment) накопленного нами материала. Коротко обозначим основные вехи работы и методологию.

Ход исследования

На начальном этапе был проведён анализ эвфемизмов по лексикографическим источникам: словарям английского, узбекского и русского языков, лексикографическим материалам толковых и неспециализированных переводных словарей, также уточнялись словарные дефиниции и квалификационные пометы, для чего использовались фразеологические и этимологические словари (полный список словарей отражён в Библиографии). В результате обработки материала было выделено **1029** эвфемизмов для единицы «умирать» в трёх языках, **224** эвфемистических замен для лексемы «толстый» и **315** эвфемизмов для единицы «старый».

На втором этапе исследования эвфемистические замены были подвергнуты анализу с точки зрения актуальности и частотности на основе верификации их употребления в языке СМИ и литературных произведениях, вышедших в свет за последние 25 лет. Как показала выборка эвфемистических слов и выражений из газетной и телевизионной публицистики, а также современной художественной прозы, в трёх сопоставляемых языках активно используются **560** замен для единицы «умирать», **154** и **178** эвфемизмов для лексем «толстый» и «старый» соответственно.

Для третьего этапа исследования нами были отобраны актуальные замены с учётом синонимичных вариантов с последующим распределением согласно параметрам, выведенными в Главе 1 (глорификация, токсичность, нейтральность). Представителям каждой лингвокультуры предлагалось неодинаковое количество замен вследствие результатов выборки 1 и 2 этапов, а также ввиду разницы условий проведения экспериментов (устные интервью с американскими коммуникантами проводились онлайн; опрос русских и узбекских информантов проводился при личных беседах). При проведении этнографических интервью мы не ограничивали

респондентов в выборе замен; информанты называли в среднем 5-7 вариантов.

Другим условием, определившим достоверность выводов экспериментов, стал вопрос о нежелательности и предпочтительности использования тех или иных единиц с точки зрения принятых норм вежливости и личного выбора коммуникантов. Также предлагалось использовать прямые номинации, если, по мнению респондентов, они считали это уместным. На основании полученных результатов эвфемизмы распределялись по соответствующим группам.

Заключительный этап исследования представляет собой обобщение результатов анализа, с выведением типичных, частотных и актуальных замен, распределяемых по эколингвистическим параметрам. По результатам работы для удобства восприятия были сделаны соответствующие рисунки (см. ниже).

Вторая часть Главы 3 содержит коммуникативные правила эффективного общения сквозь призму эколингвистической оценки. Такие рекомендации являются результатом анализа лингвоэкологических традиций с позиций пяти сущностей языка по методу А.В. Пузырёва [Эмотивная лингвоэкология... 2013: 77-89].

Наряду с субстратным методом, применённым нами также и во второй части исследования (см. раздел 3.2.), использовались: сплошная и целевая выборка, количественная и качественная классификации, интегративная методика контекстуального, социолингвистического, лингвокультурологического и эколингвистического анализов. Ввиду большого объёма полученного материала применялся качественный контент-анализ по Мейрингу (см.: [Mayring 1994]), что позволило резюмировать содержание экспериментов и проследить взаимодействие между теоретическими выводами и эмпирическим материалом.

3.1. Личные эвфемизмы в параметрах экологичности/неэкологичности общения

Выведенные параметры экологичности общения тесно связаны со степенью табуированности тех или иных языковых единиц в определённом обществе. В основе табуизации лежит сложная система мировидения, включающая аксиологический, этно- и социокультурный компоненты, особенности категорий толерантности и вежливости, что было описано нами выше (см. Главу 1). Эвфемизация табуированных единиц демонстрирует истинное отношение этноса к тому или иному явлению, что, в свою очередь, является определяющим фактором для лингвоэкологической оценки.

Для сопоставительного анализа были выбраны ментальные репрезентации смерти, полноты и старости как базовые элементы жизненного цикла человека. Выбор данных концептов обусловлен высокой степенью ориентированности на культурные нормы и, как следствие, – частотностью эвфемизации. Другие концепты (например, «болезнь», «бедность» и т.д.) не были включены в исследование по нескольким причинам. В англо-американской лингвокультуре многие наименования болезней не подлежат эвфемизации и не обладают выраженной метафорической нагрузкой. В узбекской и русской лингвокультурах, напротив, существует табуизация этих тем, однако эвфемизация имеет фрагментарный и контекстуально обусловленный характер. С другой стороны, бедность в узбекской и русской традициях часто воспринимается как социальная реальность, не требующая эвфемистического смягчения, тогда как в англосаксонских культурах данный концепт подлежит определенной табуизации. Указанная неоднородность в репрезентации затрудняет корректное сопоставление в ракурсе эколлингвистики, вследствие чего данные концепты были исключены на начальном этапе исследования. Устойчивый характер эвфемизации табуированных единиц в сопоставляемых лингвокультурах послужил ключевым критерием для их отбора и последующего сопоставительного анализа.

Рассмотрим источники табуизации исследуемых номинаций сквозь призму экологичности, а также приведём результаты практической части исследования.

3.1.1. Номинации смерти в сопоставляемых лингвокультурах

Концепт «смерть» среди народов любой культуры обладает параметром универсальности, поскольку все люди смертны. Наряду с принятием неизбежного конца существуют по меньшей мере две точки зрения, касающиеся отношения к смерти. Для одного типа людей, смерть представляет собой виртуальную сущность, которую индивид воспринимает иллюзорно, предпочитая «жить здесь и сейчас», повышая уровень потребления и внося свой вклад на благо общества. Именно социум является мерилom качества жизни человека, он выносит свои оценки, диктует правила жизни и предъявляет требования [Багандов 2009: 266]. С другой стороны, человек, исповедующий единобожие, причём необязательно в религиозном смысле, представляет смерть как вершину своей жизни. Борьба человеческого духа со злом, соблюдение универсальных заповедей человечества, служение людям и многие другие параметры составляют матрицу смысла бытия. «Монотеизм выступает как бы гарантом освобождения от страха перед смертью, выявляя ее возможный истинный смысл» [Там же]. Данный аспект представляется важным при рассмотрении параметра экологичности номинации «умирать» в сопоставляемых лингвокультурах, поскольку, на наш взгляд, существует прямая корреляция между монотеизмом и особенностями эвфемизации: те индивидуумы, для которых смерть не является концом, используют группы замен, объединенных идеей перехода в другой мир, соединения с Творцом и т.п.

Согласно К. Аллану и К. Бёрридж, источники табуизации смерти обусловлены пятью видами страха:

- страх потери любимых;
- страх разложения и распада тела;
- страх смерти как конца жизни (т.е. отсутствие веры в загробный мир);
- страх злых духов или духов умерших людей;
- страх бессмысленной смерти [Allan & Burridge 1991: 153, 159].

Иными словами, нерелигиозную часть общества тревожит идея конечности жизни. Человек, который не властен над своей смертью, табуирует её, заменяя эвфемизмами.

Важно учесть, что развитие технического прогресса сильно повлияло на степень табуизации смерти во всех культурах: популяризация определённых компьютерных игр обусловило приобретение так называемого «опыта смерти». Во многих лингвокультурах концепт «смерть» подвергся качественной трансформации [Лопатинская 2018]. Приобретая черты иллюзорности, объём данного концепта размывается в сознании, границы виртуального и реального миров стираются.

В англосаксонской культуре восприятие смерти и связанных с ней явлений изначально было основано на комплексе религиозных представлений, причём часть созданных лингвокультурных образов, по В.И. Жельвису, имеют «циничный и насмешливый характер», что является отражением рационализма, практичности и педантизма протестантского мышления [Жельвис 2013:180]. Постепенное сокращение роли религии в англосаксонской культуре приводит к утрате части эвфемизмов, связанных с религиозными представлениями, а также к ритуализованности употребления замен с постепенной утратой первоначальных смыслов.

Примечательно, что лексемы *to die*, *dead*, *to kill* входят в первую тысячу самых употребительных слов современного английского языка [Порохницкая 2004: 66]. Тем не менее, говорить о нейтральности единицы «to die» преждевременно; обилие замен

в словарях, современной публицистике и литературе является надёжным показателем табуированности. Достаточно вспомнить повсеместное употребление аббревиатуры RIP (rest in peace) в устной и письменной коммуникации, сети интернет и т.д. «Соответствующие обозначения смерти и всего, с нею связанного, остаются в языке, религиозные представления протестантов далеко не изжиты» [Жельвис 2013:176]. В научной работе Л.В. Порохницкой представлен концептуальный анализ замен тематической группы «смерть», в результате чего исследовательница выводит ряд концептуальных оснований, за которыми стоит религиозное видение смерти: *Death is Departure, Death is Coming Home, Death is Having a Rest, Death is Reward* [Порохницкая 2004: 181].

Особенности аксиологического параметра англосаксонской культуры (см. раздел 1.2.), а также выведенные особенности лингвоэкологических традиций (см. раздел 1.5.) позволяют предположить, что насмешка и цинизм, формирующие целый пласт эвфемизмов в данном поле, являются попыткой сохранения лица, проявлением традиционной эмоциональной сдержанности, желанием нивелировать неловкие ситуации общения. В качестве иллюстрации приведём выражение *off the voting list* – проявление мрачного, «чёрного» юмора характерно для англосаксонской коммуникации. В связи с этим выводом справедливо было бы высказать предположение о недопустимости драматизма в объективации замен с семантикой смерти. Излишние острота и напряжённость такого рода эвфемизмов стали бы противоположной крайностью, противоречащей эколингвистической парадигме.

Обратимся к экспериментальному опыту изучения данных эвфемизмов.

Как показал анализ материала, **в английском языке** номинации с семантикой смерти имеют наибольшее количество замен по сравнению с остальными эвфемизмами, что обусловлено, на наш взгляд, социально-историческими и этнокультурными причинами, где этноспецифичность категории политкорректности играет не последнюю роль. Высокий автоматизм речи, иллюзорность восприятия смерти в связи с популяризацией компьютерных игр, рационализм протестантского

мышления, а также право на самовыражение обусловили тенденцию к резкому снижению эвфемизации единицы «умирать» в повседневной речи. Анализ материала подтверждает широкую распространённость лексем *to die, death, dead* в англосаксонской культуре, а также взаимосвязь эвфемии с политкорректностью и спецификой категории вежливости.

В качестве иллюстрации приведём высказывания Д. Трампа в ходе президентских дебатов Байден-Трамп в июне 2024 года:

➤ *Remember, more people **died** under his administration. Even though we had largely fixed it, more people **died**.*

➤ *We were right in the middle of it. Something, which a lot people don't like to talk about but he had far more people **dying** in his administration [URL: www.cnn.com (дата обращения: 22.07.2024)].*

Симптоматично замечание о том, что многие люди «не любят говорить о смерти». Это указывает на корреляцию эвфемии со стратегиями вежливости, которые приняты в социуме, но никаким образом не выявляет связь с чувством страха и тревоги в отношении конечности жизни. Как показали наши данные, около трети респондентов не используют эвфемистические замены для единицы «умирать»: **28%** предпочитают употреблять единицы *to die, death*.

Приведём примеры из интервью:

➤ *Sometimes it's hard to choose the right word for the family I should talk to. Once I said: "He's gone," and they didn't get it. They were like: "Gone? Where?"*

➤ *I swing between 'passed' and 'dead' because I think there's nothing wrong with the word. 'Dead,' I mean. However, 'passed' or 'passed away' are the words we use most frequently here, in the nursing home.*

➤ *I've been amazed that lots of people find the word 'die' so harsh. They say 'passed away' is better. Really? Do you really think it softens the impact of death?*

➤ *It's kinda funny for me. I'm not scared of the word 'died' but I get it. Many people think it's offensive.*

➤ *It's just a polite way to say that someone died.*

Обратим внимание на последний из приведённых примеров: по мнению респондента, использование эвфемизмов является не более чем вежливым способом сообщить о смерти.

Итак, основной мотив для эвфемизации этой лексемы лежит в стремлении говорящего соблюсти правила вежливой коммуникации, чтобы тем самым не нанести психологический вред Другому. Этот вывод подтверждается данными обширного исследования, проведённого австралийскими учёными, получившими более 400 одинаковых комментариев от респондентов, не желавших обидеть людей (“*not wanting to upset people*”) [Rawlings et al. 2017].

Наиболее распространёнными эвфемизмами в нашем материале составляют замены, объединённые темой ухода, прихода (или перехода) в иной мир, например:

- *to go away, to go off, to go up, go over, to go to the next world;*
- *to be gone, to be no longer here;*
- *to pass away, to pass off the earth, to pass on, to pass out, to pass into the next world;*
- *to cross the other side of the rainbow.*

Перечисленные выше эвфемистические замены использовали **92%** респондентов.

Как видно из примеров, самыми актуальными эвфемизмами по-прежнему остаются замены, источником которых являются религиозные представления о смерти. Вместе с тем, как показал анализ материала, первоначальный смысл эвфемизмов постепенно размывается, религиозный компонент заменяется мифологическим: выражение *to cross the other side of the rainbow* вытеснило изначальное *to cross the river Jordan* (в нашем материале ни один из информантов не использовал данный эвфемизм, тогда как *to cross the other side of the rainbow* было использовано **12** раз). Примечательно, что этот эвфемизм-фразеологизм долгое время применялся в контексте смерти домашних животных, однако теперь используется и

по отношению к людям, причём нередко – с усечением формы (*to cross the other side*), т.е. собеседнику предоставляется возможность закончить или додумать высказывание в соответствии со своими представлениями о загробной жизни.

Самым частотным эвфемизмом стал фразовый глагол *to pass away* (его назвали **100%** респондентов), а также различные сочетания с тем же глаголом.

На втором месте по частотности стоит группа эвфемизмов, выражающих идею потери:

- *to lose; loss; to be not with us anymore.*

Эти эвфемизмы назвали **87%** информантов. Примечательно, что 2 респондента использовали выражение *Her life was taken away by the Lord*, что может также быть зачислено в данную группу. Укажем на выявленную нами корреляцию между использованием эвфемизмов с религиозными компонентами и местом работы информантов: 30% опрошенных работают в домах престарелых, находящихся под патронажем католической церкви (большинство резидентов таких учреждений – католики). Симптоматично, что эта группа респондентов отмечала связь окружающей обстановки с выбором определённых языковых средств:

- *I feel I should say 'He's gone to Heaven' as the most appropriate and respectful way of reporting of death.*
- *I see death almost every day but people are very sensitive. Most of our residents believe that the Lord is waiting for them there. I just try to be polite.*
- *'He died' is the worst way of saying to the griever.*

Данные примеры демонстрируют этноспецифику функционирования категории вежливости в англосаксонской культуре (см. раздел 1.3.). Ориентируясь на требования социума и культуры, люди подчиняются правилам коммуникации независимо от собственного отношения к обсуждаемой теме. Как видно из материала, лингвоэкологический идеал формируется на основе триединства *человек-социум-природа*, проявляясь в языке, о чём говорилось выше (см. раздел 1.1.).

В третью группу эвфемизмов вошли замены, выражающие смерть как сон и

покой (67%):

- *to sleep (peacefully), to fall asleep, to be asleep;*
- *to be at rest, to rest (in peace), to be at rest with one's predecessors, to come to one's resting place.*

В четвёртую группу мы выделили эвфемизмы, объединённые концептуализацией смерти как начала новой жизни (45%):

- *to be in a better place, to be in heaven, to be with the Lord, to be with angels.*

Отметим, что в наших интервью вопрос о принадлежности к религиозным конфессиям не задавался ввиду табуизации этой темы в англосаксонской культуре. Однако, по нашему предположению, данные эвфемизмы называли респонденты, которые верят в то, что жизнь не заканчивается смертью, причём их религиозность не является обязательным компонентом мировоззрения.

Наконец, говоря о нежелательных эвфемизмах, на основе материала нам удалось составить блок эвфемистических слов, содержащих насмешку и циничный юмор, а также излишний драматизм (23%). Для удобства в выявлении различий мы разбили эвфемизмы на две группы:

- Группа 1: *to push up daises, to kick the bucket, to count daises, to be kaput, to be six feet under;*
- Группа 2: *to take one's final bow, to take one's last call (final curtain call), to go on one's last journey / voyage.*

Интересно отметить, что первую группу эвфемистических номинаций респонденты называли *слишком жёсткими*, однако признавали возможность их использования в зависимости от контекста.

➤ *It's totally fine to say: 'I'm gonna do it before I kick the bucket.' I use it talking about myself.*

➤ *It's harsh, I would say. But I swear, I heard them all – 'counting daises' and 'six feet under' ... you name it. A lot of things can be heard in a pub on Friday night.*

Номинации второй группы были определены как излишне драматичные,

комичные, напыщенные/неестественные и чересчур эмоциональные (*overdramatic, comic, theatrical, too emotional*).

Выявленный нами драматизм как нежелательное проявление в речевом поведении в англосаксонской культуре, является важнейшим результатом проведённого эксперимента. Это доказывает релевантность наших выводов относительно специфики англосаксонских лингвоэкологических традиций, которые проявляются на всех уровнях сущности языка (см. разделы 1.5. и 2.1.). Рассмотренные характеристики англосаксонской коммуникации полностью подтвердились по результатам эксперимента: драматизм как публичное и чрезмерное проявление эмоций вызывает психологический дискомфорт у адресата и, следовательно, должен быть полностью исключён из речевого взаимодействия. Данный феномен рассматривается как отклонение от нормы лингвоэкологичной коммуникации и был квалифицирован в рамках исследования как разновидность токсичных эвфемизмов. Он отражает культурную установку на эмоциональную сдержанность, прагматизм и приоритет психологического комфорта Другого, что формирует особую стратегию смягчения в англосаксонской традиции — через рационализацию, обход и минимизацию экспрессивности.

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 3.

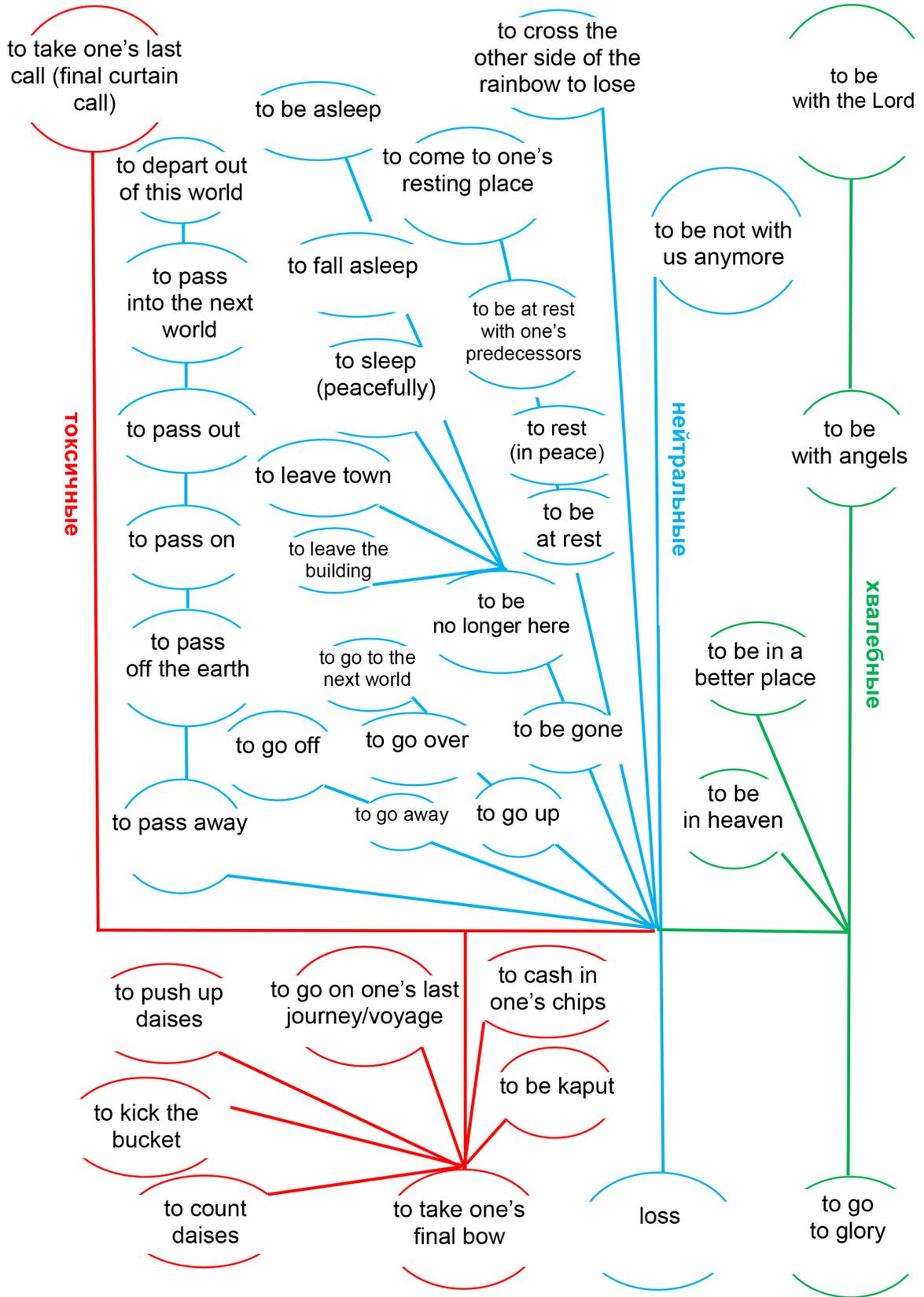

Рисунок 3. Эвфемизмы для прямой номинации «to die».

В узбекской лингвокультуре смерть воспринимается как начало новой жизни, достижение вечного удовольствия и счастья [Арзуманян 2003; Изанлу, Голами 2012]. Факт повсеместной исламизации в узбекском социуме диктует однозначное отношение к смерти – возвращение к обещанной вечной жизни, Судный день, ад и рай с последующим воскрешением достойных. Эта тема является краеугольным камнем ислама и закреплена в Коране, Сунне, тафсирах и многочисленных трудах исламских богословов. «Доктрина предопределения настраивает мусульман на покорное принятие судьбы и смерти, а также неукоснительное соблюдение законов и правил поведения, заповеданных Аллахом и его посланником» [Рыкова 2018: 127]. Такое восприятие смерти ведёт к особому отношению к жизни – как к конечной точке, цель которой – смерть в виде награды, счастья, обретения благодати. Неизбежность смерти ведёт к смирению, что отражается в узбекской картине мира, а значит и в языке. Формирование особого фонда эвфемистических замен обусловлено монотеизмом узбекского этноса, что обуславливает особый вектор экологичности относительно рассматриваемой единицы. Многообразие нейтральных и хвалебных замен и отсутствие токсичных эвфемизмов, что будет продемонстрировано ниже, легко объясняется гомогенным отношением к смерти среди представителей узбекской лингвокультуры. Табуизация смерти связана с необходимостью достойного прославления умершего и, как следствие, вербализуется в виде большого количества поэтических и образных замен.

В узбекском материале нами было проанализировано **379** эвфемизмов, что, в свою очередь, явилось результатом первого этапа работы с Кратким эвфемистическим словарём узбекского языка (Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати – *далее* ЎТҚЭЛ) [ЎТҚЭЛ 2006], содержащего **659** эвфемистических замен номинативного поля *ўлмоқ / умирать*. Выделенные эвфемизмы подверглись оценке с точки зрения своей актуальности и частотности в опросе информантов; по результатам анализа этнографических интервью данные единицы были подвергнуты эколингвистической оценке по выведенным параметрам (см. раздел 1.5.1.).

Первую группу наиболее частотных и актуальных эфемизмов составляют единицы с идеей возвращения к Богу, обретения вечной жизни (96%):

- *Худо омонатини олди* / Бог забрал к себе; *Худо раҳмат қилди* / Бог принял; *Раҳматуллоҳга уланмоқ* / присоединиться к Аллаху; *Аллоҳ ҳузурига (даргоҳига) бормоқ* / отправиться в обитель Аллаха; *омонатини топширмоқ* / исполнить последний долг перед Богом.
- *Дунёи фонийдан дунёи бақога рихлат қилмоқ* / покинуть мир тленный и уйти в мир вечный; *боқий дунёга кетмоқ* / уйти в вечный мир; *ёлгон дунё мушкулларидан қутулмоқ* / освободиться от трудностей бренного мира; *дунёдан кетмоқ* / покинуть мир; *боқий дунёга кетмоқ* / уйти в вечный мир; *абадий фароғатга эришмоқ* / достичь вечного наслаждения; *жони жаннатга кетди* / душа отправилась в рай; *бандаликни бажо келтирди* / окончил свой земной путь; *ҳақиқий ҳаётга йўл олмоқ* / отправиться в <свой> истинный путь; *Мусулмончилик қилмоқ* / принять ислам; *Хур бўлмоқ* / освободиться.

Как видно из примеров, отношение к смерти в узбекском мировоззрении имеет устойчивые черты и однородный характер. Смерть как обещанная вечная жизнь трактуется однозначно и не требует дополнительных комментариев. Приведём также примеры из медиадискурса и интервью с респондентами:

➤ *У фоний дунё галваларидан боқий дунёга борганида қутилди* / Он освободился от бед мира смертных, когда **ушел в мир вечный** [URL: www.kun.uz (дата обращения: 08.08.2024)].

➤ *Барчаси кўниб ҳақиқий ҳаётга йўл олди* / Позабыв обо всём, **он отправился в <свой> истинный путь** [URL: www.uz.uz (дата обращения: 12.08.2023)].

➤ *Анвар Шомақсудов яхши ва тоза одам эди, улуғ устоз эди. Яратган Эгам у кишининг ётган жойларини нурга тўлдириб, шоҳистаи жаннат ато этган бўлсин, илоҳим...* / Анвар Шомақсудов был хорошим и порядочным человеком, великим учителем. Да наполнит Создатель его место покоя светом и дарует ему **райские**

обители, Дай Бог... [URL: dunyouzbeklari.com (дата обращения: 08.08.2024)].

➤ Мы произносим слова *Инна лиллахи ва инна иллайхи рожиъун*, потому что мы принадлежим Аллаху и вернёмся к Нему. Говорят, что это признание того, что Аллах Всемогущ, и что Он не испытывает Своих рабов сверх их выносливости.

➤ Слова подбираются исходя из того, насколько человек был тронут присутствием Аллаха.

➤ Я обычно использую слово «*Оллох рахматига олсин*» (да помилует его Аллах), когда говорю, что кто-то умер. Это слово часто используется среди людей.

➤ *Дунёдан ўтди, Оллоҳнинг раҳматига кетди, Оллоҳнинг иноятига кетди, Илоҳийга йўл олди*. Бу иборалар кишига нисбатан ҳурмат ва эҳтиром кўрсатиши учун ишлатилади / Ушел из этого мира, Отправился в милость Аллаха, пошел на благодать Божию, направился к Всевышнему. Эти выражения используются, чтобы показать уважение и почтение к человеку.

Отметим, что в узбекской лингвокультуре выбор определённых эвфемизмов диктуется выражением почтения к человеку.

Наибольший интерес представляют единицы *Мусулмончилик қилмоқ* / принять ислам, *ҳақиқий ҳаётга йўл олмоқ* / отправиться в <свой> истинный путь и *Хур бўлмоқ* / статья свободным, поскольку их яркое этноспецифическое содержание несколько шире обозначенной выше идеи: восхождение к Богу понимается как истинное и окончательное принятие ислама, освобождение от скорбей и нужд. В связи с этим укажем на существование особого эвфемизма, используемого для обозначения скорой смерти – *хуфтонгача қолмайдиган кўринади* / похоже, не останется до хуфтон. Хуфтон – время вечернего намаза – наступает с заходом солнца, т.е. наступлением темноты.

Эрталаб жуда ёмон аҳволга тушиди: уйнинг у бошидан бу бошигача «дод» деб юмалайди. У хуфтонгача қолмайдиган кўринарди / Утром он оказался в очень плохом состоянии: от одного конца дома до другого он скитался, крича «от боли». Похоже, он не останется до хуфтон [Қаҳҳор 1988 : 259].

Данный пример является ключом к пониманию концепта «смерть» в узбекском мировоззрении. Охват когнитивной базы имеет однородную структуру, фундаментом которой является ислам; другие концептуальные компоненты играют вспомогательную, хотя и важную, роль. Отметим также тесную связь концептов «судьба», «счастье» и «смерть» в аксиологическом аспекте, поскольку это даёт ключ к пониманию монотеистического взгляда на уход из жизни в узбекской культуре:

- *ўлим – олий масъудлик* / смерть есть высшая благодать; *масъудлик онини – ўлим саодати* / момент счастья – блаженство смерти; *ўлим – бу дунёнинг энг улуг мукофоти* / смерть – высшая награда в мире; *тақдирдан қочиб қутула олмайслиқ* / от судьбы не убежать; *тақдирда бор экан* / предначертано судьбой; *тақдирда йозилган бўлмоқ* / <суждено> случиться тому, что начертано судьбой.

Как отмечалось, поэтические и образные замены играют немаловажную роль в эфвемизации смерти; прославление умерших вызывает понятные узбекскому этносу ассоциации в виде совокупности чувственных и рациональных элементов:

- *Одам насли азал абад ўлимдан қўрқар,
Нечун, нечун? Ахир ўлим олий масъудлик,
Бор вужуднинг, жону руҳнинг осудалиги,
Аммо бу бахт мендан доим юзини бурди*
Род человеческий издавна и навсегда боится смерти,
Почему, почему? **Ведь смерть – высшая благодать,**
Покой для всего сущего, для души и духа.

Однако это счастье всегда отворачивалось от меня [Воҳидов 2015: 180-181].

Вторая группа содержит эфвемизмы, подчёркивающие трагическую сущность смерти и объективирует идею самопожертвования (82% – напомним, что информанты могли выбирать неограниченное количество глаголов из предложенного списка, поэтому общее число единиц превышает 100%).

- *қурбон бўлмоқ* / погибнуть; *халоқ булмоқ* / стать жертвой; *нобуд бўлмоқ* / погибнуть; *жон бермоқ* / отдать жизнь.

Эвфемизм *қурбон бўлмоқ* / погибнуть является самым частотным, его назвали **100%** информантов, на втором месте по распространённости оказалась единица *худо омонатини олди* / Бог забрал к себе (**96%**). Таким образом, несмотря на наше справедливое предположение о взаимосвязи гомогенного отношения к смерти и её языковой объективации (см. стр. 123; 132), восприятие смерти как трагедии является важным дополнением к описанным выше особенностям.

➤ *Рекордлар соҳиби кениялик марафончи автоҳалокат қурбони бўлди* / Рекордсмен Кенийского марафона **погиб** в автокатастрофе [URL: www.kun.uz (дата обращения: 18.08.2024)].

В следующую по частотности группу мы отбираем единицы, концептуализирующие смерть как **конец и прощание с жизнью (61%)**:

- *вафот этмоқ* / скончаться; *қазо қилмоқ* / скончаться; *хазон қилмоқ* / скончаться; *оламдан ўтмоқ (кетмоқ)* / уйти из жизни; *бандачилик (бандалик) қилмоқ* / попрощаться с жизнью; *ҳаёт билан видолашмоқ* / попрощаться с жизнью; *ҳаётдан кўз юмоқ* / покинуть этот мир; *бандачилик қилмоқ* / попрощаться с жизнью; *кўз юммоқ* / закрыть глаза; *ўтмоқ* / покинуть; *айрилмоқ* / расставаться; *ажралиб қолмоқ* / разлучаться; *тамом бўлди* / всё кончено; *раҳматли бўлди, марҳум(а) бўлди* / скончался, ушёл из жизни; *келмас бўлди, келмас бўлиб кетди* / ушёл навсегда, отправился туда, откуда не возвращаются; *қайтмас йўлга кетди* / отправился в безвозвратный путь; *ташлаб кетди* / покинул нас.

Большой интерес в эколингвистическом аспекте вызывает дифференциация употребления эвфемизмов в зависимости от возрастных, статусных и половых характеристик.

Так, существуют эвфемизмы, применяемые к людям, не имеющим особого статуса в социуме:

- *бандачилик қилмоқ* / попрощаться с жизнью; *бўлмабди, вафот этмоқ* / не стало, скончаться; *дунёдан кетмоқ* / покинуть этот мир; *Худо омонатини олди* / Бог забрал к себе.

Приведём примеры:

➤ *Фаргонада газ «заправка»даги жанжал оқибатида бир йигит вафот этди* / В Фергане скончался молодой человек в результате спора на газовой заправке [URL: www.gazeta.uz (дата обращения 18.08.2024)].

➤ *Бир кечаси амаким ... хўрсиниб, ҳамма кутиб турган гапни айтди: “Худо омонатини олди”* / Однажды ночью мой дядя... улыбнулся и сказал то, чего все ждали: «Бог забрал к себе» [Қаҳҳор 1988: 196].

➤ *Қулмат бобонинг кампири Норой хола бандачилик қилди* / Жена дедушки Кулмата, тётушка Норой, попрощалась с жизнью [URL: www.muzaffar.uz (дата обращения: 18.08.2024)].

➤ *Янги йилни илк кунда 33 ёшли маст ҳайдовчи бу дунёни тарк этди* / В первый день нового года тридцатитрёхлетний пьяный водитель покинул этот мир [URL: www.namanganliklar.uz (дата обращения: 01.04.2024)].

Назовём эвфемизмы, применяемые к индивидуумам, имеющим особое положение и статус в обществе:

- *доҳили раҳмат бўлмоқ* / обрести милость Аллаха; *оламдан ўтмоқ* / уйти из жизни; *олами фонийдин, олами бақога интиқол қилмоқ* / перейти из бренного мира в вечный мир; *Раҳматуллоҳга уланмоқ* / присоединиться к Аллаху; *риҳлат қилмоқ* / отправиться в путь.

➤ *Ўзининг ўнлаб китоблари, минглаб фатволари, кўплаб позициялари бўлган уйгоқ дин хизматчиси бу дунёдан рихлат қилди* / Просвещенный религиозный служитель, написавший десятки книг, тысячу фетв и занимавший различные должности, отправился в путь [URL: www.xabar.uz (дата обращения: 27.08.2024)].

Существует также эвфемизмы, используемые по отношению к детям и молодёжи:

- *гул тергани кетмоқ* / уйти собирать цветы (подчёркивается ранний уход, подобно сорванным цветам); *хур кетмоқ* / уйти свободным; *хур бўлмоқ* / стать свободным; *нобуд бўлмоқ* / погибнуть.

➤ *Кушнимизининг чақалоги хур бўлибди* / У соседей ребенок стал свободным [URL: www.xabar.uz (дата обращения: 27.08.2024)].

Приведём примеры эвфемизмов, номинирующие смерть женщин:

- *хазон қилмоқ* / опасть, как осенние листья; *гул сўлган* / завял цветок; *қиз кетди* / ушла девушка; *ҳаёт билан видолашмоқ* / проститься с жизнью; *ҳаётдан кўз юмоқ* / покинуть этот мир.

➤ *Сарвигулнинг соясида сўлди гул нетмоқ керак?* / В тени Сарвигул увял цветок, что поделаешь?) [URL: www.yuz.uz (дата обращения: 01.09.2024)].

Этот пример имеет давнюю этимологическую традицию, со времён величайшего узбекского поэта А. Навои, который сообщил эмиру о смерти своей любимой жены таким способом. С тех пор единица *сўлди* активно используется в контексте смерти представительниц женского пола:

➤ *Шеърятнинг гулшанида сўлди маҳзум Нодира* / Нодира увяла в расцвете поэтического творчества [Воҳидов 2015 : 12].

Вопрос о нежелательных заменах с семантикой смерти в узбекской лингвокультуре остаётся открытым, поскольку ни один из респондентов не назвал ни одного слова с отрицательной коннотацией. Этот факт отражает этноспецифическую сущность эколлингвистики как в языке, так и в социуме и культуре.

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 4.

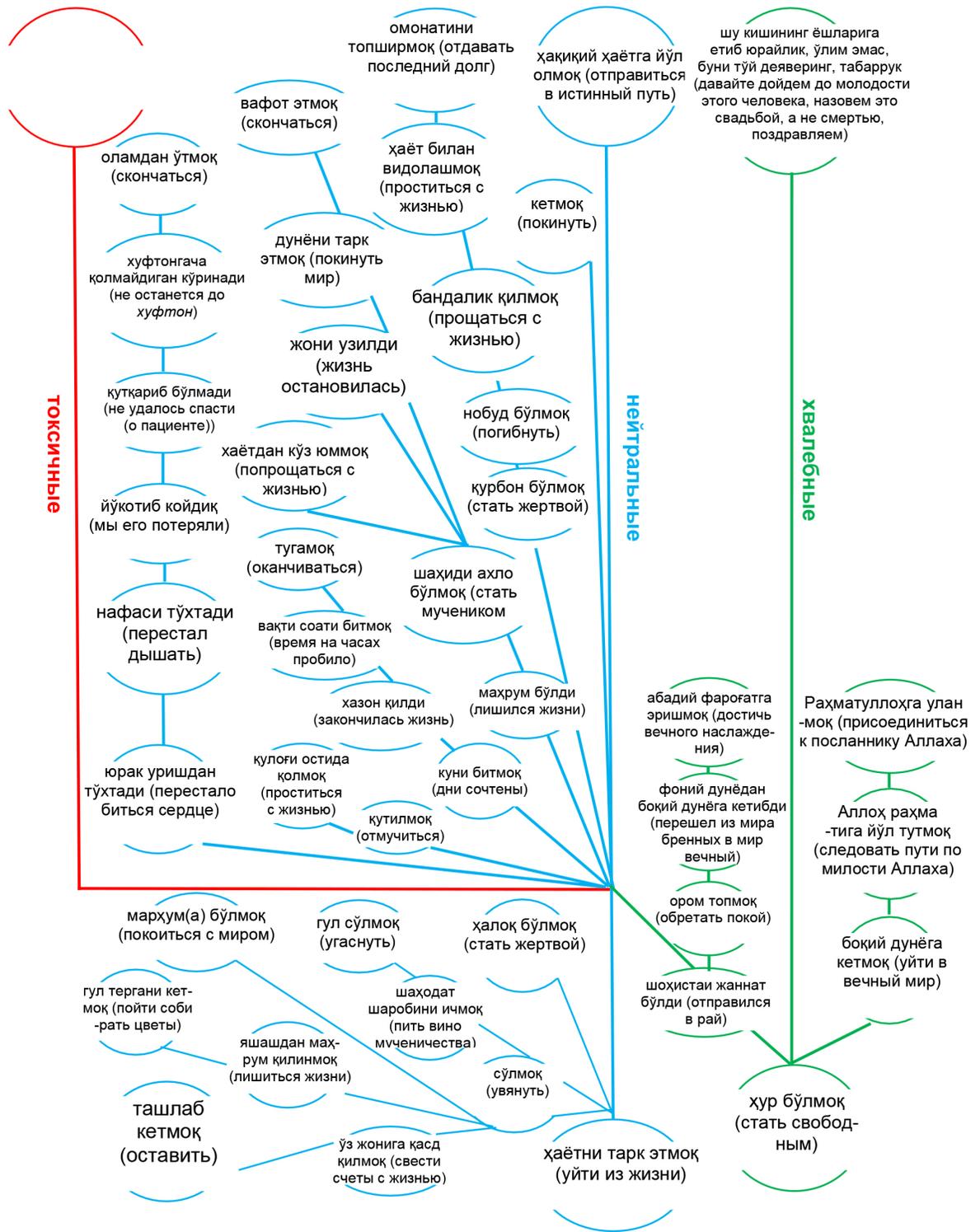

Рисунок 4. Эвфемизмы для прямой номинации «ўлмоқ» / умерать.

В русской лингвокультуре отношение к смерти представляет собой сложный комплекс мифологизированных и религиозных представлений, сопряжённых с чувством страха и душевной боли. К универсальной мотивации использования эвфемизмов в русской лингвокультуре мы относим стремление оградить участников коммуникации от возможного психологического дискомфорта. Однако другие источники табуизации имеют яркую этноспецифику.

В отличие от англосаксонской культуры, насмешка и цинизм относительно смерти представляются крайне неуместными. В отличие от узбекской лингвокультуры, религиозные представления о смерти не имеют однородного характера; суеверия и предубеждения в русской картине мира играют не последнюю роль. В качестве примера приведём устойчивую тенденцию избегания слова «последний» в русской коммуникации. Изначально возникшее суеверие среди людей, чьи профессии связаны с риском для жизни (космонавты, лётчики, альпинисты, подводники), со временем приняло массовый характер в русской коммуникации: сочетания с заменой «крайний» (*крайний раз, крайняя поездка, крайняя операция*) противоречат лексическим нормам языка и вместе с этим демонстрируют наличие суеверного страха по отношению к смерти. Данный феномен относится к особенностям русского мировоззрения, которое можно назвать мифологическим. Фактически, устраняя из речи любую единицу с семантикой смерти, представитель русской лингвокультуры верит в возможность её отлагательства. Эту характеристику мы относим к уникальным аспектам восприятия смерти в русской картине мира.

Кроме того, поскольку представления о загробной жизни имеют не только религиозный, но и мистический компонент, немалую часть эвфемизмов представляют единицы, наделяющие смерть человеческими признаками и/или именами. Персонификацию смерти с антропоморфными признаками можно увидеть в следующих примерах: *косая, костлявая, безногая, с клюкой, старуха с косой, старик с косой, девушка с косой, она, женщина в белом, Кондрат, кондрашка, Ванька Ёлкин, Иван Соснович, Иван Гробович, Иван Могильников* (последние четыре номинации

относятся к фольклорным традициям Пермского края – см.: [Подюков 2018: 169]).

Хрестоматийный пример описания смерти как неподвластный и непостижимый человеку процесс мы находим в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»:

➤ *И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно. Но в то же время как он бессильно-неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны уже, надавливая, ломится в неё. **Что-то нечеловеческое** – смерть – ломится в дверь, и надо удержать её. (...) Ещё раз оно надавило оттуда. Последние, сверхестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло, и оно есть смерть (Л. Толстой «Война и мир»).*

Симптоматично также употребление диминутивов: *смертынька, смертушка, смерточка* – яркая характеристика русского языка и уникальная черта русской коммуникации. На наш взгляд, употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов является суеверным желанием изменить тональность высказывания в сторону смягчения, «задобрить» смерть и тем самым отложить время её прихода.

Как показал анализ русского материала, наиболее частотные эвфемизмы выражают идею отсутствия человека и реализуются в виде предикатива «нет» и разнообразных отрицательных предложений (87%):

- *его/её не стало; его/её больше нет (с нами); (его/её) нет в живых (среди живых); (мы его/её) не спасли; не удалось спасти; не выдержало сердце; не выдержать борьбы (с болезнью); не пережил(а); не смог(ла) пережить; не справился / не справилась.*

Примечательно употребление единицы «неживой» в медиадискурсе:

➤ *Наталья долго не выходила непосредственно на поиск, говорит, боялась найти пропавшего... **неживым** [URL: krasnodar-news.net (дата обращения: 26.08.2024)].*

В данном случае смягчение происходит за счёт использования антонима с префиксом «не», что также может рассматриваться в группе эвфемизмов,

реализующих категорию отрицания. Заметим, что по мнению Е.П. Сеничкиной, такие литотические замены обладают высокой продуктивностью в русском языке [Сеничкина 2012: 98], что может служить весомым аргументом относительно взаимосвязи между способами эвфемизации и разностью структур языков.

Приведём примеры из этнографических интервью:

➤ *Я говорю, что человека **не стало** или **его больше нет с нами**. Хотя иногда говорю «умер» тоже.*

➤ *Зависит от того, про кого я говорю. Если про кого-то из близких, то скорее всего, скажу: «**Его больше нет**» или «**Уже год, как нет его с нами**». На работе или где-то в официальной обстановке могу сказать «умер» или «скончался».*

➤ *Тема эта тяжелая, лучше всего сказать: «**Его больше нет в живых**».*

Самой частотной заменой является фраза «**его/её больше нет (с нами)**»; её назвали **85%** респондентов. Примечательно, что в русской лингвокультуре замены с семантикой смерти концептологически связаны с идеями спасения, испытания борьбы и выдержкой. *Ответственность за жизнь Другого и неминуемое чувство вины, если его не удалось спасти, борьба с болезнью как испытание, с которым надо справиться (выдержать)* – эти черты русской лингвокультуры составляют ядро этноспецифической сущности концепта «смерть».

Вторую и третью группу составляют эвфемизмы, выражающие идею ухода (перехода) и конца жизни (**67%** и **65%** соответственно). Поскольку в нашем материале использование таких единиц распределилось примерно на одном и том же уровне, целесообразно рассмотреть их вместе:

- *покинуть этот свет (нас, мир); улететь (от нас, на небо, на небеса); быть на небесах; уйти в иной (лучший) мир; уйти на тот свет (в лучший из миров, в мир иной); отправился (отправилась) туда, откуда не возвращаются; он(а) теперь там;*

- *скончаться.*

Отдельно выделим употребление местоимений в функции эвфемизмов как

характерную черту эвфемизации в русском языке. Указательное местоимение *тот* (*уйти на тот свет*) реализует тактику умолчания, когда и говорящему, и слушающему совершенно ясно, о чём идет речь; также замена содержит семантику дальнего расстояния. Определительное местоимение *иной* (*уйти в мир иной*) подчёркивает отсутствие сходств реального и потустороннего миров; до определённой степени оно выражает таинственность не прожитого человеком опыта. Указательное местоимённое наречие *там* замещает номинацию «потусторонний мир». Используемая тактика умолчания указывает на то, что прямая номинация была бы неуместна (в силу социальной табуизации), а также неприятна для говорящего и слушающего. По справедливому замечанию Е.П. Сеничкиной, это местоимение с семантикой потустороннего мира закреплено во фразеологизме «*все там будем*» [Сеничкина 2012: 81], которое, в свою очередь, может также обозначать загробный мир. Местоимённое наречие *туда* стало частью устойчивого сочетания «*туда, откуда не возвращаются*»; его прагматическая функция сходна с рассмотренными нами местоимениями. Большинство замен этой группы были расценены как возвышенные, что позволяет их определить как хвалебные.

Идея потери выражается в следующей группе эвфемистических замен:

- *Потерять (его, её, человека); понести (невосполнимую) утрату (потерю).*

Такие эвфемизмы использовала незначительная часть информантов (15%), и только 1% от общего числа участников опроса использовали слова, объединённые идеей самопожертвования и трагической сущности смерти: *погибнуть, отдать жизнь*. Эти данные указывают на дифференциацию употребления эвфемизмов в бытовом и иных дискурсах. Так, большой пласт замен, выделенных нами в медиадискурсе, ни разу не использовался участниками опроса:

- *окончить земное существование (свои дни, свою жизнь); встретить (свой) конец; перестало биться сердце; прервалась жизнь; угасла жизнь; расстаться с жизнью; попрощаться с жизнью;*

- *год забрал (унёс); пополнить скорбный список; уйти из жизни (от нас);*
- *погибнуть; стать жертвой; сделать ценой (своей) жизни; отдать свою жизнь.*

Как показал эксперимент, смерть как сон и покой объективируется в литературно-художественном дискурсе и редко используется в бытовом и публицистическом дискурсах. Такие единицы, как *заснуть вечным сном, упокоиться, закрыть глаза (навсегда, навеки)* и т.п. в нашем материале отсутствовали. Приведём примеры из художественной литературы:

➤ *И пока он бегал и распоряжался, в голове его звучали красивые, гордые слова: «усопший», «в Бозе почивший», «новопреставленный», и от этих слов, и от всего, что делалось кругом, чувствовал себя необыкновенно счастливым (Л. Андреев, «Призраки»).*

➤ *Но не тем холодным сном могилы / Я б желал навеки так заснуть (М. Лермонтов, «Выхожу один я на дорогу»).*

Также укажем на отсутствие фразеологического сращения *пришёл (настал) его/её последний час* в материалах опроса наряду с его частотным использованием в литературном дискурсе.

Весьма показательными являются замены *убраться* и *отмучиться*, представленные в нашем материале. Они составляют фонд уникальных эвфемизмов русской лингвокультуры:

➤ *Моя бабушка говорила: «Так рано убралась, 60 лет всего было». Помню, как меня поразила буквальность этого выражения: убрала себя...*

➤ *Мой отец долго болел, у него была онкология. Когда его не стало, лучшего слова, чем «отмучился» не подберёшь.*

➤ *Нехорошо так рассуждать, но когда моя мама отмучилась (она была прикована к постели в течение многих лет), отмучилась и я...*

Отметим, что данные единицы респонденты относят к токсичным.

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 5.

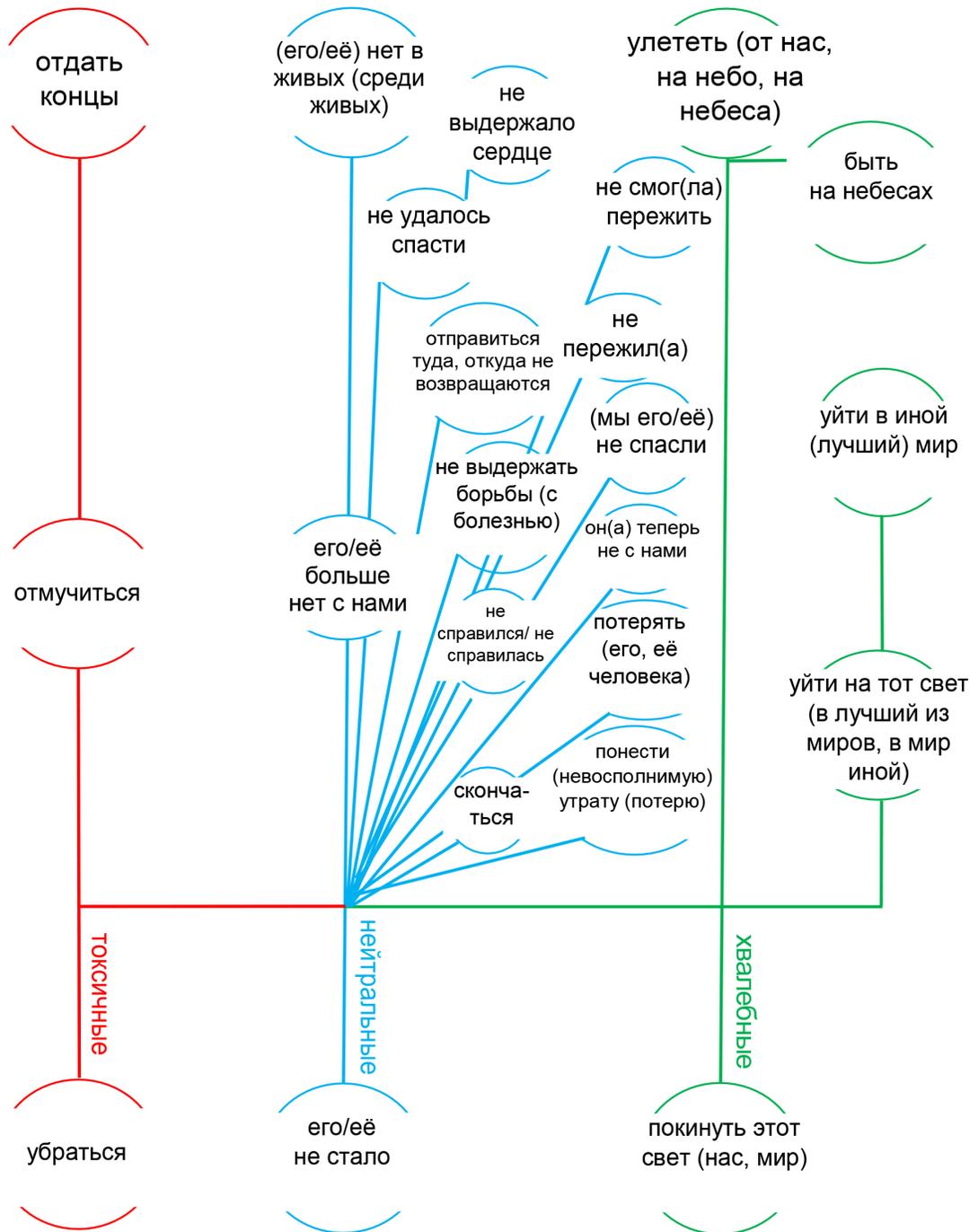

Рисунок 5. Эвфемизмы для прямой номинации «умереть».

3.1.2. Номинации полноты в сопоставляемых лингвокультурах

Отношение к полным людям обусловлено историческим и социально-экономическим этапами развития человечества; на протяжении многих столетий полноту связывали, в первую очередь, с достатком и богатством. Ещё относительно недавно, по окончании Второй мировой войны, во многих странах эталоном женской красоты считалась женщина, которой сегодня непременно указали бы на излишний вес большинство людей из её окружения – от врачей до членов семьи.

С шестидесятых годов прошлого века худоба стала новой моральной ценностью в **англосаксонской культуре**, навязываемый гламурный стандарт породил существование *idée fixe*, которую активно используют фармакологическая, медицинская, рекламная, развлекательная индустрии, а особенно индустрия моды. Согласно американской пословице, впервые появившейся в модном журнале «Харперс Базар» в 1963 году, никогда нельзя стать слишком богатым или слишком худым (*You can never be too rich or too thin*). Впоследствии в англоязычной коммуникации появились вариации данного высказывания, причём одно из них относилось исключительно к женщинам (*A woman can never be too thin or too rich*). До сих пор самым желанным комплиментом в американской культуре считается вопрос, являющийся, по сути, косвенным одобрением стройности своего визави (*Did you lose weight?*).

Стремление к излишней худобе породило возникновение опасных болезней из группы расстройства пищевого поведения – булимии, анорексии и компульсивного переедания. Осознание данной проблемы, а также традиционное стремление к проявлению индивидуальности в англосаксонской культуре, породили развитие течений, осуждающих неэкологичные *fat shaming* и *body shaming* в сторону *body positive*.

Наряду с причинами, описанными выше, считаем, что большую роль в табуизации единицы «толстый» сыграли борьба с сексизмом (вспомним анти-феминистический характер американской пословицы) и новое понимание политкорректности в англоязычном социуме: сегодня ни один человек не может подвергаться дискриминации по каким-либо признакам. Считается, что навязывание человеку представления об идеальном весе является ущемлением его личной свободы и права на самовыражение. Даже в медицинском дискурсе постепенно минимизируется использование тех единиц, которые могут нанести морально-психологический вред пациенту. Так, в исследовании Р. Пал приводится подробный анализ употребления замен вместо ряда единиц, номинирующих ожирение: лексемы *fat*, *obese* рекомендуется заменять различными словосочетаниями с единицами *weight*, *BMI* (индекс массы тела) [Puhl 2020].

Как сказал врач общей практики профессор М. Сонреал в нашем интервью, «политкорректность диктует использование нового языка даже в медицинском контексте: *fat patient* или *obese person* звучит обидно, жалобы пациентов и плохие отзывы о таком докторе гарантированы. Лично я предпочитаю использовать старый добрый подход Person first language, например: *a patient with obesity*, *a patient with high BMI*». Заметим, что такие же речевые формулы прошли свою апробацию и закрепились в английском языке применительно к людям с инвалидностью, о чём упоминалось в нашей работе.

Данные интервью подтверждаются масштабным исследованием Йельского университета: учёными было установлено, что определённые единицы (*fat*, *morbidly obese*, *chubby*) порождают стигматизацию, снижают мотивацию к похудению среди пациентов и ведут к отказу от повторных посещения тех врачей, кто использует в речи слова, приведённые выше [URL: www.yale.edu (дата обращения: 22.08.2024)]. Было установлено, что из десяти предложенных слов информанты выбрали *weight* и *unhealthy weight* как наиболее предпочтительный вариант [Там же].

Резюмируя анализ материалов на английском языке, можно сказать, что

сегодня полнота стала такой же личной и даже интимной темой, как секс и деньги. Многие респонденты заявили, что избегают номинаций полноты в коммуникации (72%). Причём, говоря о себе, они допускали возможность употребления токсичных единиц *fat* и *obese* (14% информантов), однако при описании другого человека использование данных слов не допускается:

➤ *I would wait and listen for how they describe themselves. After that I would use the word, they use.*

➤ *There is no easy answer. Heavy-set is what I use to sound polite.*

➤ *Steer clear of words “fat” and “obese.” I think that it is only doctors who can use them.*

➤ *It’s such a touchy topic! It’s an awful idea to refer anyone’s weight.*

Проблема ожирения во взаимосвязи с реализацией категории толерантности приобрела невиданный масштаб в США: Опра Уинфри, известный общественный деятель и телемагнат, в марте 2024 года выпустила ряд ток-шоу, посвящённых фэт-шеймингу и проблемам полных людей. Примечательно использование эвфемизмов телеведущей, ни разу не использовавшей слово *fat* и употреблявшей единицу *obese* исключительно в медицинском аспекте:

➤ *If you feel like **being in a bigger body** is great, <...> and you feel fine, that’s beautiful* [URL: www.shedefined.com (дата обращения: 22.08.2024)].

В публицистическом дискурсе единицу *fat* называют «грязным словом, безобразным и непристойным» [Braziel & LeBesco 2001]; «фэтфобия» определяется как типичная проблема англофонов [Levy-Navarro 2010]; движение бодипозитив объявляется борьбой за социальную справедливость [Gordon 2020]. Таким образом проблема номинации полноты в англосаксонской культуре стала шире эколингвистики и культуры, она приобрела высокую социальную значимость.

Наибольшую частотность имеет эвфемизм **bigger** (77%):

➤ *If I must describe a **bigger** person, I’d rather say what’s he’s wearing.*

➤ *You should absolutely not make any comments on someone’s body. I’m a **bigger***

gal but that's me describing myself.

➤ *Listen, it's like a mine field. Either **bigger** or **heavier** can be offensive. I've heard a man saying **high calorie human!***

Примечательно использование окказионализма *high calorie human* в нашем интервью – показатель неудовлетворённости социума в существующих заменах.

Как было показано, большое значение имеет ситуативный фактор – респонденты используют целый ряд эвфемизмов применительно к себе, но считают токсичным поведением употребление этих слов по отношению к другим людям. По нашим данным, единица *chubby* допустима только при обращении к ребёнку. Лексема *plump*, имеет положительную коннотацию, однако в повседневной коммуникации не используется; респонденты назвали её «книжным словом». Отметим также, что многие эвфемизмы, описанные в словарях и научной литературе ни разу не употреблялись в ходе интервью, например: *differently weighted, quantitatively challenged, of classic proportions, differently sized, generously built* и другие.

Симптоматичным фактом считаем отсутствие хвалебных эвфемизмов в материале и трансформацию нейтральных замен в токсичные (*heavy, heavier, stout, cubby* и пр.). Из этого следует вывод о высокой степени табуизации номинаций полноты, что обуславливает наличие высоких коммуникативных рисков в данном тематическом поле и, как следствие, делает тактику умолчания ведущим эколингвистическим принципом речевого взаимодействия.

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 6.

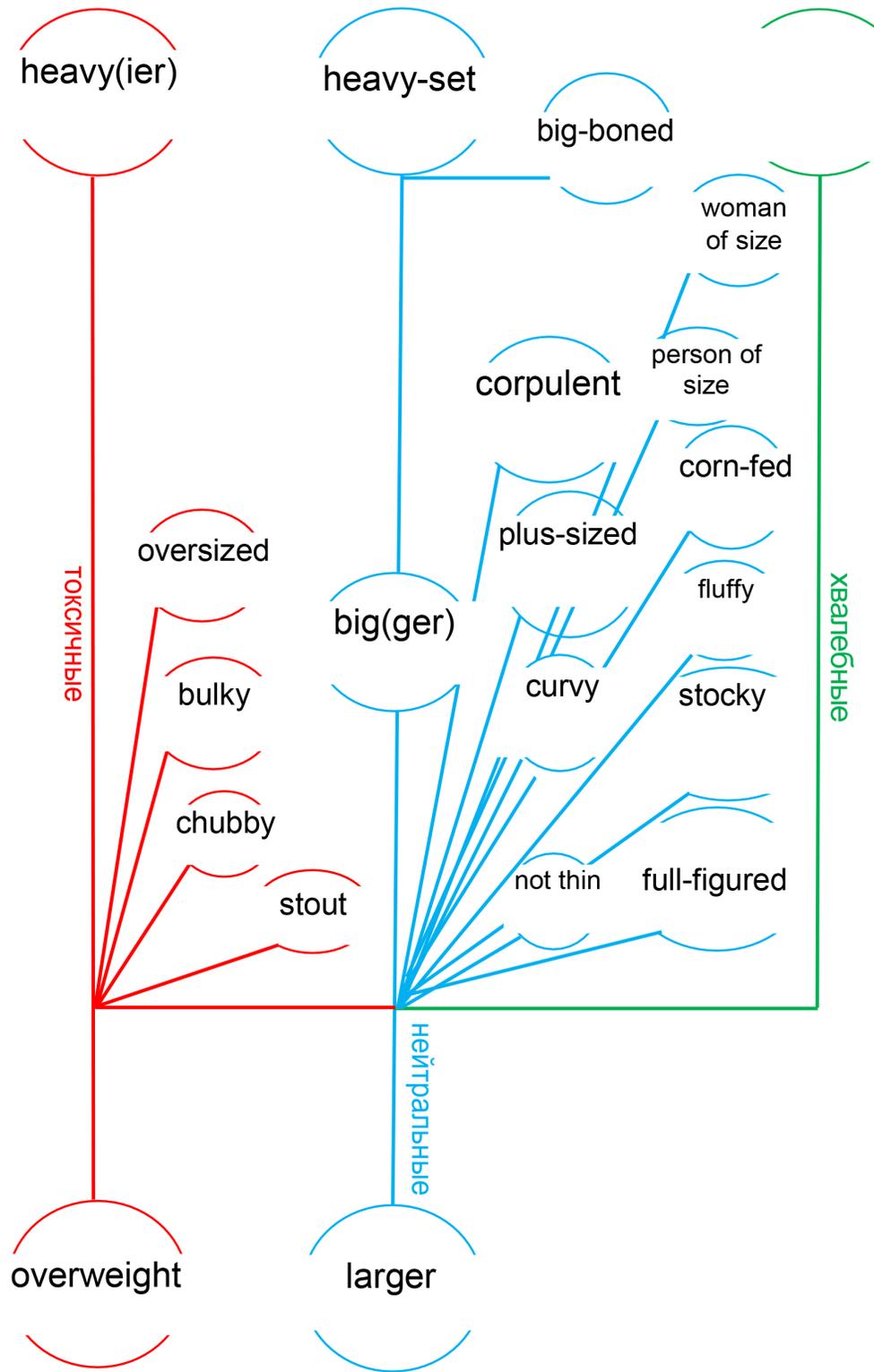

Рисунок 6. Эвфемизмы для прямой номинации «fat».

В узбекской лингвокультуре полнота человека никогда не считалась большой проблемой. Избыточный вес, и в частности, – ожирение в районе живота – издавна рассматривались как показатель достатка и обеспеченности среди мужчин. Что касается представительниц женского пола, то здесь уместно вспомнить свадьбу как одно из важнейших событий в жизни каждого узбека (см. Главу 1) и в связи с этим, необходимо рассмотреть критерии невесты, подходящей для брака. По нашим данным, избыточный вес девушки никогда не являлся препятствием к свадьбе, поскольку главным условием для замужества традиционно считалось и считается её невинность наряду со здоровьем и незапятнанной репутацией невесты и её семьи.

Кроме того, многочисленные домашние обязанности жены, общепринятые в узбекской культурной традиции, не способствуют накоплению избыточного веса: многим молодым жёнам (невесткам) не хватает времени на отдых. Женщинам, проживающим в сельской местности, приходится также выполнять многие виды сельскохозяйственных работ. Ещё одним фактором сохранения женской стройности является элементарная стеснённость в денежных средствах: в малых городах и сёлах проживает очень мало богатых людей, которые могут себе позволить обильное питание. Наконец, укажем на предпочтение блюд национальной кухни среди представителей узбекской лингвокультуры: несмотря на наличие точек общественного питания, где можно купить так называемый *fast food*, питаться блюдами узбекской кухни дешевле и вкуснее.

Исходя из данных **узбекского материала**, наиболее частотными единицами являются *бир оз тулишибсиз* (<вы> немного поправились / прибавили в весе) и *дўмбоқ* (пухленький/ая); суммарное число употреблений составило **79%** и **65%** соответственно. Приведём данные из этнографических интервью:

➤ *Тўлачадан келган сўзини ишлатаман, чунки семиз сўзидан кўра шу вариант кўпол эшитилмайди ва ўша инсонни хафа қилиб қўймайди. Яна бир томони одамлар орасида ноқулай вазиятга тушиб қолинмайди, чунки бировни қамчилигини айтиши одобдан эмас / Я использую выражение полного телосложения, так как оно*

звучит более мягко и менее обидно по сравнению со словом толстый. И с другой стороны это помогает избежать неловкой ситуации среди людей, так как указывать на чей-либо недостаток – это невежливо.

➤ *«Семиз» сўзи одатда салбий ва хафа қилувчи маънога эга бўлиши мумкин, шу сабабли уни эҳтиёткорлик билан ишлатиш керак. Агарда вазиятга мос келса ва шахсинг ҳис-туйғуларини инобатга олган ҳолда айтиладиган бўлса, қуйидаги ибораларни қўллаш мумкин: Ортиқча вазни бор ёки Вазни сал каттароқ / Слово «толстый» обычно может иметь негативный и оскорбительный оттенок, поэтому его следует использовать с осторожностью. Если ситуация требует тактичного выражения с учётом чувств человека, можно использовать следующие выражения: Имеющий избыточный вес либо вес немного больше нормы.*

➤ *Одатда бир оз тўлишибсиз ёки озрок вазн йигибсиз деган сўзлардан фойдаланаман. Чунки ҳар бир инсон ўзи билан бўлаётган ўзгаришларни ўзи яхши билади шундай экан унга семиргансиз ёки жуда озгинсиз деб кўнглини оғритишининг кераги йўқ / Я обычно использую слова вы немного поправились в весе или вы немного набрали в весе. Ведь каждый человек сам прекрасно знает, что происходит с его телом, поэтому нет необходимости ранить чьё-то чувства словами вроде вы потолстели или вы слишком худой.*

➤ *Охирги пайтларда семизлик салбий ҳолат сифатида баҳоланмоқда ва бу сўзни айниқса, аёлларга нисбатан ишлатиш ёқимсиздир. Семириб кетибсиз дейиш осон, аммо ёқимсиз. Шунинг учун бу сўзни тўлишиб қолибсиз ёки анча ўзингизга келиб қолибсиз дейиш маъқулроқдир / В последнее время полнота оценивается как негативное явление, и использование этого слова, особенно в отношении женщин, считается неприятным. Сказать вы потолстели легко, но это неприятно. Поэтому лучше сказать вы округлились или вы значительно пришли в себя.*

➤ *Одатда, бирор кишига ортиқча вазн тўғрисида сўз айтмайман. Аммо баъзан яқинларига нисбатан “мехрингиз ортибди” айтган вақтларимиз бўлган. Яъни, айниқса, аёллар учун ортиқча вазн, семизлик ҳақида гапирсила, улар ранжиши мумкин*

/ Обычно я не говорю о лишнем вес кому-либо. Однако были времена, когда мы говорили нашим близким “Вашей любви стало больше”. То есть, особенно важно учитывать, что разговоры о лишнем весе или полноте в отношении женщин, могут их обидеть.

Эти примеры свидетельствуют о реализации категории вежливости в узбекском языке – главной мотивации для использования эвфемистических замен. Отметим высказывание *Мехрингиз ортибти / Вашей любви стало больше* – пример использования возвышенного стиля и поэтизма в языке, о чём неоднократно говорилось выше. Особенность объективации эвфемизмов демонстрирует пример *Анча озингизга кепколдиз / Вы значительно пришли в себя* в значении «Вы заметно похорошели» – в данном случае ярко проявляется этноспецифика сущности эколлингвистики и категории вежливости.

Обратим внимание на то, что многие респонденты ссылались на общественное мнение («не попадать в неловкие ситуации среди людей») относительно ожирения и сформировавшегося к нему отношения – пример реализации коллективистского мышления. По нашим данным, неоднократные упоминания о том, что в мире избыточный вес считается серьёзной проблемой, свидетельствует о влиянии идей глобализма на узбекскую культуру; при этом нейтральное отношение к использованию лексемы ожирение также сохраняется. В качестве иллюстрации приведём примеры из медиадискурса:

➤ *Қорин соҳасидаги ортиқча ёғлардан азият чекувчи аёл борки барчаси биледи: ҳипчабел бўлиш учун кам еб, кўп ҳаракат қилиш керак!* / Каждая женщина, **страдающая от лишнего жира** в области живота, знает: чтобы быть стройной, нужно меньше есть и больше двигаться! [URL: www.zamin.uz (дата обращения: 18.08.2024)].

➤ *Ўзбекистонда қанча одам семизликдан азият чекиши маълум бўлди /* Стало известно, сколько людей в Узбекистане **страдают от ожирения** [URL: www.qalampir.uz (дата обращения: 08.08.2024)].

Употребление выделенных фразем говорит о низкой степени табуизации

единицы *семиз* (толстый/ая) в узбекоязычном социуме и, следовательно, о невысокой степени эвфемизации. Примечательно пополнение узбекского языка неологизмом *XXL ўлчамдаги* / размера *XXL*:

➤ *Zara XXL ўлчамдаги кийимларни сотишни бошлади* / Zara начала продавать одежду **размера XXL** [URL: www.daryo.uz (дата обращения: 08.08.2024)].

Наличие заимствований и низкая табуизация номинаций полноты свидетельствует о восприятии проблемы веса как чужеродного для культуры элемента. Анализ нашего материала подтверждает этот вывод. Любопытный пример, демонстрирующий взаимосвязь концептов «богатство» и «полнота», мы находим в литературе:

➤ *Катта саллалик муллалар, зўр қоринлик бойлар қўлларинда даста-даста ўз сайлов нўмирларини олиб, баланд овоз ила ўткан-кетканларга ўз нўмирларини тарғиб қилмакда* / Муллы в больших тюрбанах и **богачи с внушительными животами**, держа в руках пачки свиох избирательных номеров, громкими голосами агитируют прохожих за свои номера [URL: www.kh-davron.uz (дата обращения: 14.08.2024)].

Этот пример может также служить подтверждением дифференциации использования эвфемизмов по гендерным признакам.

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 7.

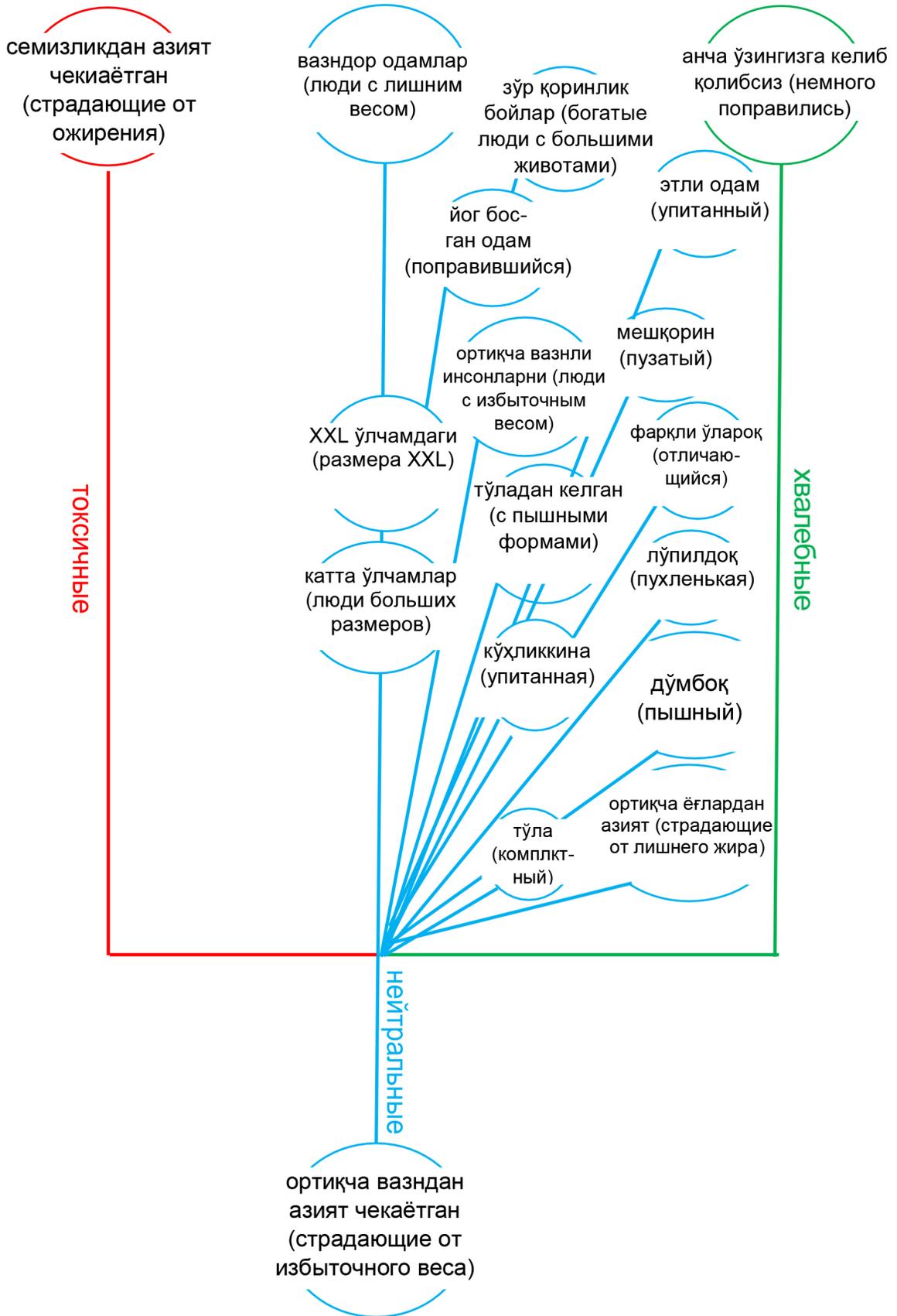

Рисунок 7. Эвфемизмы для прямой номинации «семиз» / толстый.

В отношении восприятия полноты Россия занимает срединную точку – в прямом и метафорическом смысле. Сочетая в себе западную и восточную традиции, **русская лингвокультура**, тем не менее, имеет особенный вектор развития. По нашим наблюдениям, полнота человека является существенным недостатком для жителей мегаполисов и северных широт, тогда как на юге России и в сельской местности небольшой избыточный вес рассматривается, скорее, как положительный фактор, демонстрирующий достаток, силу и выносливость человека в труде. Американизация и глобализация социума, безусловно, внесли изменения в русскую картину мира, однако паремийный фонд (Ср.: *Пока толстый сохнет, худой сдохнет / Хорошего человека должно быть много*) и сама этимология единицы *худоба* (от слова *худо / плохо*) свидетельствуют о негативизации образа худого человека в коллективном бессознательном. В фильме С. Ростюцкого «А зори здесь тихие» главный герой выражает своё положительное отношение к начальной стадии полноты одной из героинь весьма оригинальным способом:

– Вон, у Бричкиной такая же **конституция**, как у нас всех! **А всё при всём! Есть на что приятно поглядеть...**

Напомним, что действие фильма происходит во время Великой Отечественной войны, что, на наш взгляд, является немаловажным фактором восприятия полноты в русском сознании. В кинофильме «Они сражались за Родину» хвалебным эвфемизмом рассматриваемой лексемы стала единица *выдающаяся*, что ещё раз подтверждает высказанное предположение. По нашему предположению, отношение к еде в русской лингвокультуре имеет сакральное значение, связанное с генетически впитанным ужасом войны и, как следствие, – голода.

Вплоть до конца шестидесятых годов XX века полнота считалась синонимом красоты в русской культуре. Примечательно, что лексема *полный*, как наиболее частотная замена единицы *толстый* в русской лингвокультуре, обладает положительной коннотацией; семантика слова «полнота» имеет сильную связь с понятием **целостности**. По данным русского семантического словаря, полнота

означает, во-первых, крепость нехудощавого здорового тела [РСС 1998: 111], а во-вторых, высшую степень насыщенности чем-нибудь, наличие чего-нибудь в достаточной степени [Там же: 94].

Здесь также уместно вспомнить о наличии большого пласта единиц, объективирующих негативный образ излишней худобы в русской лингвокультуре: *тощий, тщедушный, костлявый, заморыш, скелет, кожа да кости, задохлик* и т.д.

Со временем влияние западных стандартов на восприятие канонов красоты в русской лингвокультуре росло. Единица *plus size*, вошедшая в русский язык под влиянием американизации, демонстрирует новый вектор повестки в сторону тактики смягчения, и, следовательно, эвфемизации лексемы *толстый*. Важно также отметить постепенный уход некоторых эвфемистических замен из языка: *гладкий, сытый, откормленный, обильный/изобильный, рубенсовская, кустодиевская* и т.д. Подчеркнём семантическую связь некоторых единиц с концептами «еда» и «голод», что, как было показано, существенно отражается в русском языковом сознании. Здесь уместно напомнить о лексемах *сдобная, сочная, пышная, булочка, пышка, в соку, аппетитная, пышнотелая, пышногрудая, (в меру) упитанный* – замены, которые по Е.А. Юриной, входят в словарь русской пищевой метафоры, поскольку не только соотносятся с лексико-фразеологическим полем «Еда», но и составляют пищевой код русской культуры [Юрина 2015].

Новая картина мира, где все девушки и женщины не должны быть больше определённых размеров, повлияла на русскую культуру таким образом, что быть полным, особенно в больших городах, стало неприлично. И в этой тенденции мы усматриваем, в первую очередь, нежелание русских коммуникантов выделяться, отличаться от других. Вспомним о наличии выраженной оппозиции «свой-чужой» в русской культуре (см. Главу 1). Используя лексику советских времён, представители русской лингвокультуры не хотят «отрываться от коллектива». Таким образом, глубинная причина нынешней негативизации образа полного человека лежит в проявлениях коллективистского типа мышления.

Анализ **русского материала** свидетельствует, во-первых, о возможности прямой номинации «толстый» (45%), во-вторых, о многообразии хвалебных эвфемизмов. Это исключает полноту из коммуникативных табу, а также нивелирует тактику умолчания в коммуникации, как было выведено в англосаксонском материале. Приведём примеры из интервью:

- *Я говорю о себе «толстая», и так говорят все мои подруги.*
- *Конечно, я не скажу человеку в глаза: «Ты толстый», хотя вот, мужу говорю запросто.*
- *Я не считаю женщину с формами толстой, мой дед говорил: «Собаки на кости не бросаются».*
- *У меня 15 лишних кг, для Москвы – беда, а для моих родственников на Кубани – самое то! Сочная женщина, говорят.*

Важно отметить использование паремий в материале, прямолинейность высказываний при линейной коммуникации (жена – мужу), а также вариативность хвалебных эвфемизмов. Помимо выделенных единиц также назывались замены: *сдобная, заметная, статная, приятной полноты, фактурная, фигуристая, весомых достоинств, в теле, видный, с округлостями, представительный, солидный*, – перечисленные эвфемизмы рассматривались информантами как комплиментарные.

Как упоминалось, единица **полный** стала наиболее частотной в нашем материале (77%); при этом выделим синонимичность замен, которые упоминали информанты: *полнотелый, полненький, полноватый, полноватенький, полнокровный*. Этот факт доказывает положение о разных способах объективации эвфемизмов ввиду разной структуры языков.

Укажем на большое количество токсичных эвфемизмов (являющихся, по функции и свойствам, дисфемизмами) в нашем материале: *бочка, дама в три обхвата, бомба, здоровенный(ая), пузанчик, толстопузик, пухлый, пухляш(ка), сало, пончик, (крупно)габаритная*. Мы разделяем точку зрения тех учёных, которые указывают на реляционный статус икс-фем, т.е. способность контекста переключать функции

эвфемизмов на дисфемизмы и наоборот [Дружинин и др. 2020]. Авторы данной гипотезы доказали на экспериментальном материале однополярность традиционного взгляда на политкорректность. Иными словами, вежливые выражения могут стать оскорбительными и наоборот [там же]. Весьма показательным является пример из нашего материала:

➤ *Когда я называю мужа «мой пухляш», в этом много нежности.*

Безусловно, не все замены из приведённого списка могут меняться в зависимости от контекста, однако выделим два наблюдения: единица *здоровенный* семантически тождественна лексеме «здоровье», а эвфемизм *бомба* может олицетворять образ сексуальной соблазнительницы.

Считаем важным подчеркнуть наличие пищевых метафор в группе токсичных эвфемизмов (*сало, пончик*). Как говорилось выше, данные единицы составляют пищевой код русской культуры. На наш взгляд, пересечение лексико-семантических и концептуальных полей, отражающих взаимосвязь номинаций еды и полноты на всех уровнях языка, составляет русский национальный культурный код. Фактически, присовокупив понятие целостности к рассматриваемой номинации, мы получаем следующую установку культуры: *полный=целостный=здоровый=крепкий=сытый*. В этом нам видится уникальная специфика русской лингвокультуры в свете исследуемого материала.

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 8.

(Напомним, что ввиду большого объёма полученного материала, синонимичные единицы не учитывались).

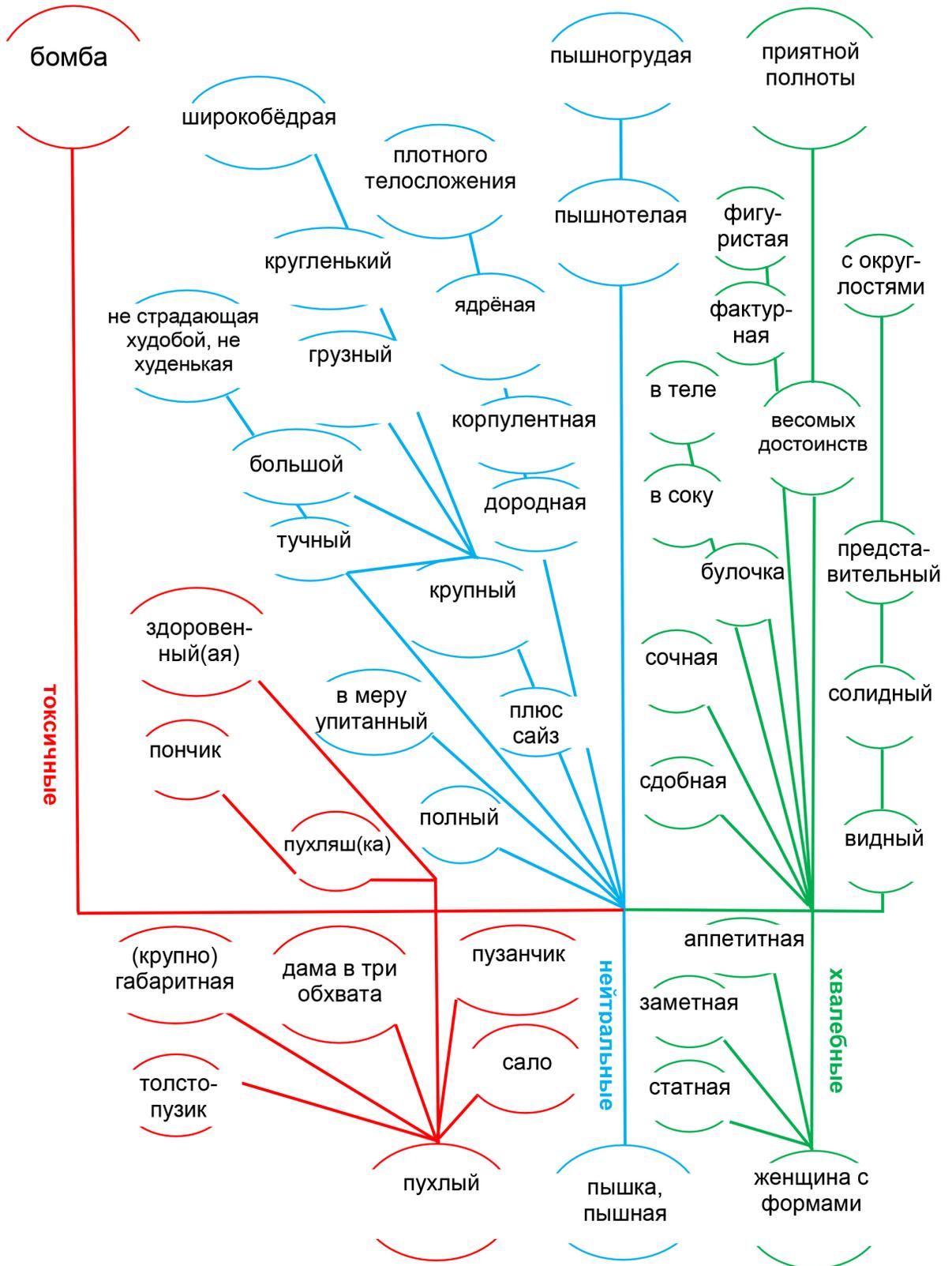

Рисунок 8. Эвфемизмы для прямой номинации «толстый».

3.1.3. Номинации старости в сопоставляемых лингвокультурах

Отношение к старости в рассматриваемых лингвокультурах имеет чёткую дифференциацию, что обусловлено не только традиционными национально-специфическими и социально-культурными факторами, но и корреляцией эколлингвистики с триадой *человек – социум – природа*, о чём говорилось выше (см. раздел 1.1.).

В англосаксонской лингвокультуре молодость является ключом успеха в личной жизни, бизнесе и социальной востребованности. Использование общеизвестного термина *youth obsession*, широко пропагандируемого в социуме, получило развитие одновременно по двум направлениям.

Во-первых, индустрии пластической хирургии, стоматологии, эстетической медицины, моды и рекламного бизнеса нацелены на то, чтобы сделать своих клиентов ещё моложе и привлекательнее.

Во-вторых, понятие старости приобрело однозначную негативную оценку в социуме и теперь имеет стойкую ассоциацию с упадком, кризисом и досадным бременем, возлагаемым на молодых членов общества. Индивидуалистический тип мышления предполагает личную ответственность индивидуума за свою жизнь, невзирая на возраст, вследствие чего в англоязычных странах так сильно развита система проживания в домах престарелых. Как упоминалось выше, обилие единиц, номинирующих такие учреждения в английском языке, имеет прямую корреляцию с этно- и социокультурными характеристиками англосаксонской культуры (см. раздел 1.2.). Таким образом, первой причиной эвфемизации единицы *старый* является стремление избежать нежелательной установки «старость= немощь и обуза».

Другой немаловажной причиной поиска замен является развившийся за последние годы феномен политкорректности. В нашем исследовании неоднократно

подчёркивалось, что идея отказа от любого вида дискриминации (в данном случае – возрастной) и неравенства получила колоссальный резонанс в англоязычных странах. Толерантность, как обязательное качество современного человека, предполагает смягчение любых возможных конфликтов, что проявляется в поиске новых средств языкового выражения. Появившийся термин «язык возрастной инклюзии» (*age inclusive language*) отражает потребности общества в признании равноправия индивидуумов всех возрастных категорий. По аналогии с масштабным распространением языка гендерной инклюзии (см. раздел 2.1.) функционирование языка возрастной инклюзии направлено на защиту прав людей старшего возраста.

Антиэйджизм, являясь, по сути, отрицанием старения, сформировал новые стереотипы поведения в англоязычном мире, где распространены тенденции сохранения молодости и сокрытия признаков старения с одной стороны и популяризация пожилого возраста в языке и культуре – с другой. В качестве иллюстрации укажем на отсутствие возрастного ценза для всех видов работ, на которые нанимаются сотрудники в США. Графа «возраст» изъята из анкет, список требований пополнился перечнем физических нагрузок (если таковые имеются), которые должен быть готов выполнять претендент на данную должность. Исключение эйджизма подкреплено конкретными мерами и сводом новых правил. Так, Институтом общественного здоровья при Вашингтонском университете в Сент-Луисе были выпущены рекомендации по реформированию языка во всех дискурсах, от научного до бытового. В документе, составленном Американской ассоциацией врачей, Американской ассоциацией психологов, агентством Ассошиэйтед Пресс и Американским обществом геронтологов, говорится об исключении каких-либо оскорбительных для пожилых формулировок, а также о преодолении стигматизации общества относительно возраста [URL: www.wustl.edu (дата обращения: 28.04.2024)]. Рекомендовано отказаться от использования таких единиц, как: *senior*, *elderly*, *aged*, *aging depends*, *old-old*, *young-old*, заменяя их единственно возможной лексемой *older* [там же]. Любопытно, что термины *young-old* и *old-old* имели реализацию, в

большинстве случаев, в медицинском дискурсе. Однако, аналогично запрету на прямые номинации полноты среди американских врачей, реформирование языка происходит под прессингом новых политкорректных установок.

Третьим источником эвфемизации возраста является традиционная англосаксонская терпимость к инаковости, любого вида проявлений Другого, что было подробно рассмотрено в разделе 1.5. Совокупность мотивирующих факторов, диктующих использование замен, также определяет экологичность и неэкологичность коммуникации.

Анализ **материала на английском языке** показал распространённость эвфемизмов *older*, *senior* и *elderly*. Эти эвфемизмы назывались **каждым** из участников эксперимента; при этом, с некоторыми оговорками:

- *‘Elderly’ is more polite, though it’s for a person who is frail and dependent. I’d prefer older.*
- *Elderly need lots of care. An older person can be independent!*
- *‘Senior’ is what we hear and read every day. Discounts for seniors, senior living homes, senior centers... you name it. It is not offensive, it’s legit.*

Таким образом, мы видим подтверждение высказанной ранее мысли о корреляции старости и зависимости от более молодых членов общества. В рекомендациях по использованию номинаций старости в языке говорилось о том, что американцы уделяют большое внимание личной ответственности за решение проблем, связанных со старением, и, следовательно, выбор здорового образа жизни и финансовое планирование возложен на каждого индивидуума [URL: www.wustl.edu (дата обращения: 28.04.2024)].

Некоторые респонденты также подтверждали взаимосвязь политкорректных установок общества с объективацией старости в языке:

- *I think the term ‘elderly’ is ageist.*
- *I don’t use the “O” word. However, there are the days when I feel old, and there is nothing wrong with it. Nobody is going to say: ‘Wow, I feel elderly.’*

- *Using the term ‘older’ can be inappropriate in work environment. It may seem legitimate to refer to “veteran” or “experienced” workers.*
- *I’m 63 and guess what? I feel old, I look old and I am tired of political correctness. I just don’t give a flip.*
- *Political correctness is a reference to the way the Soviet Union controlled public expression. I can say older, and elderly, and mature but I hate being controlled.*

Как видно из примеров, в англоязычном обществе нет однообразия в использовании или запрет лексических единиц, обозначающих старость, однако существует общая установка на соблюдение норм вежливости. Симптоматично появление термина *the “O” word*, который, на наш взгляд, может считаться полноправным эвфемизмом.

Ввиду специфики профессиональных обязанностей респондентов, назывались единицы *geriatric* и *vulnerable adult*, поскольку все участники эксперимента работают в медицинских учреждениях для пожилых. Однако из-за незначительного числа таких ответов и с учётом использования профессиональных жаргонизмов мы сочли данные примеры нерелевантными для лингвоэкологической оценки номинации.

Немногочисленное количество замен и отсутствие хвалебных эвфемизмов отражает регулятивную систему общества, подчиняющегося правилам политкорректности, а также глубинное (негативное) отношение к проблеме старости.

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 9.

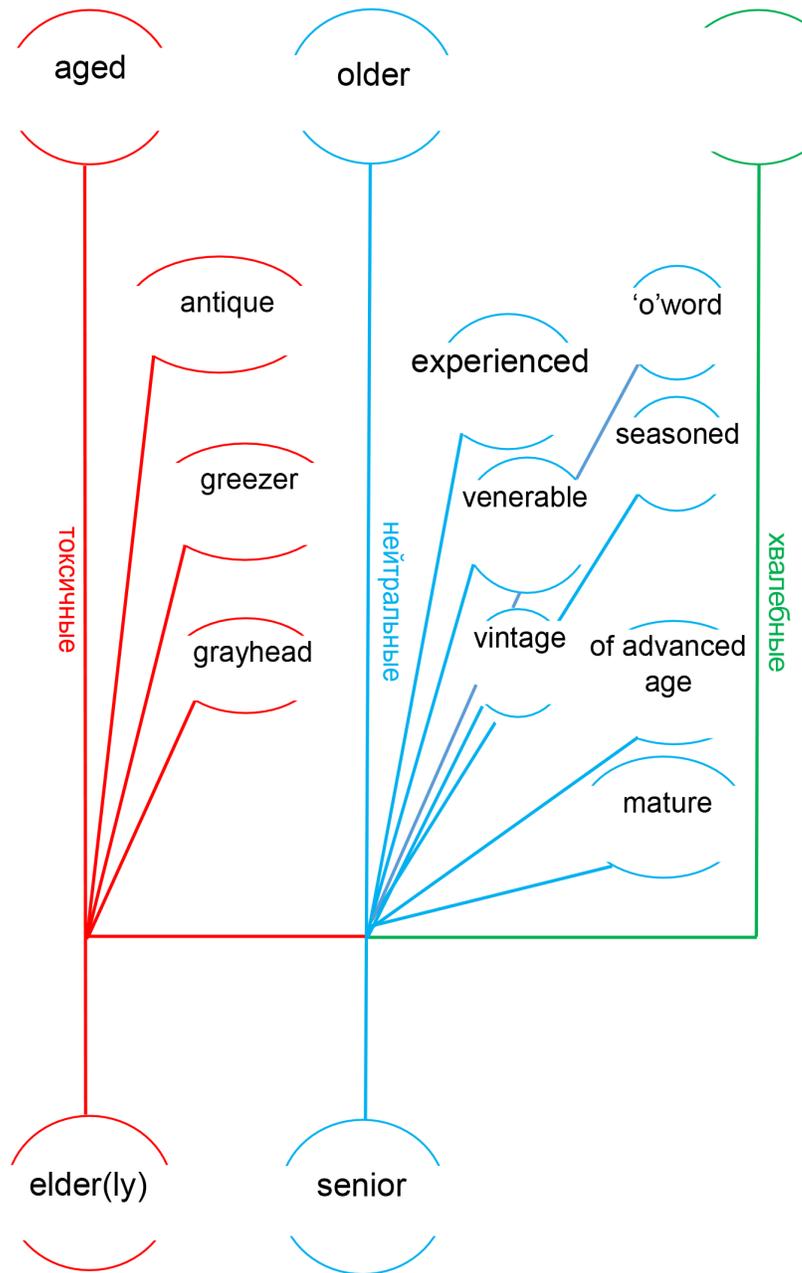

Рисунок 9. Эвфемизмы для прямой номинации «old».

В узбекской лингвокультуре, как отмечалось, возраст играет колоссальную, социально значимую роль. Оказание почтения людям старшего возраста является наиболее показательным проявлением вежливости; оно имеет глубокую взаимосвязь с религиозными представлениями. «Мусульманам настоятельно рекомендуется вести себя уважительно по отношению к пожилым в многочисленных хадисах мусульманского пророка Мухаммеда и Священного Корана» [Khosh 2023: 13]. Почтительность и уважение к старшим, как главная ценность узбекской культуры, поддерживается на государственном уровне: провозглашение Года защиты интересов старшего поколения (2002) (Қарияларни қадрлаш йили); Года внимания и заботы о старшем поколении (2015) (Кексаларни эъзозлаш йили), принятие постановления Правительства «О дополнительных мерах по всесторонней поддержке и повышению социальной активности представителей старшего поколения», проведение ежегодной недели пожилых людей – эти меры демонстрируют неразрывную и глубинную связь поколений в той культуре, где возраст рассматривается как награда, а не обуза для молодых.

Весьма показательным фактом уважения старости являются праздники узбекской культуры. По достижении шестидесяти трёх лет человек отмечает *пайгамбар оши* (плов пророка) – именно в этом возрасте умер Пророк. Человек, проживший 83 года и 4 месяца, ценится как *умр кўрган киши* (человек, повидавший жизнь) и *минг ойни кўрган табаррук инсон* (благословенный человек, увидевший тысячу месяцев). Поддержание крепких связей с пожилыми родственниками и близкими людьми прочно закреплена в исламской традиции. В сурах Корана неоднократно упоминается почтительность к старикам как главная добродетель: *Икковларига меҳрибонлик ила хокисорлик қанотингни наслат ва Роббим, алар мени кичикликда тарбия қилганларидек, уларга раҳм қилгин* / К обоим из них проявляй милосердие и смиренно опусти крылья покорности, и Господи, помилуй их так, как они воспитывали меня в детстве [цит. по: URL: www.islom.uz (дата обращения: 08.08.2024)]. Аль-Ашари приводит следующее изречение Пророка: «Уважение к

седовласому старику — признак преклонения перед Аллахом» [URL: www.gazetaingush.ru (дата обращения 10.09.2024)]. Таким образом, проявление уважения к старикам является одним из способов демонстрации своего преклонения перед Аллахом.

Нередки сравнения пожилых людей с ангелами, дающими своё благословение дому, в котором они проживают. По словам первого президента Узбекистана И.А. Каримова, в доме, где есть пожилой человек, есть ангел (*Қариси бор уйнинг париси бор*) [Каримов 2014]. Пожилые люди – это благодать и ангелы наших домов (*Қариялар – хонадонларимизнинг файзи ва фариштаси*) [Там же]. Здесь уместно привести узбекскую пословицу *Қари билганни пари билмас* / То, что знает старец, не знает даже ангел. Итак, возраст в узбекской культуре имеет связь с божественным знанием и благословением дома.

Нельзя обойти стороной уникальную единицу узбекской лингвокультуры *оқсоқол* (старейшина). У узбеков густая борода рассматривалась как признак благородства, человек с белой бородой получил название *оқсоқол* [Тухтасинов 2012: 123]. В древности старейшина становился главой рода и общины; в Хивинском ханстве старейшины принимали послов, участвовали во всех значимых мероприятиях государственного значения. Старейшины возглавляли махалли, заведовали сельскими ремесленными мастерскими, контролировали распределение полива в крупных водопроводных сетях, собирали налоги, организовывали клубы и сбор благотворительных средств, воспитывали молодёжь. И сегодня роль старейшин в узбекской культуре весьма значительна: нередко они возглавляют сельские сходы граждан и городские участковые комитеты. В республике, области, районе и многих городах действуют Советы старейшин (*Оқсоқоллар кенгашлари*). То есть, пожилые люди в узбекской культуре имеют высокую социальную востребованность.

К уникальным чертам узбекской лингвокультуры относится также использование лексемы *оппоқ* / белоснежный, старший применительно к людям старшего возраста (см. раздел 2.2.). Симптоматична расширенная семантика данной

единицы (чистый, хороший), которая выражается не только в отношении к старикам, но и во внешнем облике пожилых людей: белизна волос и бороды сочетается с традицией ношения белых одежд (см. Фото 3). Таким образом, старший возраст в узбекской лингвокультуре символизирует белизну, чистоту и опрятность во внешнем виде и внутреннем содержании.

Фото 3. Символика белизны в узбекской культуре

Как показывают результаты эксперимента, наиболее частотной единицей в узбекском материале является эвфемизм *ёши ўлуғ* (почтенный возраст) и его синонимичные варианты (87%):

➤ *Ёши улгайибди ёки ёши катта бўлибди дейман, чунки қари дегандан кўра бундай сўзлар инсонни ранжитиб қўймайди* / Я говорю, что **он достиг почтенного возраста** или **прибавил в годах**, потому что такие слова не ранят человека так, как слово старый.

➤ *“Ёши улуг” сўздан фойдаланаман, чунки “қариган” сўзи услубий жихатдан қўпол ешитилади* / Я использую выражение «**почтенный возраст**», потому что слово «постарел» звучит грубо со стилистической точки зрения.

Весьма показательным является следующий пример, демонстрирующий иерархичность общества и особенности коллективистского мышления:

➤ *Улуг ёшга кирдингиз. Бу шакл фақат обрўсини кўтаради. Чунки каттасини ҳурмат қилмаган, Оллохни ҳурмат қилмайди. Бошқача қилиб айтганда, оқсоқолнинг ҳуқуқини тан олиш орқали сиз жамиятда бўйсунис, ролларнинг тақсимланишини тан оласиз: кичиклар ва катталар борлигини, катталарга ҳурмат кўрсатилишини, кичикларга еса – меҳр-шафқат ва илтифот / Вы достигли почтенного возраста. Такая форма только повышает его репутацию. Ведь тот, кто не уважает старшего, не уважает и Аллаха. Иными словами, признавая право старшего, ты признаешь субординацию, распределение ролей в обществе: что есть младшие и старшие, старшим оказывается уважение, а младшим — сострадание и снисхождение.*

Отметим употребление уникальных эвфемистических замен и целых речевых оборотов, характерных для узбекского языка:

- *(Бироз) ёши катта бўлибди / (Немного) прибавили в годах;*
- *Бизни ҳам шу ёшларга етказсин / Пусть <Аллах> доставит нас в такие года.*

В этом примере употребление местоимения 3 лица множественного числа (*етказсин*) содержит имплицитное упоминание о Боге, что в очередной раз доказывает тезис о разных способах объективации эвфемизмов в языке, а также об эвфемизации как проявлении эколингвистики в целом.

- *Илохим сизни ёшингизга қириб юришлик бизга ҳам насиб етсин / Дай Аллах нам возможность дожить до вашего возраста в здравии и благополучии;*
- *нуронийлар / благообразный;*
- *кексалик либосини киймоқ / досл.: надеть платье старости;*
- *отанинг тик қомати қолгай ахир букилиб / досл.: высокий рост отца сторбился;*
- *болалик ортда қолмоқ / досл.: оставлять детство позади;*
- *кўздан нур кетмоқ / досл.: исчезает свет из глаз;*
- *соқолинг куксингга тушганда / когда твоя борода опустится до груди.*

➤ *Ўзбекистонда минг ойни кўрган табаррук инсонларини ижтимоий химоя қилишга алоҳида эътибор берилмоқда* / В Узбекистане особое внимание уделяется предоставлению социальной защиты **благословенным людям, увидевшим тысячу месяцев** [URL: www.aniq.uz (дата обращения: 12.09.2024)].

➤ *Узоқ умр кўрган япониялик отахон Гиннесс китобига киритилди* / Японский уважаемый отец, **повидавший жизнь** внесён в Книгу рекордов Гиннесса [URL: www.sputniknews.uz (дата обращения: 12.09.2024)].

➤ *Ҳақиқатдан ҳам маҳалла раиси бой ҳаётий тажрибага эга, аҳоли ўртасида катта ҳурмат-эътиборга сазовор бўлган, билимдон, адолатли, маҳалла аҳлини эзгу ишларга эргаштира олишдек юксак фазилатлар соҳиби бўлиши муҳимдир* / На самом деле важно, чтобы председатель махалли был **человеком с богатым жизненным опытом**, пользовался большим уважением населения, был знающим, справедливым и обладал такими высокими качествами, как умение повести жителей махалли на добрые дела [URL: www.uza.uz (дата обращения: 13.09.2024)].

Также к уникальным чертам узбекской лингвокультуры относится употребление терминов родства *катта дада* / *оппоқ дада* / *бобо(жон)* (старший отец / белоснежный отец / дорогой дедушка), *оппоқ* (белый / белоснежный), *буви(жон)* (бабушка (дорогая бабушка)), *онахон* (матушка), *отахон* (уважаемый отец), которые наряду с функционированием в качестве форм обращения, являются также самостоятельными единицами, номинирующими старость, и используются по отношению к незнакомцам и отсутствующим участникам коммуникации. Данный факт является прекрасной иллюстрацией тезиса о том, что уважение к старшим является ядерной характеристикой экологичного общения в узбекской культуре (см. раздел 1.3.)

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 10.

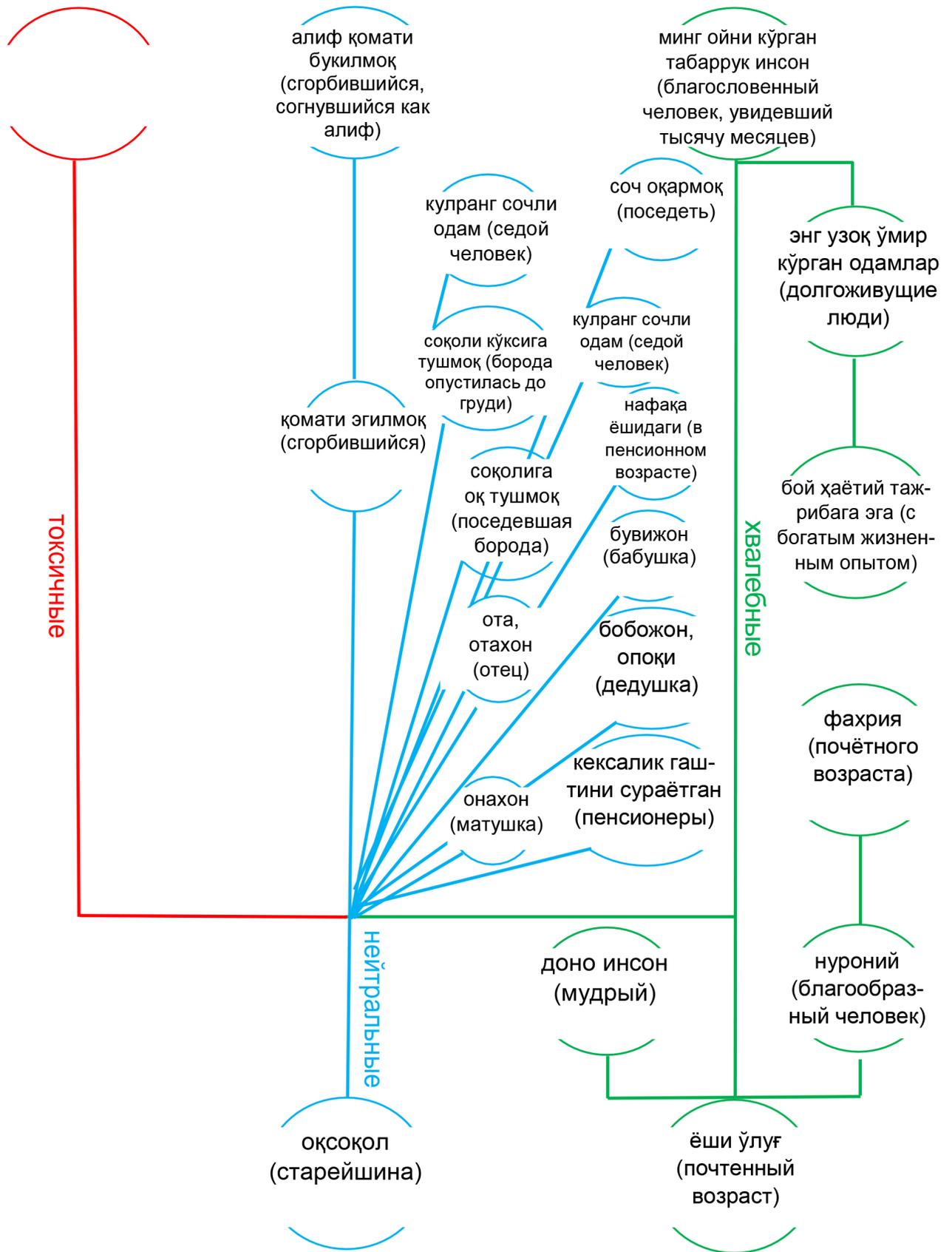

Рисунок 10. «Эвфемизмы для прямой номинации «қари» / старей.

В русской лингвокультуре отношение к возрасту изначально формировалось на основе христианской традиции почитания старших. Библия, как главный свод правил человеческой жизни, содержит немало тому примеров:

- *Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе* [Втор. 5: 16].

- *Пред лицом седого вставай и почитай лице старца и бойся Бога твоего* [Лев. 19: 32].

- *Старшему не укоряй, но чтн, как отца своего* [1 Тим. 5: 1-2].

Коллективистское мышление только укрепляло и развивало тенденцию уважения старших и безукоризненного послушания: без родительского благословения не совершалось ни одно значимое дело, родительское проклятие равнялось самому страшному приговору человеческой жизни; неуважение и непослушание старшим порицалось в обществе в такой же сильной степени, как и в узбекской лингвокультуре. В Домострое, известном литературном памятнике XVI века, предписывалось не только послушание старшим, но и подчинение жены мужу, верховенство которого являлось неоспоримым.

В советские времена традиция уважения людей пожилого возраста не исчезла. Строчка из «Песни о Родине», написанной В.И. Лебедевым-Кумачом в тридцатые годы XX века превратилась широко известный лозунг и закрепились в русском языковом сознании на уровне поговорки: *Молодым – везде у нас дорога / Старикам – везде у нас почёт!*

Примечательно, что обращения *старик, старуха, старичок, старушка, старикан, стариканыч, старина* приобрели широкую популярность среди поколения «шестидесятников» (и не изжиты до сих пор), одновременно утратив семантику возраста. Шутливо-фамильярное обращение, принятое в литературно-театральной богеме (фраза «*Старик, ты – гений!*») стала речевым клише), лишилось первоначальной маркированности апелляции к людям низшего статуса [Фуфаева

2020: 113]. По нашему предположению, косвенная отсылка к возрасту в рассматриваемом дискурсе имеет значение явного признания, авторитетности в той профессиональной области, которой принадлежит адресат. Иными словами, старший возраст коррелируется со знанием и опытом.

С начала перестройки в СССР в русском сознании происходит постепенная трансформация: после короткого периода узнавания западные ценности приобрели широкое распространение. Идея молодости как гарантии успеха в работе и личной жизни приживается в мегаполисах; одержимость молодостью становится устойчивой тенденцией, заметной во всех сферах жизни. В конце девяностых годов XX века людям старше сорока пяти лет было невозможно устроиться на работу. Поддержание моложавого внешнего вида стало залогом успешности и гарантией социальной реализации индивидуума. Кроме того, отметим смещение возрастных границ, как социокультурный фактор, влияющий на языковое сознание: многие современные люди пенсионного возраста ведут активную жизнь, работают, занимаются спортом; назвать их возраст периодом угасания или подведения итогов было бы несправедливым преувеличением.

Сегодня, несмотря на законодательный запрет о возрастных ограничениях при приёме на работу, возраст играет важнейшую роль при отборе кандидатов. По оценке агентства трудоустройства «Найм», работодатели установили негласный рубеж в 40-45 лет (а десятилетием ранее возрастным цензом была отметка 35-40 лет), и кандидатам старшего возраста отказывают в приёме на работу под благовидными предложениями [URL: www.naim.ru (дата обращения: 12.09.2024)]. Термины *молодой специалист* / *учёный* / *писатель* / *учитель* определяются конкретным возрастом – до 35 лет. В связи с острой необходимостью расширения и укрепления научного фонда и кадров страны Госдумой был принят законопроект, дающий возможность увеличения возрастного порога до 40 лет «на уровне регионов и муниципалитетов» [URL: www.gov.ru (дата посещения: 10.09.2024)]. Возможно, государственные меры окажут благотворное влияние на позитивное отношение к старости в ближайшем

будущем.

Таким образом, русская лингвокультура характеризуется двойственной оценкой старости: уважение и признание знаний и опыта с одной стороны и явное стремление к сохранению молодости – с другой.

Источник табуизации лексем с семантикой старости в русской лингвокультуре находится глубже, чем социальный успех индивидуума. Как было показано ранее, мифологическое мировоззрение предполагает возможность отлагательства смерти при условии произнесения её номинаций. По нашему мнению, тактика умолчания по отношению к единицам с семантикой старости коррелируется с табуизацией смерти. Иными словами, не называя старость, можно отложить и смерть. Наконец, выделим лингвокультурный фактор, затрагивающий экологию русского сознания: табуированность темы имеет прочную взаимосвязь с нормами вежливости; женщинам не задают вопрос о их возрасте.

Анализ **русского материала** показал, что максимально широко используются эвфемизмы *пожилой человек* и *немолодой* (92% и 88% соответственно). Нам близка позиция М.И. Зверевой, указавшей на эмоционально-сниженную оценку единицы «пожилой человек», поскольку она включает в себя ассоциативную связь с окончанием жизни [Зверева 2023: 90]. Это замечание подтверждает наше предположение о корреляции концептов старости и смерти и связанной с этим тактики умолчания. Однако, судя по данным нашего эксперимента, эта единица относится к нейтральным. С другой стороны, частотность замены «немолодой», образованной с помощью антонима с префиксом, реализует категорию отрицания и, следовательно, соответствует тактике произнесения, описанной выше. Ещё раз подчеркнём продуктивность таких замен, характерных для структурного типа русского языка, как отмечалось выше (см. раздел 3.1.1.).

Примечательно, что многие замены, называвшиеся респондентами, имеют тесное пересечение лексико-семантических и концептуальных полей:

- *Однажды я услышала, как Николай Цискаридзе отзывался о Галине*

Улановой. Он сказал: «Она была к тому моменту очень **взрослой**». С тех пор я использую это слово, когда не хочу говорить «старый».

- Я говорю «**возрастной**» и не вижу здесь ничего обидного.
- «**Зрелая женщина**» звучит куда лучше, чем «старая», «пенсионерка», «в годах» или «уже в летах».
- Мне кажется, что фраза «Он **уже в возрасте**» призывает к уважению прожитых лет, и не оскорбляет человека.
- Сейчас появилась хорошая формулировка: «**пятьдесят плюс**» или «**шестьдесят плюс**». Всем всё понятно и вполне прилично.
- Мне кажется, нет хуже фразы «**бальзаковского возраста**» или «**элегантного возраста**». Во-первых, ничего элегантного здесь нет. Во-вторых, звучит как злая насмешка. Лучшие уж «**пожилая**» или «**возрастная**».

Отметим многочисленность замен с семантикой зрелости и возраста, которые, помимо прямых корреляций с соответствующими концептами, имеют связь с уважением старших, что является подтверждением иерархичности структуры отношений и проявления коллективизма в русской лингвокультуре. Подчеркнём, что четыре информанта использовали замену «она уже бабушка», что отражает коллективистский тип мышления.

Также выделим неологизм «шестьдесят плюс», заимствование из английского языка, которое свидетельствует о частичной ассимиляции идей западного мышления, как упоминалось выше. Заметим, что традиционная, для русской культуры, замена «люди старше шестидесяти лет» отсутствует в материале. Подчеркнём дифференциацию эвфемизмов в публицистическом и бытовом дискурсах. Распространённые в языке СМИ единицы *старшего поколения / с (богатым) жизненным опытом / преклонного (почётного, почтенного, пенсионного) возраста* ни разу не использовались респондентами.

Отсутствие хвалебных замен в материале подтверждает наше предположение о связи табуизации с мифологическим мировоззрением и лингвокультурными

факторами.

Обобщённые результаты исследования представлены на рисунке 11.

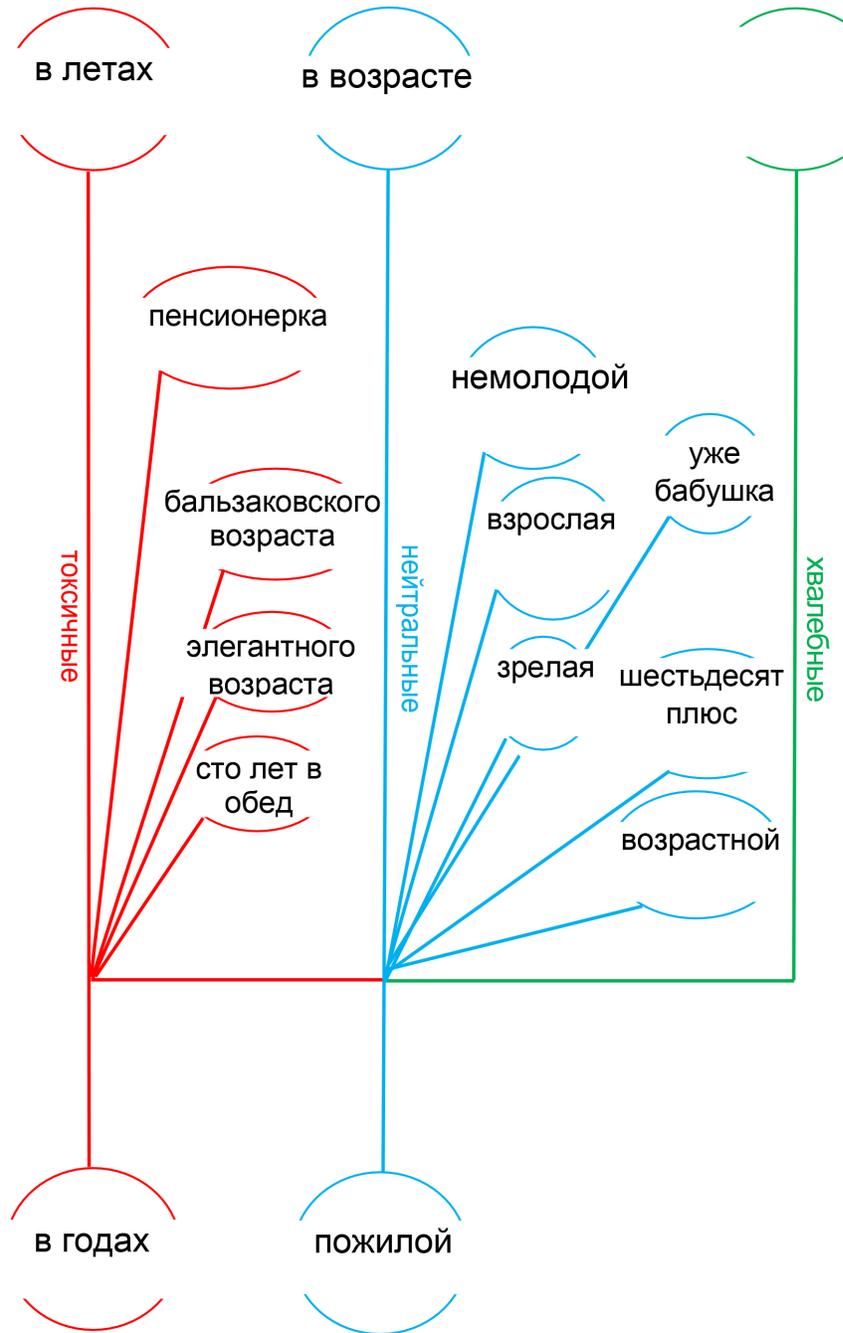

Рисунок 11. Эвфемизмы для прямой номинации «старый».

3.2. Коммуникативные правила эффективного межкультурного взаимодействия

Экологичность коммуникации в англосаксонской лингвокультуре предполагает соблюдение вербальной и невербальной дистанции, запрет на обсуждение личных тем и опасных, с точки зрения политкорректности, вопросов, к которым, помимо традиционных табу (см. раздел 1.5.) также относятся:

- гендерная принадлежность;
- вес и внешность человека;
- возраст;
- смерть.

Следует воздерживаться от обсуждения перечисленных тем, личных оценок, публичного проявления эмоций, а также драматизма, под которым понимается не только использование определённых языковых средств (см. раздел 3.1.1.), но и целый комплекс стратегий, которые прямо или косвенно нарушают личное пространство человека (см. раздел 1.5.).

Рекомендуется сохранять позитивный настрой в беседе, демонстрировать оптимизм, подчёркивать личный успех и собственные достижения, избегая проявлений излишнего любопытства и откровенных рассказов о себе. Важно соблюдать баланс в беседе, не допуская превращения диалога в монолог.

Особую значимость в общении имеет язык *гендерной инклюзии*, выражающийся в отказе от языкового фаворитизма в пользу какого-либо пола и признания всех идентичностей. Из этого следует, что местоимения *they / them / their / themselves* являются наиболее нейтральными, если у вас нет информации о предпочитаемых гендерных обращениях (см. раздел 2.1.). Предпочтения местоимениям мужского рода (*person* → *he*), гендерно указательных номинаций, в том числе – профессий (*a career*

woman, handyman) считаются проявлением сексизма в языке.

Рекомендовано придерживаться правила «сначала человек» для обозначения инвалидности или любых психофизических недугов; описывать состояние человека без использования ярлыков для определения людей с проблемами по здоровью. Из этого правила вытекает общая тенденция к отказу от расового и возрастного определений, а также обозначений возраста.

Расизм, эйджизм, эйблизм, сексизм, бодишейминг и любые другие виды дискриминации людей являются токсичным поведением и дают серьёзное основание для проявления речевой и физической агрессии, конфликтов и преследования по закону.

При сообщении о смерти рекомендуется использовать эвфемизмы *to pass away, to lose, to be no longer here* или другие нейтральные замены с семантикой смерти (см. Рисунок 3).

Не рекомендуется использовать прямые номинации полноты, а также соответствующие эвфемистические замены ввиду заведомо острой и неудобной темы для разговора. Описывая внешность человека, используйте тактику умолчания и приведите другие характеристики (цвет глаз и волос, рост, одежда и т.д.). Лучшим началом разговора со знакомым собеседником является вопрос-утверждение относительно того, что он похудел.

Помните о негативной оценке старости в англосаксонском обществе, избегая обсуждений темы возраста. Как было показано в исследовании, англоязычное общество еще не выработало систему эвфемистических замен, удовлетворяющих большинство носителей лингвокультуры. При необходимости рекомендованы нейтральные замены из представленного списка (см. раздел 3.1.3.), применение стратегий нейтрализации или глорификации, например: *She is 75 years of age / She is 63 years young.*

Гиперстратегией лингвоэкологичной коммуникации на английском языке является дистантность, выражающаяся в предоставлении права на самовыражение,

сохранение лица и отсутствие коммуникативного давления.

Экологичность коммуникации в **узбекской лингвокультуре** предполагает соблюдение вербальной и невербальной дистанции при иерархичной коммуникации. В узбекском социуме мужчина выше женщины, начальник выше подчинённых, при коммуникации равных по статусу вершиной иерархии является старший по возрасту. Определение контекста (восходящий, нисходящий, линейный) является краеугольным камнем правильной коммуникации.

Приветствие занимает очень важную роль в узбекской лингвокультуре; это ключ к установлению правильных межличностных контактов, залог положительного результата по окончанию коммуникации. Не рекомендуется использование традиционных мусульманских приветствий и восклицаний, если вы не исповедуете ислам. Возраст, социальный статус и взаимоотношения собеседников являются определяющими факторами в использовании приветствий. При нисходящем контексте старший берёт инициативу в разговоре и последовательность обязательных вопросов (о здоровье, благополучии близких и т.п.); младшему предписывается отвечать на вопросы соответствующими речевыми формулами, обладающими высокой ритуализованностью. Рекомендовано обращение на «вы» к любым незнакомым людям и собеседникам, которые старше вас хотя бы на один год. При линейном контексте важны экспрессивность, многословность и быстрый темп речи в женской коммуникации, лаконичность и прямолинейность – в мужской.

Невербальной коммуникации придаётся важнейшее значение. Рекомендовано использовать приветствие «рука к груди» при коммуникации среди мужчин. Взаимодействие женщин отмечено непрерывным зрительным контактом и традиционным касанием рук друг друга (см. Фото 4).

Фото 4. Невербальная форма приветствия женской коммуникации в узбекской культуре

При обращении к незнакомым людям, учитывайте наличие или отсутствие статусной дистанции, включайте в свою речь соответствующие термины родства: *ака* / старший брат, *ота* / отец, *она* / мать, *амаки* / дядя и т.п. При профессиональной коммуникации используйте формы обращения, образованные по принципу «должность+имя».

Узбекская культура имеет разветвлённую систему коммуникативных табу (см. раздел 1.5.), причём запрет на обсуждение определённых тем имеет выраженный социокультурный контекст: то, что допустимо обсуждать в условиях симметричных отношений, запрещается упоминать при иерархичной коммуникации.

Тема смерти связана, в первую очередь, с достойным прославлением ушедшего человека. Обширная система эвфемизмов подчёркивает многообразие способов оказания должного уважения покойному, не являясь, при этом, коммуникативным табу.

Полнота человека не является недостатком, узбекская культурная традиция сохраняет нейтральное отношение к проблеме ожирения. Рекомендуется соблюдать привычные социальные нормы, которые подразумевают отказ от обсуждения изъянов людей.

Возраст для узбекской культуры воспринимается как особая милость, данная

Всевышним. Чем старше человек, тем больше ему полагается внимания, уважения и почёта. Рекомендуется использование терминов родства (*оппоқ дода, бобо(жон)* / белоснежный дедушка, дедушка (дорогой дедушка), *буви(жон)* / бабушка (дорогая бабушка), *онахон* / матушка, *отахон* / уважаемый отец) в качестве форм обращения к людям старшего возраста, знакомым и незнакомым.

Гиперстратегией лингвоэкологичной коммуникации на узбекском языке является дистантность и соблюдение правил субординации при иерархичной коммуникации, а также неукоснительное следование мусульманским традициям, выражающимся в вербальной и невербальной коммуникациях.

Экологичность коммуникации **в русской лингвокультуре** предполагает выраженную дистанцию в условиях асимметрии отношений и короткую дистанцию при линейном контексте. Откровенные вопросы, личные темы, коммуникативные табу, оценочные суждения допустимы при симметричности отношений и недопустимы при иерархичной коммуникации. Допустимы жалобы на судьбу и личные обстоятельства, а также сознательное преуменьшение личных заслуг и достижений. Не рекомендуется излишняя экспрессивность в выражении похвалы (особенно в отношении детей).

Не следует улыбаться незнакомым людям, обращаться к ним по имени и на «ты». Невербальная коммуникация включает в себя традиционную короткую дистанцию, жесты и прикосновения, выразительную и интенсивную мимику.

Личность, внешность, возраст и другие характеристики человека могут быть подвергнуты обсуждению, исходя из контекстных условий коммуникации. Как отмечалось, в русской лингвокультуре существует феномен добровольной откровенности, «эффект попутчика», предполагающий, но не обязывающий к взаимной исповедальности (см. раздел 1.5.). Используйте нейтральные эвфемизмы при разговоре о внешности человека (см. раздел 3.1.2.).

Помните о незримой корреляции между номинациями старости и смерти, вследствие чего избегайте токсичных замен с семантикой старости. Отношение к

возрасту в русской культуре имеет двойственную природу (см. раздел 3.1.3.), вследствие чего сохраняется безусловное уважение к старшим с одной стороны и стремление к омоложению (и сокрытию истинного возраста) – с другой. Отдельно отметим неприемлемость речевых клише *дама бальзаковского / элегантного возраста* на основе данных нашего эксперимента.

Смерть и тяжёлые, неизлечимые болезни являются одним из немногих безусловных табу в русской лингвокультуре. Рекомендуется воздерживаться от проявлений излишнего любопытства, сарказма и юмора при разговорах на эту тему. В русской культуре существует развитая система суеверий, связанных с болезнями и смертью; это проявляется на всех уровнях языка: от мифологизации негативных событий до стратегии умолчания в отношении терминальных состояний человека и использования единицы «крайний» в значении «последний».

Дети в русской культуре являются яркой иллюстрацией проявления коллективистского мышления: допустимы непрошенные советы, вопросы и замечания, как детям, так и их родителям. Русская поговорка «Чужих детей не бывает» отражает сакрализацию детской темы, восходящей к взаимоотношениям и иерархией между Богом и человеком. В этой связи наиболее щекотливой темой для разговора является детская инвалидность.

Сегодня русскоязычное общество выработало ряд нейтральных замен для номинации «инвалид», причём, данный процесс начался, преимущественно, с наименования детей с инвалидностью. Рекомендуется неоднократно описанный в работе подход «сначала человек». Мнение родителей, имеющих детей с инвалидностью, играет в этом процессе становления системы эвфемизмов важнейшую роль. Список рекомендуемых эвфемистических единиц представлен в разделе 2.3.

Гиперстратегией лингвоэкологичной коммуникации на русском языке являются стратегии сближения и контактный стиль коммуникации в условиях симметричности отношений, стратегии дистанцирования – при иерархичной коммуникации.

Выводы по Главе 3

1. Рассмотренные источники табуизации единиц с семантикой смерти, полноты и старости позволили вывести прямую корреляцию между культурно-историческими, аксиологическими и социальными характеристиками общества и степенью экологичности эвфемистических замен в языках. Исходя из разноструктурности языков и описанного комплекса лингвокогнитивных и лингвоэкологических установок эвфемизмы объективируются по-разному.

2. Уникальными характеристиками восприятия смерти в англосаксонской лингвокультуре являются следующие образы сознания:

- смерть как окончательный финал, после которого ничего не существует;
- смерть как повод для насмешки и юмора;
- смерть – это игра (или конец азартной игры);
- смерть как прекращение бизнеса.

3. Уникальность узбекской картины мира в ментальных репрезентациях смерти выражается в следующих особенностях:

- смерть – возвращение к Аллаху и вечной жизни;
- смерть как награда и обретение счастья, благодати;
- смерть как достижение главной цели в жизни (поскольку основная жизнь начинается после смерти);
- смерть неизбежна. Следовательно, она должна восприниматься со смирением, а не со страхом.

4. Уникальными чертами восприятия смерти в русской лингвокультуре являются следующие образы сознания:

- смерть как мифический антропоморфный персонаж с определённой внешностью и конкретными именами;
- смерть можно отвергнуть, отложить с помощью замен, имеющих к ней

косвенное отношение (напр., *последний vs крайний*);

- со смертью можно «договориться», отложив её приход с помощью диминутивов.

5. Анализ экспериментального материала выявил резкое снижение эвфемизации единицы «умирать» в англосаксонской культуре наряду с негативизацией проявления драматизма. Отличительной чертой эвфемизации единиц с семантикой смерти в узбекском языке является дифференциация употребления замен в зависимости от возрастных, статусных и гендерных характеристик, а также гомогенное отношение к смерти, что проявляется в виде многообразия хвалебных и нейтральных эвфемизмов и отсутствия токсичных единиц. Мифологическое русское мировоззрение в отношении смерти отражается в виде употребления местоимений в функции эвфемизмов, реализации тактики умолчания и наличия уникальных единиц (*отмучиться, убраться*).

6. Полнота является коммуникативным табу в англосаксонской культуре, имеет тесную связь с концептами целостности, здоровья и еды в русской культуре. Негативизация полноты является чужеродным элементом для узбекской культуры, где обнаружена связь концептов «полнота» и «богатство».

7. Возраст входит в коммуникативные табу англосаксонской лингвоэкологической коммуникации, что проявляется в неустойчивости замен и отсутствии однообразия в их использовании. Симптоматичным является появление неологизма-эвфемизма “O” word. Уважение к старшим является ядерной характеристикой узбекской культуры. Для экологичной коммуникации характерно употребление терминов родства, являющихся уникальными эвфемизмами в узбекской лингвокультуре. Табуизация единиц старости имеет прочную связь с мифологическим русским мировоззрением. Многочисленность замен с семантикой зрелости и возраста имеют связь с уважением старших, что является подтверждением иерархичности структуры отношений и проявления коллективизма в русской лингвокультуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщённые результаты исследования можно представить следующим образом.

Исследование актуальных процессов эвфемизации в эколингвистическом аспекте задаёт новый, перспективный вектор развития науки – от антропоцентрической парадигмы к экоцентрической модели сознания.

Исследованный материал подтвердил гипотезу диссертационной работы, т.к. особенности эколингвистических параметров эвфемизмов отражают не только различия этно- и социокультурных параметров, а также специфику категорий вежливости и толерантности, но и обусловлены дифференцированностью структур языков. В исследовании было *доказано предположение о том, что эвфемизация является проявлением эколингвистики.*

В ходе работы было проведено обобщение, а также эколингвистическая, лингвокультурологическая, лингвокогнитивная, психоллингвистическая и социоллингвистическая систематизация лингвоэкологических коммуникаций, рассмотрены и проанализированы особенности англосаксонского, узбекского и русского мировоззрения. Это позволило систематизировать, определить и описать, как проявляется лингвоэкологический идеал на уровнях мышления, языка, психофизиологии, речи и общения. Выведенные критерии экологичной коммуникации позволили создать системную характеристику актуальных процессов эвфемизации в англосаксонской, узбекской и русской лингвокультурах.

Нами были также определены параметры эвфемизации в эколингвистическом аспекте (*гlorификация, нейтральность и токсичность*), что послужило основой для эмпирического исследования и способствовало проведению качественного контент-анализа объёмного материала. В результате проведённого исследования было

установлено, что стремительное развитие языка гендерной инклюзии в англосаксонской культуре обусловлено не только аксиологическими, этнокультурными и социокультурными особенностями, но и развитием анализма в языке. Эвфемизация терминов обращения семейно-бытового дискурса в узбекской лингвокультуре является наиболее актуальной и показательной областью эвфемизации и составляет основу экологичности общения. Агглютинация, выраженная в слиянии семантических элементов отдельных морфем, служит ярким примером реализации эвфемии в узбекском (агглютинативном) языке. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в заменах номинации *инвалид* в русском языке является симптоматичной характеристикой функционирования флективного языка, а также подтверждает характерные черты для коллективистского типа культуры.

Исследование эвфемизмов, исключаящих дискриминацию по возрасту и внешнему виду человека, а также изучение замен номинации смерти подтвердили необходимость применения комплексной методики социолингвистического, лингвокультурологического и эколлингвистического анализов с применением субстратного подхода. В результате удалось вывести не только систему актуальных эвфемизмов в соответствующих языках, но и определить источники табуизации исследуемых эвфемизмов в лингвокультурах.

В результате проведённого исследования были доказаны все положения, выносимые на защиту. Практическая часть работы содержит подтверждения о дифференциации использования эвфемистических замен в зависимости от возрастных, статусных и гендерных параметров в узбекской лингвокультуре. Как показало исследование, мифологическое русское мировоззрение наиболее ярко отражено в эвфемизации лексем с семантикой смерти. Анализ материала также выявил резкое снижение эвфемизации единицы «умирать» в англосаксонской лингвокультуре наряду с негативизацией проявления драматизма в языке.

В диссертации были рассмотрены источники табуизации единиц с семантикой смерти, полноты и старости, в результате чего был сделан обобщающий вывод о прямой корреляции между культурно-историческими, аксиологическими, социальными характеристиками лингвокультур и степенью экологичности процесса эвфемизации в языках.

Важным результатом работы является вывод о постепенном переходе русскоязычного общества к инклюзивной модели коммуникации; эвфемизация единицы «инвалид» в русской лингвокультуре является наиважнейшим, социально значимым процессом. В работе отражены этапы перехода русскоязычного общества к экологичной модели коммуникации, а также приводятся результаты опроса носителей русской лингвокультуры, в том числе – родителей особенных детей, что даёт возможность двусторонней и объективной оценки процесса эвфемизации в заданном поле.

Итогом исследования стало получение следующих основных выводов:

1. Основными проблемами эколингвистики являются: определение предметной области и выбор методологии в силу многоаспектности и разнонаправленности задач данного научного направления. Методология и определение референтного набора задач коррелируют с конкретными целями научного поиска.

2. Применение инструментов эколингвистической парадигмы перспективно для сопоставительных исследований коммуникации ввиду многовекторности этой науки и возможности применения субстратного подхода, что является залогом элиминации языковых конфликтов, коммуникативных неудач и провалов.

3. При составлении лекционных курсов, учебников и учебных пособий по лексикологии, грамматике английского, узбекского и русского языков, а также межкультурной коммуникации представляется целесообразным учитывать актуальные изменения в процессе эвфемизации речи:

➤ Применение методов гендерной инклюзии является ведущим инструментом англосаксонской коммуникации; гендерно-маркированные единицы считаются токсичными, их следует избегать; местоимения *they / their* (применительно к одному лицу) являются важнейшей характеристикой гендерной нейтрализации; местоимения *ze / zie / zir* приняты за основу языка гендерной инклюзии.

➤ Термины родства в узбекском языке являются маркерами возраста и пола; формы обращения, образованные по структуре «должность+имя», подчёркивают статус адресата. Употребление таких форм является залогом экологичной коммуникации на узбекском языке.

➤ В русскоязычной коммуникации рекомендуется избегать дихотомии «*инвалид vs. нормальный*»; рекомендована экологичная замена «*нормотипичный*». Лексические конструкции, содержащие концепты *особенность, проблемы, инвалидность*, а также аббревиатуру *ОВЗ* перспективны как нейтральные эвфемизмы.

➤ Излишний вес человека и его возраст являются коммуникативными табу в англосаксонской культуре. Полнота не рассматривается как проблема в узбекской культуре, а уважение к людям старшего возраста является ядерной характеристикой этой лингвокультуры. Табуизация единиц, номинирующих старость, в русской культуре имеет прочную связь с мифологическим мировоззрением: эвфемизация единиц с семантикой смерти коррелирует с возможностью отложить собственную кончину на неопределённый срок. Этим также объясняется устойчивое функционирование лексемы «крайний» в значении «последний».

4. Гиперстратегиями лингвоэкологичной коммуникации являются:

- Дистантность, предоставление права на самоопределение и самовыражение – в англоязычной коммуникации;
- Дистантность при иерархичной коммуникации и неукоснительное соблюдение мусульманских традиций – в узбекской коммуникации;

- Сближение и контактность при симметричности отношений, дистантность – при наличии статусной дистантности – в русскоязычной коммуникации.

Таким образом, все теоретические выводы подкрепляются результатами практической части исследования. Однако заметим, что проблематика диссертации настолько обширна, что необходимо проведение дальнейших исследований с целью создания объёмной системы эвфемистических замен в различных дискурсах. Представляется перспективным применение инструментов эколингвистики не только для лингвистических исследований, но и для многих научных работ гуманитарного направления, поскольку, как отмечалось, процесс обновления эвфемизмов и задачи эколингвистики тесно связаны с курсом языковой политики в разных странах, а также многими геополитическими решениями сегодняшнего дня. Кроме того, процессы, активизирующие языковое творчество, необходимы для сохранения языкового и культурного наследия народов, в связи с чем эколингвистика не потеряет своей актуальности в ближайшее столетие.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. О признании лица инвалидом: Постановление Правительства РФ от 5 апреля 2022 года № 588 // Правительство: сайт. – URL: <http://government.ru/docs/all/140380/> (дата обращения: 28.04.2024).
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: [федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ: принят Государственной Думой 20 июля 1995 г.; одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 г.: ред. от 28 мая 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2014 года № 1598) // Гарант: сайт. – URL: <https://base.garant.ru/70862366/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 28.04.2024).
4. Абашин, С. Н. Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией / С. Н. Абашин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 720 с.
5. Авласович, Е. М. Мотивация труда: православная и протестантская этика / Е. М. Авласович // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2018. – № S5. – URL <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00528.pdf> (дата обращения: 08.05.2023).
6. Азикаев, Э. Д. Межнациональное согласие и толерантность – высшие ценности узбекского народа / Э. Д. Азикаев // Miasto Przyszłości. – 2022. – Т. 25, № 25. – С. 146-148.
7. Алижанова, М. Р. Национальные ценности узбекского народа в духовном и социальном развитии молодёжи / М. Р. Алижанова // Universum: общественные науки. – 2021. – № 10 (78). – С. 17-19.

8. Амосова, С. В. Анализ гендерной нейтральности в современном английском языке / С. В. Амосова, А. Н. Шиманович // Вестник науки. – 2019. – Т. 1, № 6 (15). – С. 359-366.
9. Андреева, К. А. Этическая лингвоэкология человека нравственного: коллективная монография / К. А. Андреева, Н. Н. Дзида, Л. Я. Зятькова. – Тюмень: Вектор Бук, 2012. – 160 с.
10. Арзуманян, А. Л. Вопросы эсхатологии в мусульманской литературе / А. Л. Арзуманян. – Москва: Муравей, 2003. – 207 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и в языке / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1995. – 202 с.
12. Багандов, Н. Н. Об отношении к смерти в исламе / Н. Н. Багандов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 263-268.
13. Белозерова, Н. Н. Эколингвистика: в поисках методов исследования / Н. Н. Белозерова, Н. В. Лабунец. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2012. – 256 с.
14. Бернацкая, А. А. О трех аспектах экологии языка / А. А. Бернацкая // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2003. – № 4. – С. 122-125.
15. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – Москва: Добросвет, 2003. – 543 с.
16. Ванюшина, Н. А. Семантическая и прагматическая характеристики эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Ванюшина Наталья Анатольевна; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2011. – 22 с.

17. Вильданова, Г. А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект / Г. А. Вильданова. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 162 с.

18. Воронцова, Т. А. Семантическая структура лексемы «Толерантность» в современной русской языковой картине мира / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова // Вопросы психолингвистики. – 2023. – № 3 (57). – С. 61-72.

19. Гарифуллина, А. В. История развития эколингвистики: зарубежный и отечественный опыт / А. В. Гарифуллина, Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 9 (455). – С. 53-62.

20. Голованова, Е. Ю. Эвфемизация табуированных соматизмов на материале французского и русского языков: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Голованова Елена Юрьевна; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2005. – 216 с.

21. Гранева, И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4-2. – С. 494-496.

22. Громорушкина, А. А. Спорные вопросы в эколингвистике / А. А. Громорушкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 14 (809). – С. 132-142.

23. Дружинин, А. С. Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему / А. С. Дружинин, Т. А. Фомина, О. Г. Поляков // Язык и культура. – 2020. – № 50. – С. 23-40.

24. Жабборова, О. И. Толерантность – как нравственное качество / О. И. Жабборова // Наука, техника и образование. – 2018. – № 12 (53). – С. 92-94.

25. Жельвис, В. И. Лингвокультурологический анализ англоязычных эвфемизмов смерти / В. И. Жельвис // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1, № 4. – С. 175-180.

26. Жеребило, Т. В. Введение в языкознание: словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Кеп, 2015. – 153 с.

27. Заболотная, Г. М. Толерантность и доверие – социальные ориентиры современного общества / Г. М. Заболотная, И. Н. Шило // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 1. – С. 102-105.

28. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка: учебное пособие для филологических факультетов университетов / В. И. Заботкина. – Москва: Издательство «Высшая Школа», 1989. – 124 с.

29. Загидуллина, М. В. Содержательная динамика эколингвистики: к вопросу о современном состоянии научного поля в междисциплинарном аспекте и медиаисследовательских перспективах / М. В. Загидуллина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 9 (391). – С. 57-65.

30. Загыртдинова, Ф. Б. Махалля: должен, значит можешь / Ф. Б. Загыртдинова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158, № 6. – С. 1470-1479.

31. Зверева, М. И. Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 5.9.5 «Русский язык. Языки народов России» / Зверева Марианна Ивановна; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2023. – 164 с.

32. Зиннатуллина, Г. Ф. Культура повседневности: основные ценности мусульман / Г. Ф. Зиннатуллина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. – 2015. – № 2. – С. 74-79.

33. Иванова, Е. В. К проблеме исследования экологического дискурса / Е. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23). – С. 134-137.

34. Изанлу, Х. Эвфемизация и дисфемизация концепта «смерть» в персидском языке / Х. Изанлу, Х. Голами // Молодой ученый. – 2012. – № 8. – С. 180-185.

35. Ионова, С. В. О двух аспектах эколингвистических исследований / С. В. Ионова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1 (6). – С. 10-25.

36. Ионова, С. В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 86-93.

37. Ионова, С. В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения / С. В. Ионова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 4 (15). – С. 1-12.

38. Казаченко, О. В. Субъективное значение ценности «толерантность» как заимствованной мировоззренческой категории / О. В. Казаченко, Г. А. Иванкина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3 (43). – С. 60-70.

39. Карасик, В. И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 120-128.

40. Карасик, В. И. Язык социального статуса: социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2002. – 333 с.

41. Карманова, З. Я. Феноменология слова: слово vs мысль: монография / З. Я. Карманова. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2010. – 390 с.

42. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Ленинград: Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена, 1988. – 80 с.

43. Кипрская, Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.19 «Теория языка» / Кипрская Екатерина Викторовна; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 2005. – 17 с.

44. Кирилина, А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия / А. В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2021. – № 3 (49). – С. 109-147.

45. Китова, Е. Б. Наименования профессий в современном английском языке: гендерный аспект / Е. Б. Китова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 59-64.

46. Колосова (Солодовникова), Н. Г. экологическая функция эмоций / Н. Г. Колосова (Солодовникова) // Грани познания. – 2015. – № 1 (35). – С. 22-28.

47. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов: более 4500 слов и выражений / Н. Г. Комлев. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2006. – 669 с.

48. Конюшкевич, М. И. Социальные и гуманитарные науки: образование и общество / М. И. Конюшкевич // Экология языка и языковой личности в медиaprостранстве: сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: УРАО, 2014. – С. 16-22.

49. Коровушкин, В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания / В. П. Коровушкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – № 1 (28). – С. 60-64.

50. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – Москва: Языки славянской культуры, 2000. – С. 384-407.

51. Кузьмина, Е. С. Эвфемистические процессы в диахроническом срезе / Е. С. Кузьмина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2010. – № 4. – С. 130-133.

52. Ларин, Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // Проблемы языкознания: сб. статей, посвященный 75-летию акад. И. И. Мещанинова / отв. ред. Ю. С. Маслов. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1961. – С. 23-48, 115-130.

53. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

54. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики: учебник / А.А. Леонтьев. – Москва: Смысл; Санкт-Петербург: Лань, 2003. – 285 с.

55. Лихачев, Д. С. Экология культуры / Д. С. Лихачев // Знание – сила. – 1982. – № 6. – С. 22-24.

56. Лопатинская, Т. Д. Символический опыт смерти в структуре компьютерной игровой среды / Т. Д. Лопатинская // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 4. – С. 49-54.

57. Мансур, М. Х. С. Фразеологизмы-эвфемизмы русского языка на фоне арабского: лингвокультурологический аспект (тематическая группа «социальные пороки»): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.01 «Русский язык» / Мансур Мохаммед Хассан Саммани; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2020. – 361 с.

58. Мацковский, М. С. Толерантность как объект социологического исследования / М. С. Мацковский // Межкультурный диалог: исследования и практика / под ред. Г. У. Солдатовой, Т. Ю. Прокофьевой, Т. Л. Лютой. – Москва: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – С. 143-147.

59. Милоенко, Е. О. Специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.19 «Русский язык» / Милоенко Екатерина Олеговна; Курский государственный университет. – Курск, 2009. – 23 с.

60. Моисеенко, А. В. Лингвоэкологическая вариативность субстандартной синонимии в английском и русском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.19 «Русский язык» / Моисеенко Анна Валерьевна; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2008. – 18 с.

61. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Москва: USSR, 2017. – 262 с.

62. Муминова, А. А. Узбекский речевой этикет: сен (ты), сиз (вы, Вы) / А. А. Муминова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – № 3. – С. 95-103.

63. Мумликанова, А. А. Гуаньси как стиль введения переговоров в Китае / А. А. Мумликанова // Казанский вестник молодых учёных. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 16-24.

64. Муртазаева, Р. Х. Проявление толерантности узбекского народа в полиэтничном Узбекистане в условиях независимости / Р. Х. Муртазаева // Наука, техника и образование. – 2018. – № 11 (52). – С. 75-80.

65. Мухаммедов, Х. М. Реализация культуры толерантности и гуманизма в Узбекистане / Х. М. Мухаммедов // Евразийский союз ученых. – 2019. – № 4-8 (61). – С. 43-46.

66. Нурушева, Д. А. Эколингвистика как раздел языкознания / Д. А. Нурушева // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 5 (4). – С. 890-893.

67. Огдонова, Ц. Ц. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований / Ц. Ц. Огдонова // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2 (3). – С. 122-124.

68. Основы лингвистического мониторинга медиапространства региона: учебное пособие / В. А. Брылева, О. С. Волкова, С. В. Ионова, Е. Ю. Ильинова, Л. А. Кочетова, О. П. Сафонова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – 147 с.

69. Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера / О. В. Ломакина, И. Р. Саитбатталов, Ю. А. Саитбатталова, Х. О. Хушкадамова // *Oriental Studies*. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 914-928.

70. Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии: учебное пособие / В. В. Ощепкова. – Москва, Санкт-Петербург: Изд-во Глосса-Пресс, 2006. – 336 с.

71. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Панин Виталий Витальевич; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2004. – 217 с.

72. Подюков, И. А. Образы смерти в русской народной культурной традиции Прикамья / И. А. Подюков // *Традиционная культура*. – 2018. – Т. 19, № 5S. – С. 166-176.

73. Позитивная коммуникация: коллективная монография / О. А. Леонтович, М. А. Гуляева, О. В. Лунёва, М. С. Соколова; под общ. ред. О. А. Леонтович. – Москва: Гнозис, 2019. – 296 с.

74. Порохницкая, Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Порохницкая Лидия Васильевна. – Москва, 2014. – 45 с.

75. Порохницкая, Л. В. Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в современном английском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.04 «Германские языки» /

Порохницкая Лидия Васильевна; Московский Государственный лингвистический университет. – Москва, 2004. – 195 с.

76. Потеряхина, И. Н. Категория «лингвоэкологичность» в контексте современных лингвистических исследований / И. Н. Потеряхина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8-2 (26). – С. 142-147.

77. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 326 с.

78. Пузырев, А. В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления / А. В. Пузырев. – Москва; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995. – 378 с.

79. Пузырев, А. В. Лингвоэкология (эколингвистика) с точки зрения субстратного подхода к языку / А. В. Пузырев // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. монография / науч. ред. проф. В. И. Шаховский, отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол. Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград: ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 77–89.

80. Пузырев, А. В. О методологии языкознания / А. В. Пузырев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 45-54.

81. Пылаева, Е. М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века / Е. М. Пылаева // Вестник Пермского государственного технического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2011. – № 5. – С. 106-113.

82. Романова, Т. В. Информационный обзор: категории толерантность/политкорректность как объект лингвистического осмысления / Т. В. Романова // Вопросы психолингвистики. – 2018. – № 38. – С. 204-219.

83. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / род общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва: Азбуковник, 1998. – 807 с.

84. Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. Москва, 20-23 марта 2019 года. – Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Издательский Дом (Типография), 2019. – 601 с.

85. Рыкова, М. М. Коранический взгляд на феномен смерти и его отражение в исламской ритуалистике / М. М. Рыкова // Евразийское Научное Объединение. – 2018. – № 4-2 (38). – С. 126-128.

86. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – Москва: Академия, 2005. – 639 с.

87. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – Москва: Флинта. Наука, 2008. – 464 с.

88. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учебное пособие / Е. П. Сеничкина. – Москва: Флинта, 2012. – 120 с.

89. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. – Москва: Прогресс, Универс, 1993. – 656 с.

90. Сиротинина, О. Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка / О. Б. Сиротинина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1 (1). – С. 177-193.

91. Сиротинина, О. Б. Хорошая речь: монография / О. Б. Сиротинина, М. А. Кормилицына, Т. В. Кочеткова. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.

92. Скворцов, Л. И. Лингвистическая экология // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Л. И. Скворцов. – Москва: Флинта-Наука, 2003. – 840 с.

93. Сковородников, А. П. Лингвоэкология, или эколингвистика // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник / А. П. Сковородников. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 284-285.

94. Сковородников, А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1 (1). – С. 194-222.

95. Сковородников, А. П. Экология русского языка: монография / А. П. Сковородников. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – 388 с.

96. Солиева, Ф. С. Культурные народные традиции: национальное и общечеловеческое в сознании личности: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: специальность 09.00.00 «Онтология и теория познания» / Солиева Фируза Сулеймановна; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Самаркандский государственный медицинский институт – Москва; Самарканд, 1994. – 302 с.

97. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания: учебное пособие для студентов филологических специальностей педагогических институтов / Ю. С. Степанов. – Москва: URSS, 2020. – 272 с.

98. Стернин, И. А. Толерантность и коммуникация / И. А. Стернин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2003. – С. 331-345.

99. Стихин, А. Г. Лингвистические аспекты коммуникативной корректности / А. Г. Стихин // Язык и этнический менталитет. – 1995. – № 9 – С. 138-142.

100. Сущенко, Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Е. А. Сущенко. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2011. – 421 с.

101. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва: Слово, 2000. – 262 с.

102. Турекеев, К. Ж. Магические представления каракалпаков, связанные с детской обрядностью / К. Ж. Турекеев // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 5. – С. 76-94.

103. Тухтасинов, И. М. Национально-культурная специфика сложных слов, выражающих внешность и характер человека, в английском и узбекском языках / И. М. Тухтасинов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 2 (257). – С. 122-125.

104. Улыко, А. Махалля как социальный процесс: аналитические предпосылки / А. Улыко // Academia: сайт. – URL: https://www.academia.edu/51129092/Махалля_как_социальный_процесс_аналитическое_предпосылки (дата обращения: 24.06.2023).

105. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – Москва: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с.

106. Фуфаева, И. В. История появления в русском языке дружеских обращений старина и старик / И. В. Фуфаева // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 108-117.

107. Хамдам-Заде, Л. Х. Формы приветствий и обращений этикета в узбекском и русском языках / Л. Х. Хамдам-Заде // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (107). – С. 932-934.

108. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова; под общ. ред. К. Королева. – Москва: АСТ, 2003. – 603 с.

109. Цыдендамбаева, О. С. Эвфемистическая картина мира: концептосфера «человек» (на материале бурятского, русского, английского и немецкого языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.19 «Теория языка» / Цыдендамбаева Оюна Сергеевна; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2011. – 20 с.

110. Чернов, Г. В. Англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа» / Г. В. Чернов. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1208 с.

111. Чутпулатов, М. Ч. Гендерная лингвистика: узбекская мужская и женская речь / М. Ч. Чутпулатов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 3. – С. 51-57.

112. Шахназарова, Н. В. Толерантность как консенсус / Н. В. Шахназарова // International scientific review of history, cultural studies and philology: Collection of scientific articles V International correspondence scientific specialized conference, Boston, USA, 20–21 января 2019 года. – Boston, USA: PROBLEMS OF SCIENCE, 2019. – С. 37-41.

113. Шаховский, В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография / В. И. Шаховский. – Волгоград: ИП Поликарпов И. Л., 2016. – 504 с.

114. Шаховский, В. И. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи / В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2010. – № 1 (31). – С. 22-29.

115. Шаховский, В. И. Методы, приемы и подходы современной лингвоэкологии / В. И. Шаховский, А. А. Штеба // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. монография / науч. ред. проф. В. И. Шаховский, отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол. Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 61-76.

116. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.01 «Русский язык» / Шейгал Елена Иосифовна; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2000. – 431 с.

117. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

118. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. монография / науч. ред. проф. В. И. Шаховский, отв. ред. проф.

Н. Н. Панченко, редкол. Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград: ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

119. Юрина, Е. А. Пищевая метафора: объем и границы понятия / Е. А. Юрина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3-1(63). – С. 207-212.

120. Яковлев, П. А. Эвфемизмы и табуированная лексика / П. А. Яковлев // Экспертиза. – 2006. – № 12. – С. 24-31.

121. Акбарова, З. А. Ўзбек тилида мурожаат шакллари / З. А. Акбарова. – Тошкент: Akademnashr, 2015. – 112 б.

122. Аширбаева, Д. Корейс ва ўзбек дискурсида мурожаатлар / Д. Аширбаева. – Тошкент: Donishmand ziyosi, 2024. – 144 б.

123. Бегматов, Э. Исmlарнинг сирли олами / Э. Бегматов. – Тошкент: Ўзбекистон, 2014. – 174 б.

124. Вохидов, Э. Тўла асарлар тўплами. 8 жилдлик. 1-ж. / Э. Вохидов. – Тошкент: Шарқ НМАК, 2015. – 137 б.

125. Джурабаева, З. А. Ўзбек тилида экологик терминлар: филология фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун диссертация автореферати: мутахассислик 10.00.01 «Ўзбек тили» / Джурабаева Замира Ахмедовна; Алишер Навоий номидаги Тошкент давлат ўзбек тили ва адабиёти университети. – Тошкент, 2018. – 49 б.

126. Каримов, И. А. Мамлакатимизни демократик янгилаш ва модернизация қилишга қаратилган тараққиёт йўлимизни қатъият билан давом эттириш – бош мақсадимиздир. Президент Ислom Каримовнинг Ўзбекистон Республикаси Конституцияси қабул қилинганининг 22 йиллигига бағишланган тантанали маросимдаги маърузаси / И. А. Каримов // «Ўзкимёсаноат» акциядорлик жамияти: веб-сайт. – URL: <https://uzkimyosanoat.uz/uz/press/news-uzbekistan/prezmaruza2014> (дата обращения: 14.06.2023).

127. Қахҳор, А. Асарлар. 5 жилдлик. 3-жилд. Ўтмишдан эртаклар // Қиссалар. – Тошкент: Гафур Ғулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти, 1988. – 448 б.

128. Қулдашев, Н. А. Эколингвистика: ўзбек тилида тил ва нутқ софлигининг лингвокультурологик тадқиқи: филология фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун диссертация автореферати: мутахассислик 10.00.01 «Ўзбек тили» / Қулдашев Низомидин Ахмадалиевичнинг; Фарғона давлат университети. – Фарғона, 2021. – 47 б.

129. Мўминов, С. М. Ўзбек мулоқот хулқининг ижтимоий-лисоний хусусиятлари / С. М. Мўминов. – Фарғона: Classic, 2021. – 224 б.

130. Омонтурдиев, А. Ж. Профессионал нутқ эвфемикаси (чорвадорлар нутқи мисолида): филология фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун диссертация: мутахассислик 10.00.01 «Ўзбек тили» / Омонтурдиев Анвар Жабборович; Термиз давлат университети. – Тошкент, 2009. – 252 б.

131. Омонтурдиев, А. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати / А. Омонтурдиев. – Тошкент: Фан, 2006. – 134 б.

132. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 80000 дан ортиқ сўз ва сўз бирикмаси: 5 жилд / Э. Бегматов, А. Мадвалиев, Н.Махкамов [и др.]. – Тошкент: Ўзбекистон миллий университети, 2008. – 680 б.

133. Палуанова, Х. Д. Инглиз, ўзбек ва қорақалпоқ тилларида экологик терминларнинг деривацион-семантик принциплари: филология фанлари докторлик илмий даражасини олиш учун диссертация автореферати: мутахассислик 10.00.01 «Ўзбек тили»; Палуанова Халифа Дарибаевна; Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети. – Тошкент, 2016. – 88 б.

134. Расулов, К.Ҳ. Ўзбек мулоқот хулқининг функционал хосланиши: филология фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун диссертация: мутахассислик 10.00.01 «Ўзбек тили» / Расулов Қаҳрамон Абдуғаниевич; Алишер Навоий номидаги тил ва адабиёт институти. –Тошкент, 2008. – 118 б.

135. Турдиева, Х. К. Акт речевого этикета в персидском и узбекском языках: выражение вежливости / Х. К. Турдиева // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 12. – С. 516-522.

136. Турдиева, Ҳ. К. Нутқий этикет бирликларининг лингвопрагматик тадқиқи (форс ва ўзбек тилларидаги материаллар асосида): филология фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун диссертация: мутахассислик 10.00.01 «Ўзбек тили» / Турдиева Хулқар Комиловна; Алишер Навоий номидаги Тошкент давлат ўзбек тили ва адабиёти университети. – Тошкент, 2020. – 167 б.

137. Otriqov, A. Nutq madaniyati va notiqlik san'ati / A. Otriqov. Toshkent: G'afur G'ulom nashriyoti, 2002. – 245 b.

138. Allan, K. Euphemism and dysphemism: language used as shield and weapon / K. Allan, K. Burridge. – New York: Oxford University Press, 1991. – 263 p.

139. Braziel, J. N. Bodies out of bounds: fatness and transgression / J. N. Braziel, K. LeBesco. – Berkley: University of California press, 2001. – 360 p.

140. Brown, P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University press, 1987. – 360 p.

141. do Couto, H. H. Ecological approaches in linguistics: a historical overview / H. H. do Couto // Language Sciences. – Elsevier. – 2014. – № 41. – P. 122-128.

142. Fill, A. The Routledge handbook of ecolinguistics / A. Fill, H. Penz. – New York: Routledge, 2018. – 476 p.

143. Finke, P. Transdisciplinary linguistics: ecolinguistics as a pacemaker into a new scientific age // The Routledge handbook of ecolinguistics / ed. A. Fill, H. Penz. – New York: Routledge, 2018. – P. 406-419.

144. Forte, D. L. Ecolinguistics: the battlefield for the new class struggle? / D. L. Forte // Language and ecology: web site. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Ecolinguistics%3A-The-battlefield-for-the-new-class-Forte/bcda689db131eb5eea8161bd8f22bb442c1a85cd> (access date: 23.02.2023).

145. Gordon, A. What we don't talk about when we talk about fat / A. Gordon. – Boston: Beacon Press, 2020. – 208 p.

146. Grammar of spoken and written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech [et al.]. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2021. – 1256 p.

147. Grice, P. *Logic and conversation* / P. Grice // *Syntax and Semantics* / eds. P. Cole, J. Morgan. Vol. 3: *Speech Acts*. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
148. Guirdham, M. *Communicating across cultures* / M. Guirdham. – London: Red Globe Press, 1999. – 416 p.
149. Hall, E. T. *Understanding cultural differences: Germans, French and Americans* / E. T. Hall, M. R. Hall. – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1990. – 196 p.
150. Halliday, M. A. K. *An Introduction to functional grammar* / M. A. K. Halliday. – Melbourne: Hodder & Stoughton, 1990. – 700 p.
151. Halmari, H. *Political correctness, euphemism, and language change: the case of «people first»* / H. Halmari // *Journal of Pragmatics*. – 2011. – Vol. 43, № 3. – P. 828-840.
152. Harre, R. *Greenspeak // A study of environmental discourse* / R. Harre, J. Brockmeier, P. Mühlhauser. – Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage, 1999. – P. 91-118.
153. Haugen, E. *The ecology of language* / E. Haugen. – Stanford, California: Stanford University press, 1972. – 366 p.
154. Hofstede, G. H. *Culture and organizations: Software of the mind* / G. H. Hofstede. – London: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991. – 576 p.
155. Holder, R. W. *Oxford dictionary of euphemisms (how not to say what you mean: a dictionary of euphemisms)* / R. W. Holder – London: Oxford University Press, 2008. – 412 p.
156. Khosh, N. K. *Politeness and communicative styles in British and Persian family discourse: thesis for a PhD degree candidate of philology* / N. K. Khosh; Peoples' Friendship University. – Moscow, 2023. – 251 p.
157. Leech, G. *The Pragmatics of politeness. In the pragmatics of politeness* / G. Leech. – New York: Oxford University press, 2014. – 369 p.
158. Levy-Navarro, E. *Historizing fat in anglo-american culture* / E. Levy-Navarro. – Columbus: Ohio State University press, 2010. – 254 p.

159. Mayring, P. Qualitative inhaltsanalyse / P. Mayring. – UVK Univ.-Verl. Konstanz: Konstanz, 1994. – Vol. 14. – P. 159-175.
160. Neaman, J. S. Kind words: a thesaurus of euphemisms. Expanded and revised edition / J.S. Neaman, C.G. Silver. – New York: Facts on File, 1990. – 373 p.
161. Never say die: death euphemisms, misunderstandings and their implications for practice / D. Rawlings, J. J. Tieman, C. Sanderson, D. Parker [et al.] // International journal of palliative nursing. – 2017. – Vol. 23, № 7. – P. 324-330.
162. Puhl, R. M. What words should we use to talk about weight? A systematic review of quantitative and qualitative studies examining preferences for weight-related terminology / R. M. Puhl // Obesity reviews. – 2020. – Vol. 21, № 6. – P. 1-28.
163. Scollon, R. Face in interethnic communication / R. Scollon, S. Scollon // Language and communication / eds. J. R. Richards, R. W. Schmidt. – London: Longman, 1983. – P. 156-188.
164. Sievers, E. W. Uzbekistan's mahalla: from soviet to absolutist residential community associations / E. W. Sievers // The journal of international and comparative law in Chicago-Kent. – 2002. – Vol. 2. – P. 91-158.
165. Stibbe, A. Ecolinguistics: language, ecology and the stories we live by / A. Stibbe. – London; New York: Routledge, 2015. – 210 p.
166. Timsit, A. Is god they/them? Church of England considers gender-neutral pronouns / A. Timsit // The Washington Post: web site. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/02/08/god-gender-neutral-church-of-england/> (access date: 23.02.2023).
167. Trampe, W. Language and ecological crisis: extracts from a dictionary of industrial agriculture / W. Trampe // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. A. Filland, P. Mühlhäusler. – London; New York: Continuum, 2001. – P. 235-238.
168. Triandis, H. Culture and social behaviour / H. Triandis. – New York: McGraw-Hill Inc., 1994. – 342 p.

169. Tsarikova, N. Balance in language teaching and learning: honoring tradition and celebrating innovation / N. Tsarikova // MA TESOL Collection. – 2005. – Vol. 138. – URL: https://digitalcollections.sit.edu/ipp_collection/138 (access date: 12.06.2023).
170. Unger, R. K. Toward a redefinition of sex and gender / R. K. Unger // American psychologist. – 1979. – Vol. 34, № 11. – P. 1085-1094.
171. Warren, B. What euphemisms tell us about the interpretation of words / B. Warren // Studia linguistica. – 1992. – Vol. 46, № 2. – P. 128-172.
172. Waters, M. Where gender-neutral pronouns come from / M. Waters // The Atlantic: web site. – URL: <https://www.theatlantic.com/culture/archive/2021/06/gender-neutral-pronouns-arent-new/619092/> (access date: 24.11.2023).
173. Watts, R. J. Politeness / R. J. Watts. – Cambridge: Cambridge University press, 2003. – 308 p.
174. Wierzbicka, A. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction (2nd ed) / A. Wierzbicka. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

175. Аномальные холода выявили острую нехватку газа в Узбекистане // Ведомости: сайт. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/20/959774-holoda-viyavili-nehvatku-gaza-v-uzbekistane> (дата обращения: 14.02.2024).
176. Бог терпел – и нам велел? // Владимирские ведомости: сайт. – URL: <https://vedom.ru/news/2014/11/17/15726-bog-terpel> (дата обращения: 11.02.2024).
177. Вакансии от прямых работодателей // Naim.ru: сайт. – URL: <https://www.naim.ru/vacancies> (дата обращения: 12.09.2024).
178. Второзаконие, Глава 5, ст. 16. Библия. Ветхий завет // Азбука веры: сайт. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Deut.5&r> (дата обращения: 10.09.2024).

179. Гончарова, Е. Л. Дети с особыми образовательными потребностями в системе понятий культурно-исторической психологии / Е. Л. Гончарова, О. С. Никольская, О. И. Кукушкина // Психологическая газета: сайт. – URL: <https://psy.su/feed/10081/> (дата обращения: 10.04.2024).

180. День памяти и почестей отмечают в Узбекистане // Газета.uz: сайт. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/05/09/9may/> (дата обращения: 12.04.2023).

181. Зачем особому ребенку плавать и с чего начать // ООО «Бато»: сайт. – URL: <https://rebenok-plavaet.ru/zacem-osobomu-rebenku-plavat-i-s-cego-nacat> (дата обращения: 08.08.2024).

182. Зиёдов, Ш. Ю. В чем исторические корни религиозной толерантности в Узбекистане? / Ш. Ю. Зиёдов // Darakchi Inform Servis: сайт. – URL: <https://www.darakchi.uz/ru/148889> (дата обращения: 18.11.2023).

183. Известные люди с физическими ограничениями. Справка // РИА Новости: сайт. – URL: <https://ria.ru/20081203/156362052.html?ysclid=lw82jn96tg941944810> (дата обращения: 15.04.2024).

184. Инвалид // Толковый словарь Ожегова: сайт. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9858> (дата обращения: 08.02.2024).

185. Инвалид и неполноценный человек это одно и то же? В чём разница? // Большой вопрос: сайт. – URL: <https://www.bolshoyvopros.ru/questions/1394027-invalid-i-nepolnocennyj-chelovek-eto-odno-i-to-zhe-v-chjom-raznica.html?ysclid=lw82wjfrc5253962709> (дата обращения: 15.04.2024).

186. Инвалиды – правильное слово? Как говорить, чтобы не обидеть // BBC News: сайт. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45667220.amp> (дата обращения: 08.08.2024).

187. Истоки нравственности. Проявление уважения к пожилому человеку – признак почитания Аллаха // Ингушетия: сайт. – URL: <https://gazetaingush.ru/obshchestvo/proyavlenie-uvazheniya-k-pozhilomu-cheloveku-priznak-pochitaniya-allaha> (дата обращения: 10.09.2024).

188. Какой бы диагноз вам поставить? Почему детям с аутизмом ставят диагноз шизофрения // Фонтанка.ру: сайт. – URL: <https://www.fontanka.ru/2021/04/09/69857753/> (дата обращения: 08.08.2024).

189. Клинические рекомендации. Обсессивно-компульсивное расстройство. – Москва: Российское общество психиатров, 2021 // Московский НИИ психиатрии: сайт. – URL: <https://mniip.serbsky.ru/wp-content/uploads/2021/12/ОКР.pdf?ysclid=m35gr52tzt333193432> (дата обращения: 15.04.2024).

190. Когда заговорил Ваш малыш? // Woman.ru: сайт. – URL: <https://www.woman.ru/kids/deti-ot-goda-do-3-let/thread/4729537/> (дата обращения: 08.08.2024).

191. Крис Сайпл: «Толерантность у народа Узбекистана в крови» // ГУ «Редакция газет «Янги Ўзбекистон» и «Правда Востока»: сайт. – URL: <https://yuz.uz/ru/news/kris-saypl-tolerantnost-u-naroda-uzbekistana-v-krovi> (дата обращения: 14.01.2023).

192. Левит, глава 19, стих 32 // Азбука веры: сайт. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Lev.19:32> (дата обращения: 10.09.2024).

193. Люди с ограниченными умственными способностями: как общаться и как освещать сюжеты о них. Руководство для журналистов. – Кишинев, 2018. – Keystone Moldova: сайт. – URL: <https://www.keystonemoldova.md/wp-content/uploads/sites/4/2020/08/Guide-for-journalists-Ru.pdf> (дата обращения: 21.04.2024).

194. Магдеева, С. Как попасть в дом-интернат «Саховат»? / С. Магдеева // Darakchi Inform Servis: сайт. – URL: <https://www.darakchi.uz/ru/148889> (дата обращения: 18.11.2023).

195. Молодые ученые получают поддержку // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации: сайт. – URL: <http://duma.gov.ru/news/56393/> (дата обращения: 10.09.2024).

196. Не такие, как все. Как особенные дети получают шанс на обычную жизнь // Аргументы и факты: сайт. – URL: https://vlg.aif.ru/amp/society/family/ne_takie_kak_vse_kak_osobennye_deti_poluchayut_s_hans_na_obychnuyu_zhizn (дата обращения: 21.04.2024).

197. Необычный спектакль для необычных детей // Вести-Орел: сайт. – URL: <https://vestiorel.ru/novosti/78133.html> (дата обращения: 05.05.2024).

198. Они спешат на помощь. Как жители Краснодарского края становятся волонтерами // Лента новостей Краснодара: сайт. – URL: <https://krasnodar-news.net/society/2022/12/05/282559.html> (дата обращения: 01.09.2024).

199. Правила хорошего тона в Узбекистане // Общество дружбы «Узбекистан-Германия»: сайт. – URL: https://ud.uz/ru/unique_charming/modern_society/530/ (дата обращения: 06.06.2023).

200. Президент в Андижанской области посетил ряд предприятий, школы и котельную // Газета.uz: сайт. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/02/16/andijan/> (дата обращения: 16.04.2023).

201. Россия продолжает укреплять скрепы и традиционные ценности // Аргументы недели. Кубань: сайт. – URL: <https://argumenti.ru/society/2022/08/783669> (дата обращения: 01.02.2023).

202. Системный фонд помощи детям и взрослым с редкими заболеваниями кожи // Фонд Дети-Бабочки: сайт. – URL: <https://www.deti-bela.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).

203. Солнечные дети // Детский центр Солнечная страна: сайт. – URL: <https://solnechnaya-strana.ru/o-nas/solnechnye-deti> (дата обращения: 14.05.2024).

204. Сообщество родителей особых детей // Дети-ангелы: сайт. – URL: <https://detiangeli.ru/> (дата обращения: 01.05.2024).

205. Толкования на Апостола Павла 1-е послание к Тимофею 5:1 // Азбука веры: сайт. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?1Tim.5:1&r~e> (дата обращения: 10.09.2024).

206. Туракулова, А. С. Особенности узбекской культуры как центральное звено в формировании этнической толерантности / А. С. Туракулова // ResearchGate: сайт. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/340447900_OSOBENNOSTI_UZBEKSKOJ_KULTURY_KAK_CENTRALNOE_ZVENO_V_FORMIROVANII_ETNICESKOJ_TOLE_RANTNOSTI_UZBEK_CULTURE_FEATURES_AS_A_CENTRAL_COMPONENT_IN_ORIGIN_OF_ETHNIC_TOLERANCE (дата обращения: 17.08.2023).

207. Хромова З. В. Социализация молодых людей с проблемами интеллектуального развития через клубную работу / З. В. Хромова // Непрерывное образование: XXI век. – 2013. - № 3. – URL: <https://11121.petrstu.ru/journal/article.php?id=2149> (дата обращения: 08.08.2024).

208. 8 историй успеха людей с ограниченными возможностями // Успех в голове: сайт. – URL: <https://uspehvgolove.ru/8-istorij-uspeha-lyudej-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami/> (дата обращения: 12.05.2024).

209. Андижоннинг энг намунали маҳалла раислари // Uza.uz: веб-сайт. – URL: https://uza.uz/uz/posts/andizhonning-eng-namunali-mahalla-raislari_578360 (кириш санаси: 13.09.2024).

210. Битирувчилар мустақил ҳаётга йўл олди // Uza.uz: веб-сайт. – URL: https://uza.uz/ru/posts/bitiruvchilar-mustaqil-hayotga-yol-oldi_497439?q=%2Fposts%2Fbitiruvchilar-mustaqil-hayotga-yol-oldi_497439 (кириш санаси: 12.08.2023).

211. Ёқубов, Д. I бўлим «ЗАФАР» / Д. Ёқубов // Muzaffar.uz: веб-сайт. – URL: <https://muzaffar.uz/nasr-bostoni/4402-bugungi-kunlar.html> (кириш санаси: 30.01.2024).

212. Ислом ҳайбатли ўғлонидан айрилди – уламолар атоқли шайхнинг вафотига муносабат билдирди // Хабар.uz: веб-сайт. – URL: <https://www.xabar.uz/jamiyat/islom-haybatli-oglonidan-ayrildi> (кириш санаси: 27.08.2024).

213. Кўча қонунлари бўйича ундирув. Россияда иш ҳақи берилмай қийин вазиятда қолган ўзбек ҳикояси // Kun.uz: веб-сайт. – URL: <https://kun.uz/kr/55508215> (кириш санаси: 08.08.2024).

214. Қориндаги ортиқча ёғлардан спортсиз халос бўлиш мумкинми? // Zamin.uz: веб-сайт. – URL: <https://zamin.uz/tibbiyot/23168-qorindagi-ortiqcha-yoglardan-sportsiz-xalos-bolish-mumkinmi.html> (кириш санаси: 18.08.2024).

215. Нуруллоҳ Ш. Фарғонада газ «заправка»даги жанжал оқибатида бир йигит вафот этди / Ш. Нуруллоҳ // Gazeta.uz: веб-сайт. – URL: <https://www.gazeta.uz/uz/2024/02/05/dangara/> (кириш санаси: 18.08.2024).

216. Пенсия ёшидаги педагогларнинг малака тоифалари сақланади ва мос равишда ойлик тўланади — ХТВ // Aniq.uz: веб-сайт. – URL: <https://aniq.uz/yangiliklar/pensiya-yoshidagi-pedagoglarning-malaka-toifalari-saqlanadi-va-mos-ravishda-oylik-tulanadi-xtv> (кириш санаси: 12.09.2024).

217. Рекордлар соҳиби кениялик марафончи автоҳалокат қурбони бўлди // Kun.uz: веб-сайт. – URL: <https://kun.uz/kr/news/2024/02/12/rekordlar-sohibi-keniyalik-marafonchi-avtohalokat-qurboni-boldi> (кириш санаси: 18.08.2024).

218. Россиянинг энг кекса аёли 130 ёшида вафот этди // Kun.uz: веб-сайт. – URL: <https://kun.uz/03940325?q=%2Fuz%2F03940325> (кириш санаси: 08.08.2024).

219. Саёҳатчи келиннинг орзуси... // Zamin.uz: веб-сайт. – URL: <https://zamin.uz/hayot-tarzi/29304-saehatchi-kelinning-orzusi.html> (кириш санаси: 30.01.2024).

220. Тожимамадова, М. Алишер Навоий – дипломат / М. Тожимамадова // Янги Ўзбекистон: веб-сайт. – URL: <https://yuz.uz/news/alisher-navoiy--diplomat> (кириш санаси: 01.09.2024).

221. Тошгулни жин чалди // Muzaffar.uz: веб-сайт. – URL: <https://muzaffar.uz/nasr-bostoni/1709-toshgulni-jin-chaldi.html> (кириш санаси: 08.08.2024).

222. ТошДУ журналистика факультети декани Анвар Шомақсудов вафот этди

// Дунё ўзбеклари: веб-сайт. – URL: <https://dunyouzbeklari.com/?p=156121> (кириш санаси: 08.08.2024).

223. Ўзбекистонда қанча одам семизликдан азият чекиши маълум бўлди // Qalampir.uz: веб-сайт. – URL: <https://qalampir.uz/news/uzbekistonda-k-ancha-odam-semizlikdan-aziyat-chekishi-ma-lum-buldi-94138> (кириш санаси: 08.08.2024).

224. Узоқ умр кўрган япониялик отахон Гиннесс китобига киритилди // Sputnik.uz: веб-сайт. – URL: <https://sputniknews.uz/20200212/Uzo-umr-korgan-yaponiyalik-otaxon-Ginness-rekordlar-kitobiga-kiritildi-13455392.html> (кириш санаси: 12.09.2024).

225. Ўткир Ҳошимов ҳангомалари // Хабар.uz: веб-сайт. – URL: <https://www.xabar.uz/hajviya/otkir-hoshimov-hangomalari> (кириш санаси: 12.09.2024).

226. Фарангиз Режаметова ЙТХ қурбони бўлди // Хабар.uz: веб-сайт. – URL: <https://www.xabar.uz/hodisa/farangiz-rejametova-yth-qurboni-boldi> (кириш санаси: 27.08.2024).

227. Ҳошимжон Н. Уларга «Уфф» дема! / Н. Ҳошимжон // Islom.uz: веб-сайт. – URL: <https://www.islom.uz/maqola/16765> (кириш санаси: 08.08.2024).

228. Янги йилни илк кунида 33 ёшли маст ҳайдовчи бу дунёни тарк этди // Namanganliklar.uz: веб-сайт. – URL: <https://namanganliklar.uz/news/25646> (кириш санаси: 01.04.2024).

229. Abdulla Qodiriy. 20-yillar maqolalari & Abdulla Qodiriy. Diyori bakr & To'la asarlar to'plami. 6 jildlik 1-jild // Xurshid Davron kutubxonasi: veb-sayt. – URL: <https://daryo.uz/2024/02/14/ozbek-tilidagi-qoshigi-butun-dunyoga-mashhur-bolgan-yagona-xonanda-feruza-jumaniyozova-40-yoshda> (kirish sanasi: 04.02.2024).

230. Amaki, o'n so'm tashlab keting // Gazeta.uz: veb-sayt. – URL: <https://www.gazeta.uz/oz/2019/06/15/patronage/> (kirish sanasi: 04.02.2024).

231. Kelinining boshiga yetgan zolim qaynona // Kun.uz: veb-sayt. – URL: <https://kun.uz/03940325?q=%2Fuz%2F03940325> (kirish sanasi: 28.04.2024).

232. Odamlar ko‘rib ko‘proq xursand bo‘lishyapti – Toshkentda ayollar avtobus hayday boshladi // Kun.uz: veb-sayt. – URL: <https://kun.uz/news/2024/02/29/odamlar-korib-koproq-xursand-bolishyapti-toshkentda-ayollar-avtobus-hayday-boshladi> (kirish sanasi: 30.01.2024).

233. Qodirov, B. 5 yoshimda otamni mendan tortib olishgan / B. Qodirov // Kun.uz: veb-sayt. – URL: <https://kun.uz/news/2024/04/25/5-yoshimda-otamni-mendan-tortib-olishgan-botir-qodirov> (kirish sanasi: 26.04.2024).

234. Zapretga tushib atrofdagilarning asl yuzini ko‘rdim. Qo‘shig‘i turli millat vakillari tomonidan o‘zbek tilida kuylangan xonanda Feruza Jumaniyozova 40 yoshda (foto) // Daryo.uz: veb-sayt. – URL: <https://daryo.uz/2024/02/14/ozbek-tilidagi-qoshigi-butundunyoga-mashhur-bolgan-yagona-xonanda-feruza-jumaniyozova-40-yoshda> (kirish sanasi: 04.02.2024).

235. Zara XXL ўлчамдаги кийимларни сотишни бошлади // Daryo: веб-сайт. – URL: <https://daryo.uz/k/2016/05/21/zara-xxl-olchamdagi-kiyimlarni-sotishni-boshladi> (кириш санаси: 08.08.2024).

236. 40 yil sukut saqlagan Ra‘no Abdullayeva bilan suhbat // Aniq.uz: veb-sayt. – URL: <https://aniq.uz/uz/yangiliklar/40-yil-sukut-saqlagan-rano-abdullaeva-bilan-suhbat-tuliq-video> (kirish sanasi: 03.02.2024).

237. Age-inclusive language: are you using it in your writing and everyday speech? // Institute for Public Health: web site. – URL: <https://publichealth.wustl.edu/age-inclusive-language-are-you-using-it-in-your-writing-and-everyday-speech/> (access date: 28.04.2024).

238. Gender-inclusive / Non-sexist language guidelines and resources // University of Pittsburgh: web site. – URL: <https://www.pitt.edu/resources/faculty-resources/gender-inclusive-non-sexist-language-guidelines-and-resources> (access date: 09.01.2024).

239. Guidelines for gender-inclusive language in English // UNITED NATIONS. Gender-inclusive language: web site. – URL: <https://www.un.org/en/gender-inclusive-language/guidelines.shtml> (access date: 12.02.2024).

240. Hello everyone Vs. Hello everybody Vs. Hello all [duplicate] // English Language Learners: web site. – URL: <https://ell.stackexchange.com/questions/188276/hello-everyone-vs-hello-everybody-vs-hello-all> (access date: 12.01.2024).

241. I live in a bigger body - and i still love myself // She Defined: web site. – URL: <https://shedefined.com.au/life/i-live-in-a-bigger-body-and-i-still-love-myself/> (access date: 22.08.2024).

242. Inclusive and Gender-Neutral Language // National Institutes of Health: web site. – URL: <https://www.nih.gov/nih-style-guide/inclusive-gender-neutral-language> (access date: 22.08.2024).

243. Language matters: gender // New York State: web site. – URL: <https://omh.ny.gov/omhweb/resources/publications/language-matters-gender.pdf> (access date: 09.01.2024).

244. Learn the difference: “Miss,” “Mrs.,” “Ms.,” and “Mx.” // Grammarly: web site. – URL: <https://www.grammarly.com/blog/commonly-confused-words/ms-mrs-miss-difference/#:~:text=Ms.%20vs.%20Mrs.%20vs.%20Miss%20vs.%20Mx.&text=Ms.%20is%20a%20general%20title,neither%20marital%20status%20nor%20gender> (access date: 12.01.2024).

245. Misgendering + Pronouns: a guide to using inclusive language when speaking languages other than English // Australian National University: web site. – URL: <https://www.vu.edu.au/sites/default/files/misgendering-pronouns-languages-other-than-english.pdf> (access date: 16.03.2024).

246. NATO Gender-Inclusive. Language Manual // North Atlantic Treaty Organization: web site. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pictures/images_mfu/2021/5/pdf/210514-GIL-Manual_en.pdf (access date: 16.03.2024).

247. Oprah Winfrey reveals she starved herself for nearly five months’ in ABC weight loss special // USA today: web site. – URL:

<https://www.usatoday.com/story/entertainment/tv/2024/03/18/oprah-winfrey-weight-loss-drugs-ozempic-abc-special/73023896007/> (access date: 10.01.2024).

248. READ: Biden-Trump debate transcript // CNN: web site. – URL: <https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript/index.html> (access date: 22.07.2024).

249. Sexism: See it. Name it. Stop it. // Human rights Channel: web site. – URL: <https://human-rights-channel.coe.int/stop-sexism-en.html> (access date: 09.01.2024).

250. Yale Obesity Research Center (Y-Weight) // Yale School of Medicine: web site. – URL: <https://medicine.yale.edu/y-weight/> (access date: 22.08.2024).